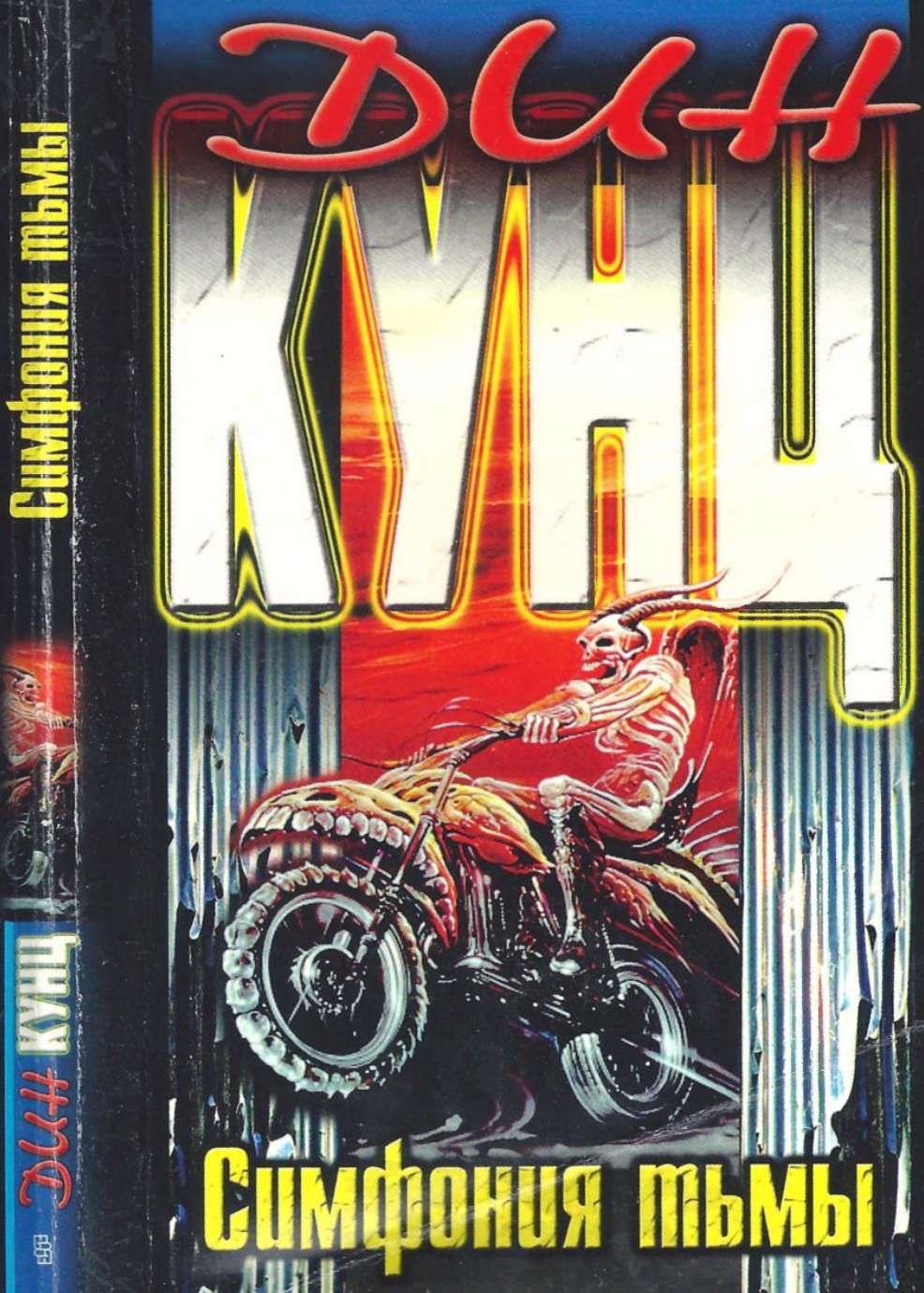


ДИКИЙ
Симфония тьмы

ДИКИЙ

ДИКИЙ

ЕР



Симфония тьмы

**DEAN R.
KOONTZ**

The Dark Symphony

A Novel

ЭИЧ
КУНЧ

Симфония тьмы

Роман



Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2003

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)
К91

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

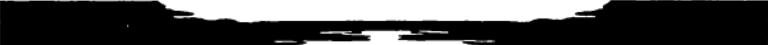
Перевод на русский язык
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

Художественное оформление
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

ISBN 5-227-01330-9

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Симфония тьмы



Роман

Есть музыка для Смерти и музыка для Жизни. Как-то я обнаружил, что музыка того, иного, мира более интересна, чем та, которую исполняют на этом свете. Музыка Смерти говорит о мире, покое и любви. Только музыка Жизни представляет собой Мрачную симфонию.

*Поучение Владисловича
в «Первом Завете»*

Первая часть симфонии АРЕНА

Когда-то...

Прыгун повис в пятистах футах над улицей, и двенадцать его пальцев, словно черви, скованые трупным окоченением, впились в гладкий, без выступа, без щербинки, карниз из стекловидной массы.

Ветер был свежий, но не бурный — скорее дудочник, чем трубач. Он наигрывал в глубоком каньоне улицы и ласково водил пальцами по фасаду здания «Первого Аккорда», центра генной инженерии общества музыкантов, поддразнивая птиц, которые жили в гнездах из мусора и соломы, прилепленных к ненадежным полочкам.

Прыгун искал ямку, трещинку, хоть какую-то опору для пальцев и не находил, как не нашел и на предыдущих сорока семи карнизах. А теперь

он к тому же остался без веревки с крюком-кошкой. Кошка сорвалась, когда он подтягивался по веревке; он судорожно дернулся вверху, вцепился в самый краешек карниза, а веревка с кошкой пронеслась мимо него вниз, в темный провал. И сейчас он висел, а ветер наигрывал на своей дудочке в темноте и шаловливо ерошил волосы на его толстых ногах.

Прыгун поморгал, смахивая капли пота с ресниц, и напрягся, стараясь вложить всю силу в руки. Придется вытаскивать себя наверх, положившись лишь на натянутую струнами плоть запястий, затем — предплечий, затем — широких плеч. Он уже проделывал такое и прежде, с одной лишь разницей... Прежде он не был утомлен до смерти, теперь же каждая клеточка его тела тупо ныла и пульсировала.

«Чего дожидаешься, ублюдок? Ну, подтягивайся, гад!» — мысленно крикнул он себе.

В первое мгновение мокрые от пота руки заскользили по камню под весом массивного тела. Перед глазами застыла четкая до жути картина долгого падения, а за ним — мгновенного, яркого, как вспышка, неощутимого столкновения с мерцающими камнями мостовой. Но тут ладони затвердели, руки натянулись до звона. Затем в работу вступили огромные бицепсы, и он начал подтягиваться, потом отжался, и талия оказалась на уровне карниза. Он попытался закинуть наверх колено — неудачно, только ободрал кожу, попытался снова — и выбрался на карниз. Он сидел на уступе — целый и невредимый.

Прыгун отдыхал, свесив ноги, и смотрел на остальные девять фаллических Башен музыкантской

части города-государства, и все они мерцали яркими цветами — оранжевым или красным, голубым или зеленым. Воображение поражало, что это всего лишь звуковые колебания, конструкции, состоящие из переплетенных волн, которые образовали твердое вещество. Они больше походили на цветное стекло.

Наконец он оторвал взгляд от города и опустил глаза к улицам, лежащим там, внизу, таким далеким...

«И что дальше?» — подумал он.

Путь туда, вниз, только один — спрыгнуть. И хоть до улицы очень далеко, целых пятьсот футов, но до крыши еще дальше — две тысячи. Когда музыканты строили, сплетая стены и перекрытия из звуков, они игнорировали законы гравитации, правила, доктрины и догмы инженерного искусства, они отвергли старую терминологию и ввели свой собственный лексикон возможного...

У Прыгуна не было веревки, чтобы лезть наверх. Теперь самая лучшая возможность — забраться в Башню через окно на этом уровне, а потом уже внутри подняться на нужный этаж.

Двинувшись вдоль карниза, он возле самого угла нашел окно, показавшееся ему подходящим. Лист чуть-чуть матового стекла едва слышно гудел иibriровал под пальцами при прикосновении. Это прозрачное вещество тоже было сотворено из звука, однако Силач заверял, что резаться оно будет как обыкновенное стекло и не помешает ему забраться внутрь...

Прыгун полез в кожаный мешочек, привязанный к набедренной повязке, вытащил алмаз. Приставил к стеклу и, сильно нажимая, провел сверху

вниз. На стекле осталась тонкая, иглистая, как морозный узор, линия. Силач был прав.

Прыгун прорезал прямоугольник и наклеил с одной стороны липкую ленту — получилась как будто дверь с петлями. Толкнул, поворачивая внутрь вырезанное стекло, и спрыгнул в комнату. Затем оторвал ленту и вынул вырезанный прямоугольник. В то мгновение, когда кусок стекла вышел из плоскости окна, он исчез, а отверстие мгновенно затянулось новым стеклом. Оно едва слышно гудело...

Прыгун славился среди своих невозмутимостью и стойкостью, и все же в эту минуту сердце его заколотилось. Вполне возможно, что он — первый популярный, проникший в здание музыкантов, самый первый мутант на этой территории, которую можно считать Святой землей... Он обнаружил, что находится в часовне, и пробирающее его тревожное волнение стало еще острее. Перед ним стоял бюст Шопена. Он подошел к алтарю и плюнул.

Если не считать ощущения близкой опасности, только одна особенность произвела на него здесь сильное впечатление: все предметы в часовне оказались из обычного вещества. Это были не конфигурации звуковых волн, а настоящие предметы, которые не перестанут существовать, если выключить излучатели и генераторы. Но конечно, это ведь часовня, и музыканты наверняка по желали наделить ее чем-то особым...

Он снова плюнул на Шопена и тихонько двинулся к задней части помещения, где находилась дверь в коридор. До выхода оставалась какая-то дюжина футов, когда дверь внезапно открылась...

Глава 1

Семнадцатилетний юноша по имени Гильом (которого, понятное дело, все звали просто Гил) взглянул на часы с белым циферблатом и увидел, что до конца урока осталось только четыре минуты — всего четыре бесконечно долгие мучительные минуты! Однако оторвав глаза от рояля, он пропустил последнюю треть арпеджио¹ и тут же услышал знакомое «тц-тц-тц» — это наставник недовольно цокал языком. Гил невольно содрогнулся — этот звук неизменно сулил беду.

Он вернул взгляд к клавиатуре и сосредоточился на этюде. В общем-то не так страшно быть музыкантом Четвертого Класса, ничего в этом ужасного, если бы только ему попался мало-мальски понимающий учитель, вроде добродушного Франца, не чрезмерно требовательный и способный взглянуть на дело глазами ученика, когда вдруг оказывалась пропущена какая-то пустяковая нотка или чуть смазан аккорд. Но это же Фредерик, всем известный Фредерик, который не стесняется хлестнуть кожаным ремешком по пальцам, когда чувствует, что человек не репетировал...

Гил, не решаясь снова отвести взгляд от клавиш, настороженно приближался к следующему арпеджио. У него была большая кисть, и широко расставленные пальцы могли захватить очень далеко отстоящие клавиши, что не удалось бы ни одному мальчику с чуть меньшей рукой. Наверное, в том и был корень всех его бед. Наверное,

¹ А р п е д ж и о — исполнение звуков аккорда не одновременно, а вразброску. (Здесь и далее примеч. перев.)

генные инженеры слегка ошиблись и наградили его руками, слишком большими для клавиш, и пальцами слишком длинными, тонкими и костлявыми — такие никогда не будут выглядеть на клавиатуре изящными или искусными.

«Что за неуклюжие ручищи! — думал он. — Я родился с коровами вместо рук и здоровенными болтающимися сосцами вместо пальцев!»

Впрочем, несмотря на сосцы вместо пальцев, он одолел сложное место без затруднений. Дальше — большой легкий кусок, который ему вполне по силам. Он рискнул покоситься на часы, хоть постарался не повернуть голову и не изменить ее наклон. Еще целых две минуты! Ну неужели вся эта адова работа пальцами, этот мучительный самоконтроль не могли занять чуть больше времени?

И тут пальцы его обожгла резкая жалящая боль — это хлестнул ремешок Фредерика. Гил отдернул руки от желтовато-белых клавиш и принялся сосать их, чтобы унять боль.

— Вы угробили этот аккорд, Григ!

Голос был тонкий, но резкий, процеженный через сухую глотку в тощей жилистой шее, через хищные остроконечные зубы.

— Простите, господин учитель, — пробормотал юноша, зализывая два пальца, на которые пришелся основной удар.

Опять он хныкал, изображал униженное подобострастие — и ему было стыдно за себя. Ох как хотелось вырвать этот ремень у старого надзирателя и отхлестать мерзавца по роже! Но приходилось помнить об отце, обо всех надеждах, которые он возлагает на сына. Одно словечко Фре-

дерика людям, занимающим нужные посты, и будущее Гила обратится в горсточку пепла.

— Я очень сожалею, — снова извинился он.

Но на этот раз Фредерик не пожелал удовольствоваться извинениями — впрочем, как не желал и всегда. Он выпрямился, заложив за спину тощие руки с длинными пальцами, и принял расхаживать за спиной у Гила — возник с правой стороны, делал несколько шагов, потом разворачивался и после нескольких шагов в обратную сторону исчезал из поля зрения. Его физиономия, тощая птичья рожа, кислая и вытянутая, выражала отвращение.

«Что, старая ворона, горький червяк попался?» — подумал Гил. Ему хотелось рассмеяться, но он знал, что ремень тут же начнет хлестать по шее, щекам, по голове — и ничуть не приятнее, чем по пальцам.

— Это же совершенно просто, — скрипел Фредерик. — Абсолютно примитивно. В этом этюде ничего нового, Григ. Повторение пройденного, Григ!

Голос его напоминал зудящий звук камышовой дудки, пронзительный, режущий уши.

— Да, господин учитель.

— Так почему вы так упорно отказываетесь упражняться?

— Я упражняюсь, господин учитель.

Ремень полоснул по шее сзади, оставив багровый рубец.

— Ложь, Григ! Отвратительная наглая ложь!

— Но я и вправду упражняюсь! Я работаю даже больше, чем вы велите, господин учитель, да толку никакого. На клавишах мои пальцы — как камни.

Он надеялся, что выглядит расстроенным. Черт побери, да он и вправду расстроен! Предполагалось, что он станет музыкантом, полноправным хозяином звуков, он, дитя универсальной гармонии, рожденное понимать и использовать звуки, исполнять ритуалы музыки достойно, да что там достойно — красиво!

Камера генного жонглирования, хоть и сделала его пальцы чуть-чуть длинноватыми, просто не могла не дать ему полного единства с ритмом, которое было его прирожденным правом, гармонии с вселенской гармонией, которая была его законным наследием, и, наконец, слияния с мелодией, которое было самой сердцевиной души каждого музыканта и главным из свойств, необходимых для получения Класса. А если генная инженерия не сделала чего-то как следует, то недоделки призвана были компенсировать камера затопления.

Камера затопления представляла собой большое помещение, куда музыканты отправляли своих леди в период беременности; здесь те пребывали под воздействием симфонии звуков, которая оказывала подсознательное влияние даже на развивающийся проэнцефalon — передний мозг эмбриона. Такая обработка должна была сгладить все острые кромки, оставшиеся после завершения работы генных инженеров, породить отчаянное желание стать хорошим музыкантом высокого Класса. Но по какой-то непонятной причине это не удалось, и единственное, что побуждало его преуспеть в получении Класса во время церемонии Дня Вступления в Возраст, было нежелание опозорить отца, который, как ни крути, был

Великим Мейстро, главой городского правительства.

К сожалению, под руками Гила рояль превращался в громоздкое, уродливое, непонятливое чудовище.

Фредерик опустился на мерцающую желтую скамью перед мерцающим белым роялем и посмотрел юноше в глаза.

— Вы не являетесь музыкантом даже Четвертого Класса, Григ.

— Но, господин учитель...

— Даже Четвертого Класса! Я должен был рекомендовать устраниить вас как инженерную ошибку. Ах, какие это вызвало бы громы и молнии! Сын Великого Мейстро признан негодным!

Гил содрогнулся. В первый раз он задумался, какая его ждет судьба, если он не получит вообще никакого Класса. Таких неудачников погружают в сон звуковым оружием, а после отправляют в мусоросжигательную печь и уничтожают. Да, не только самолюбие отца — само существование Гила зависит от того, получит ли он хотя бы низшую классификацию в этом обществе, где царит закон «либо плыви, либо тони».

— Но я не пожелал дать такую рекомендацию, Григ, — продолжал скрипеть Фредерик. — Не пожелал по двум причинам. Во-первых, хоть вы чудовищно неуклюжи за клавиатурой и оставались таким все тринадцать лет, начиная с четырехлетнего возраста, вы все же проявили талант в другой области.

— Гитара... — пробормотал Григ, ощущив на миг гордость, которая хоть немного затушевала чувство беспокойства, не оставлявшее его последние два часа.

— Прекрасный инструмент сам по себе, — признал Фредерик. — Конечно, для менее чувствительных натур и для низших социальных слоев, но вполне почтенный инструмент для Четвертого Класса.

— Но вы сказали, были две причины, — напомнил Гил.

Чутье подсказывало ему: Фредерик хочет, чтобы он вытащил из него эту вторую причину чуть ли не силой, — тогда эти слова не будут произнесены им, Фредериком, исключительно по собственной воле.

— Да... — Глаза педанта загорелись, как у взъерошенного орла, следящего за упитанным ягненком, которого бросили на пастбище без присмотра. — Завтра, Григ, учащиеся вашего класса получат свой статус и место в обществе, пройдя испытания и Столп Последнего Звука. Так вот, у меня есть предчувствие, что вы окажетесь мертвые еще до наступления завтрашней ночи. Так не глупо ли было бы с моей стороны навлекать на себя гнев Великого Майстро, если естественный ход событий Дня Вступления в Возраст сам собой устранит вас из системы.

Это был заключительный день учебы у Фредерика, и Гил внезапно ощутил первые проблески силы, которую несла ему приближающаяся свобода. Ремень перестал страшить, когда он понял, что жесткая кожа учительского ремня никогда больше не коснется его, стоит только переступить сегодня порог этой комнаты. И часы показывали, что время истекло уже пять минут назад. Он уже находился здесь дольше, чем положено.

Гил встал:

— Посмотрим, Фредерик. — В первый раз он назвал учителя по имени и заметил, что такая фамильярность вызвала у того раздражение. — Думаю, я сумею преподнести вам сюрприз.

Он уже толкнул дверь в коридор, когда прозвучал ответ Фредерика:

— Возможно, сумеете, Григ. И тогда, не исключаю, вы сами столкнетесь с величайшим сюрпризом.

Его голос, интонация, блеск глаз говорили, что он очень на это надеется. Он надеялся, что Гильом Дюфе Григ¹ умрет на арене.

Дверь с гудением закрылась за Гилом.

Свободен!

Свободен от Фредерика и от ремня, свободен от рояля и его клавиш, которые многие годы были для него тяжким наказанием. Свободен! Ничей, принадлежащий только самому себе человек... Если... Если удастся пройти живым ритуалы Дня Вступления в Возраст. Очень много всяких «если», но он горел уверенностью юности, она кипела у него в душе, не зная раздумий и сомнений.

Он простучал каблуками по пробегающим волнами цветным узорам пола, стараясь наступать на особенно яркую серебряную завитушку, которая словно прорывалась, вращаясь, сквозь мерцающий камень. Завитушка ускользала из-под его ноги, словно обладала способностью чувствовать, и

¹Дюфе Гильом (или Гийом) (ок. 1400—1474) — один из создателей нидерландской школы в музыке эпохи Возрождения; Григ Эдвард (1843—1907) — родоначальник норвежской классической музыки. В обществе музыкантов, описываемом в романе, мужчин называют в честь великих композиторов.

он свернул в боковой коридор Башни Обучения, гонясь за ней, снова и снова пытаясь раздавить ее, но она на глазах выворачивалась из-под туфли еще до того, как подошва касалась пола. Гил прыгнул и чуть было не коснулся строптивой завитушки, но та проплыла сквозь киноварно-красный вихрь, вышла из него уже не серебряной, а охряной — и игра потеряла для юноши интерес.

Гил вернулся в главный коридор, больше не обращая внимания на непрестанно меняющиеся оттенки и рисунки на полу, и тут в акустически безупречном холле грянули великолепные раскады рояля, звучащего под рукой мастера. Потом музыка чуть притихла, стала более пасторальной. Он начал заглядывать во все классы подряд, пока не нашел пианиста. Это был Джироламо Фрескобальди Чимароза¹, Рози, как звали его другие ребята.

Гил как потихоньку открыл дверь, так же тихо и закрыл ее за собой.

Рози играл этюд Шопена ми-мажор, опус 10, номер 3 — одно из самых красивых произведений великого композитора. Пальцы скакали по клавишам, словно насекомые, сам он сидел, сгорбившись над длинной клавиатурой, угольно-черные волосы великолепной волной ложились на воротник куртки и спадали зеркальной гладью по щекам. Сквозь волосы проглядывал розовый кончик одного большого уха.

¹ Фр е скобальди Джироламо (1583—1643) — итальянский композитор и органист. Ч имароза Доменико (1749—1801) — итальянский композитор, одно время — придворный капельмейстер в Петербурге.

Гил опустился на пол, привалившись спиной к стене, — он слушал и смотрел.

Верхние пальцы правой руки Рози трудолюбиво выводили изящную мелодию, а нижние тем временем вязали узор аккомпанемента. Трудная вещь. Для Гила — вообще непосильная. Но он не стал тратить время на горестные раздумья по этому поводу и позволил музыке протекать сквозь себя, находить зрительное осмысление, будоражить разум причудливыми фантазиями.

Рози швырнул свое тело к клавиатуре, превратив пальцы в штыки решительного штурма, готовые, как победу, вырвать у клавиш самую душу красоты, укрытой за стерильными белыми простынями нот.

Волосы музыканта метались, словно под ветром.

Затем лирическая часть окончилась, и из-под крупных кистей Рози хлынул блестящий огненный пассаж, основанный на растянутых рваных аккордах. Гил еще не успел его воспринять, а Рози уже прорвался через сокращенный повтор первой части и галопом устремил клавиши к взмывающей вверх кульминации. Сердце Гила бешено заколотилось и не могло успокоиться, пока не прозвучала последняя из мягких, утихающих и утешающих нот.

— Это было великолепно, Рози! — сказал он, поднимаясь с пола.

— Что ты здесь делаешь?!

Голос Рози прозвучал быстро, в нем прорывались резкие нотки неуверенности.

Только тут, возвращаясь от высокого искусства к низменной реальности, Гил осознал, что сгор-

бленная спина юноши осталась согнутой, когда он отвернулся от инструмента, только тут против воли обратил внимание на две пряди волос по бокам головы, которые были зачесаны на лоб в тщетной попытке скрыть под ними пару маленьких рожек.

Стигматы. Метки, которые носит Рози, метки, указывающие его место.

— Я просто зашел послушать, — ответил Гил, говоря чуть быстрее, чем ему хотелось. — Шел по коридору и услышал твою игру. Это было прекрасно.

Рози нахмурился; он ощущал неуверенность в себе и мучительно подыскивал слова, не зная, что сказать. Он был раритетом, ошибкой генных инженеров, огремом камеры генного жонглирования. Когда манипулируешь тысячами сверхмаленьких точек, которые задают физические и умственные характеристики, неизбежно будешь время от времени допускать ошибки и производить на свет уродцев, пусть даже в ничтожных мелочах. Никогда прежде уродливое существо не получало никакого отличия или хотя бы признания среди музыкантов. Такие дети всегда погибали в День Вступления в Возраст. Рози же, напротив, стал самым безупречным музыкантом из всех, обучающихся в Башне. Кое-кто поговаривал даже, что он более одаренный пианист, чем даже Великий Мейстро, отец Гила. Гил соглашался с этим утверждением, хотя знал, что его способности дать верную оценку весьма ограничены, и потому отвергал свое мнение как не имеющее значения.

Но Рози, несмотря на все свои достижения, был мнительным и ранимым. В каждом услышан-

ном слове он неизменно выискивал обиды, оскорбительные намеки на свое уродство. Он с трудом заводил друзей, как бы ни ценили другие его дружбу, потому что придилично копался в словах даже тех людей, кого любил.

И вот теперь, скрупулезно проанализировав слова и интонации Гила, Рози наконец неуверенно ответил:

— Спасибо...

Гил запрыгнул на мерцающий оранжевый рояль, уселся, свесив ноги, которые не доставали до пола всего на какой-то дюйм.

— Как быстро подошел завтрашний день, верно?

— Что ты под этим подразумеваешь? — спросил Рози, неловко сложив руки на клaviатуре.

«Ох, — подумал Гил, — руки...»

На тыльной стороне каждой ладони, как петушиная шпора, торчал на добрый дюйм вверх маленький крючок из твердого окостеневшего хряща.

— Я хотел сказать, что прошло тринадцать лет, а я не помню ни одного события в своей жизни, начиная с четырехлетнего возраста. Фредерик, уроки, ремень, лег спать, утром встал — и вдруг мне семнадцать. Все так быстро.

Рози заметно расслабился. Когда разговор не касался его напрямую, когда говорили о жизни вообще, он был в состоянии на время забыть свои сомнения и подозрения.

— Я надеюсь, у тебя получится, Гил.

— Я тоже надеюсь.

— А я не пройду.

Гил поднял глаза — он был ошарашен, не мог поверить, что действительно услышал эти слова. Наконец улыбнулся:

— О, это ты шутишь...

— Нет.

В глазах у Рози было нечто такое темное, такое мрачное, что Гилу захотелось отвернуться.

— Вот глупости! Да ты в сто раз лучше нас всех!

Рози отрицательно мотнул головой, длинные волосы закачались.

— Я боюсь, Гил.

— А кто не боится? Боже милосердный, да любой из нас может умереть завтра!

— Ты не понимаешь.

Голова Рози повисла в провале между хрящеватыми плечами, в проницательных глазах отразились блики от светящейся панели над головой.

— А ты попробуй объяснить.

— Я перепуган до смерти, Гил. Я так боюсь, что пища во мне не держится и кишки все время горят и плюются огнем мне в глотку. Я не могу спать, потому что с криком просыпаюсь от кошмарных снов, а потом всю ночь трясусь от страха. Ну и тогда я играю, разучиваю вещи, которые мне не надо разучивать, или делаю еще что-нибудь, пока не свалюсь от усталости.

— Но ты ведь должен понимать, что у тебя куда лучшие шансы, чем у любого из нас.

— Ты не все знаешь, Гил.

— Так расскажи мне.

На мгновение Рози приоткрыл глаза, готовый, казалось, выплеснуть то, что наполняло его душу страданиями. Но потом губы его плотно сжались, и он выдавил сквозь них выдох, от которого они затрепетали, словно крылья бабочки. Забрало опу-

стилось, раковина захлопнулась, Рози снова отгородился от всего враждебного мира. Какие бы ни мучили его страхи, он предпочитал бороться с ними в одиночку.

— Да нет, лучше тебе пока не знать. Сам уви-дишь завтра во время ритуала.

— Ну, ты умеешь помучить человека — намекнул, а теперь молчишь! — сказал Гил, спрыгивая на пол. — Что ж, если не хочешь рассказать мне сейчас, то догадываюсь, придется подождать. Ладно, все равно мне пора идти. Отец говорит, чтобы приготовиться к завтрашнему, требуется обильная хорошая пища, здоровый сон и, может быть, пара его советов в последнюю минуту. Я не хочу разочаровывать его.

— До завтра, — сказал Рози.

Он повернулся к роялю и выплеснул свирепый поток нот, который загремел о стены. Гилу, выходящему в коридор, показалось, что это часть «Полета шмеля» из «Сказки о царе Салтане» Римского-Корсакова. Но вдруг неожиданный поворот, и мелодия превратилась в нечто неизвестное. Музыка стихла, когда Гил удалился от дверей, но юноша продолжал раздумывать о ней. Одно-единственное он умел неплохо — узнавать мелодии, распознавать стиль, так что мог хотя бы правильно назвать композитора. А в этом случае он не узнал ничего знакомого.

По дороге домой, в Башню Конгресса, где находились апартаменты его отца, он прошел мимо сада неоновых камней, тусклого и бесцветного при ярком дневном свете. Уступив непонятному порыву, юноша вошел в сад. Тротуар мягко гудел под ногами — это тоже была звуковая кон-

фигурация. В конце сада, где лежал, обозначая границу, ряд алых камней (сейчас — блекло-розовых), он остановился посмотреть вдаль, на руины, которые когда-то были городом людей. Вот там, в этих руинах, и жили популяры. Мутанты. Обреченные.

Глядя на обрушенные дома, груды битого стекла, скрученные и оплавленные стальные конструкции, он пытался понять, почему музыканты построили свой город так близко к руинам, так близко к мутантам. По всем колонизированным мирам Галактики пронеслась весть, что Земля разрушена войной, что материнская планета вернулась к дикости. Совет Старейшин во Владисловиче, собственном колониальном мире музыкантов, решил отправить корабль для возрождения Земли. Однако в других колониальных мирах с самыми разными общественными системами возникла та же идея. Мечте Старейшин единолично завладеть Землей не суждено было сбыться, но все же удалось возвести, по крайней мере, этот город-государство как зацепку, крошечный плацдарм. Может, когда-то десятки других городов-государств, разбросанных по всему земному шару, будут покинуты или погибнут. Тогда музыкантам достанется честь владеть материнским миром...

Итак, если можно было найти тысячи других мест, зачем же решили строить город по соседству с популярами, живущими в развалинах мутантами?

Правда, популяры никого не трогали. Они давным-давно поняли, что музыканты слишком могущественны для них. И все же не было

никакой видимой причины строить показательную колонию рядом с этими изуродованными людьми...

Не в первый раз Гил подумал, что он, возможно, многого не знает об обществе музыкантов. Если вдуматься, он, по сути, ничего не знает, ибо что-то в недрах желудка и в глубинах разума подсказывало ему: популяры каким-то образом связаны с музыкантами — связаны куда более тесно, чем согласен признать Конгресс.

Пока он разглядывал руины, какая-то темная безлицая фигура перебралась через кучу мусора, проскользнула вдоль стены на быстрых длинных ногах и исчезла в глубокой тени там, где несколько домов обрушились друг на друга. Безлицая, гладкая, без каких-либо черт... каждый популяр чем-то отличался от других, некоторые от природы были такими, что не вызывали ужаса. Но безлицый обсидиановый человек...

Гил брезгливо передернулся и ушел из неонового сада, направляясь обратно в город, к своему дому...

Они обедали за низким восточным столом в китайской комнате, сидя на плюшевых подушках, заполненных синтетической пеной. Стены были увешаны ткаными занавесями, имитирующими древние китайские вышивки, которые придавали комнате экзотический вид и одновременно создавали интимное, спокойное настроение. Перед ними стоял робот-оркестр, его неосязаемое, составленное из кружящихся вихрей тело пульсировало всеми возможными цветами и всеми

мыслимыми оттенками в такт льющейся из него музыке.

Гил про себя напевал слова, положенные на эту мелодию:

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
 Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
 К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
 Обняв, его держит и греет стариk.
 — Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
 — Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
 Он в темной короне, с густой бородой...¹

Отец Гила выплюнул апельсиновое семечко — вертясь, оно слетело с тарелки, скользнуло по столу и упало на пол, где мельчайшие волны звукового подметальщика мгновенно убрали его, — и проглотил сочную дольку. Он излагал свои советы, как дельные, так и смешные, с того самого момента, когда семейство уселись за стол.

— Больше полагайся на звуковой усыпляющий свисток, чем на оружие, Гил. Это всегда производит хорошее впечатление на судей.

— Судьи — романтические глупцы! — заявила мать Гила, вступая в спор так, как она всегда это делала: надув красивые губы и запальчиво бросая аргументы. Она знала, что хозяин в доме отец, но ей нравилось проверять, как далеко она может зайти в споре, прежде чем будет вынуждена уступить.

— Точно, — сказал отец. Ему хотелось обойтись без пререканий хотя бы в этот особый ве-

¹ Баллада И.В. Гете «Король эльфов» на музыку Франца Шуберта (в России известна в цитируемом здесь переводе В.А. Жуковского под названием «Лесной царь»).

чер. — Судьи — романтические глупцы, и только такой же глупец не воспользуется этим себе во благо.

Гил слушал отца вполуха, одновременно пытаясь вдуматься в слова баллады, которую играл робот-оркестр, а заодно догадаться, какую неожиданность запланировал Рози на завтрашний день — день, который так тревожил юного горбuna, что он даже спать как следует не мог.

— О нет, то белеет туман над водой.

— Дитя, оглянися; младенец, ко мне;

Веселого много в моей стороне:

Цветы бирюзовые, жемчужны струи;

Из золота слиты чертоги мои...

Неужели Рози надумал сдаться без борьбы? Человек имеет право заранее отказаться от испытаний, признать поражение еще до того, как его начнут экзаменовать. Тогда ему дадут сноторвное и увезут на тележке в мусоросжигательную печь, и не придется с мукаами преодолевать тяжкие задания на арене.

Так что же, именно это у Рози на уме? Ну уж нет. Сдаваться без борьбы не в характере Рози. Вся его жизнь — непрерывное самоутверждение, стремление доказать всем и каждому, что он — не такой, как другие, он способен на большее. Нет, он ни за что не сдастся просто так, если бился столько лет...

— ...Ты воспользуешься этим снова? — Это был самый конец заданного отцом вопроса.

Гил проглотил ломтик сыра и запил вином, быстро соображая, о чем таком мог спросить отец.

— Сначала пущу в ход свисток. Потом — акустический нож. И только если ни одно, ни другое

не поможет, воспользуюсь звуковым ружьем в качестве последнего средства. Суды косо смотрят, если с самого начала применить тяжелое оружие.

— Очень хорошо! — похвалил отец. — Как по-твоему, он неплохо справился с этим вопросом?

— Угм, — ответила мать, кивнув без особенного интереса.

— Теперь, — продолжил отец, — перейдем к следующему...

— Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит.

— О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы...

— Итак, судья Скарлатти — самовлюбленный тип. Если ты выберешь шестидольный...

Мать, дернувшись на подушке, вздохнула:

— Послушай, мальчик ведь сказал нам, что он претендует всего лишь на Четвертый Класс.

— Черт побери, женщина, не спеши продавать нашего сына задешево! Он...

— Он — Четвертый Класс, — сказала мать и положила в рот сливи. — Четвертый Класс! И нечего морочить себя и мальчика напрасными надеждами...

— Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей.

— О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне.

Робот-оркестр сопровождал разноцветными смерчами зловещую музыку «Der Erlkönig», и Гил вдруг понял: в этой балладе кое-что приложимо к ритуалу Дня Вступления в Возраст. Обычно у

них за обедом звучала музыка легкая, воздушная, ничуть не похожая на эту. Так что должна быть какая-то причина для такой перемены. Баллада близилась к концу, и он сосредоточился, припоминая последние строки.

— Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой.

— Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать.

«Странно, — думал Гил. — Жутко ведь мрачная вещь эта баллада».

Робот-оркестр взметнулся вихрем — всеми инструментами, всем туманным телом.

Отец молча смотрел на сына.

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

Гете и Шуберт.

«Wer reitat so spat durch Nacht und Wind?..
In seinen Armen das Kind was todt...»

Есть что-то особенное в немецком языке — по-немецки эти слова кажутся еще более зловещими.

Гил поежился, повернулся к отцу и увидел, что Мейстро выжидательно смотрит на него — теперь уже не жует фрукты, а глаза стали туманными и непроницаемыми. Он явно ждал, пока сын что-либо скажет, — вот только Гил не мог догадаться, что сейчас будет уместно.

— Отец, эта баллада, «Der Erlkönig»...

— Да?

Мать занялась уборкой со стола, хотя звуковые слуги справились бы с этим быстрее. Со стопкой тарелок в руках она удалилась на кухню. Отец проводил ее взглядом, потом вновь повернулся к Гилу.

— Меня удивило, — продолжил Гил, — что ты запрограммировал именно эту песню на сегодняшний вечер — вечер, когда мы вроде бы должны праздновать.

— Нет, — сказал Мейстро. — Эта баллада идеально подходит для сегодняшнего вечера. Для этого вечера другой мелодии вообще не существует.

И тогда Гил понял. Отец знал, что ему туда придется на арене, знал, как велика вероятность, что он не сумеет пройти испытание. И таким способом хотел показать ему, что все понимает, что сумеет принять и вынести удар, если его сына отправят в мусоросжигательную печь. На секунду Гил даже почувствовал своего рода облегчение. Да, отец сумеет принять удар и сохранить свою гордость, даже если сын не справится. Разве не чудо?.. Но тут подоспела вторая волна эмоций. Да, черт побери, может, отец и сумеет принять удар, но это ведь не отцу предстоит идти на смерть! Это ведь не отец будет изувечен и разодран в клочья на арене, а после брошен в жадное пла-мя мусоросжигательной печи!..

Душевный подъем, охвативший его миг назад, мгновенно утонул в черном злом отчаянии.

Позже, один у себя в комнате, Гил уснул с последней строкой баллады на устах. Уснул и попал в сон, который вновь и вновь снился ему всю

жизнь, сколько он себя помнил. Всегда один и тот же сон. Вот такой...

Голая стена из неровных торчащих камней поднимается над унылым речным берегом к полке из полированного черного оникса, которая протянулась в доброй сотне футов над головой. Время — какой-то неопределенный ночной час. Небо не синее и не черное — рябое, крапчатое, в неприятных коричневых и гнилостно-бурых пятнах. Там, где эти два цвета перекрывают друг друга, они выглядят как кровь — засохшая струпьями кровь. На излучине реки ониксовая полка выступает далеко, простираясь над водой до другого берега, и образует крышу, а на этой крыше стоит пурпурное здание с массивными колоннами вдоль фасада, каждая из которых обрамлена поверху черными каменными ликами. Вокруг — великая и глубокая тишина, она не просто висит надо всем, ее излучает mestность. Луна — неподвижный серый диск.

Гил как будто приближается к полке и зданию, как всегда всплывая вверх от воды на черном листе, и это очень странно, ведь ветра совсем нет. Потом, проплыv над строением с колоннами, он снова опускается к реке. Мягко покачиваясь, точно в колыбели, плывет он к Стигийскому морю, которое поглощает его и увлекает к не знающему света дну, где воздушная река несет его над морским ложем, мимо того же самого пурпурного здания, того же самого мыса, в то же самое море, налино, его встречает в точности та же река, в точности то же здание, тот же океан, и...

Он проснулся в холодном поту, глаза ныли, словно и на самом деле до боли всматривались в

невозможную реальность сна. Сердце колотилось от страха, который в то же время был неописуемо сладостным и желанным...

Этот сон посещал его с тех самых пор, как он, тогда трехлетний ребенок, побывал на арене вместе с отцом, который инспектировал приготовления к церемонии Дня Вступления в Возраст. В центре площадки гудел Столп Последнего Звука — врата в ту землю за пределами жизни, где все иначе. Эта колонна страшно заинтересовала мальчика, и он, вырвавшись от отца, подбежал к Столпу, сунул голову внутрь и увидел диковинную страну за ним.

Гил не знал, боится ли он или же с нетерпением ждет своей встречи со Столпом завтра, в конце церемонии.

Завтра...

Арена...

Внезапно он подумал, не будет ли ему трудно снова заснуть.

То же самое мгновение. Затемненная комната Башни Обучения. Во мраке видно лишь оранжевое свечение — рояль.

Руки на клавишиах — как пена на волнах.

Сгорбленная фигура бешено мечется, вертится, колотит, стучит по клавишиам с безумием ненависти, которая выкипает через глаза... Вдыхаемый воздух со свистом врывается в сведенные судорогой, высущенные страхом легкие... На щеках — слезы...

Рози колотит по клавишиам. Может быть, завтра он станет правителем всего общества музыкан-

тов. Может быть, он станет трупом. На арене все может повернуться либо в одну сторону, либо в другую.

Он проклинает клавиши и свои пальцы.

Он топчет ногами педали, и ему кажется, что пальцы на ногах переломаны.

И рояль все время поет: «Завтра... завтра...»

А между тем когда-то...

В часовне «Первого Аккорда» — здания генных инженеров — Прыгун присел, глядя на медленно открывающуюся дверь, через которую собирался выйти сам. Его ноздри раздулись, пытаясь уловить запах, какие-нибудь духи, что ли...

Музыкант, вошедший в часовню, не заметил популяра, сгорбившегося за спинкой последней молитвенной скамьи, закрыл за собой дверь и повернулся к алтарю. Ритуальным жестом он сложил ладони перед лицом, соприкоснувшись кончиками пальцев, потом развел руки в позицию, из которой дирижер может начать симфонию, и тогда увидел Прыгуна.

Музыкант раскрыл было рот, чтобы закричать, и тут популяр прыгнул. Он отбросил музыканта к стене, припечатав всеми своими тремя сотнями фунтов. Музыкант, в мгновенном напряженном усилии, взвешенном бешеным выбросом адреналина, вырвался и сумел сделать один неуверенный шаг. Но Прыгун, обхватив кулак одной своей руки пальцами другой, взметнул эту дубинку из костей и плоти и резко обрушил на шею

музыканту. Позвоночник несчастного с треском сломался, и он повалился лицом вниз. Голова его неестественно вывернулась, оказавшись под левой рукой.

Прыгун спрятал тело за алтарем, потом вернулся к двери и рискнул выглянуть в коридор. Мягко сияющие потолочные панели высвечивали коричневые и черные вихри в зеленом мерцающем камне стен, и казалось, что эти перегородки состоят из живых существ, карабкающихся друг на друга, словно скопище вшей, сбивающихся пеной в попытке разорвать оковы магической известки, скрежещущих зубами от ярости, потому что известка не поддается...

В коридоре было пусто. Он вышел и прикрыл за собой дверь часовни.

Сжимая в руке нож, Прыгун прокралялся по сверкающему коридору и вышел к лифтовой шахте. Она отличалась от известных ему неработающих шахт в руинах популярского сектора города, потому что была чистой и свободной от летучих пауков. А кроме того, он не увидел здесь ничего похожего ни на кабину, ни на тросовую подъемную систему. Похоже, человек просто входит сюда и его возносит кверху по воздуху, или же он начинает падать, но воздух поддерживает его... Прыгуну это не нравилось, но другого пути у него не было. Он нажал номер нужного ему этажа и шагнул в трубу.

В костях у него началась игра созвучий и диссонансов. Звуки вихрились в нем, свивались над головой, словно ветер, и поднимали по шахте. Внезапно подъем прекратился, и его мягко понесло к выходу на верхний этаж. Прыгун оттолкнулся от

стены, как в невесомости, перевернулся в стоячее положение и вылетел в коридор; ужас немногого отпустил его, когда лифт за спиной взывал и остановился.

Он двинулся по коридору и остановился у первой двери, держа нож перед собой в готовности выпустить кишку любому, кто его обнаружит. Ему нужна была детская комната, но он не знал, за какой дверью ее искать. Прижав ладонью активатор двери, он напрягся, ожидая, пока откроется вход.

В сверкающей металлической чаше диаметром не меньше ста пятидесяти футов, уходящей вниз на двадцать этажей, плавали женщины — больше сотни обнаженных женщин. Их поддерживал на плаву блуждающий, почти видимый звук, который булькал от края до края этой неимоверной металлической бадьи, от ее обода до самого дна. Они дрейфовали — то широко раскинув ноги, то плотно сжав их в девической стыдливости. Руки женщин безвольно свисали, а лица были рассечены широкой, как рана от топора, улыбкой абсолютного удовольствия, — а тем временем концерты в двудольных, трехдольных, четырехдольных и шестидольных размерах кружевами оплетали их жизни. Все они были беременны, ибо это была камера затопления. После того как генные инженеры завершали свое дело — помогали оформить зародыш, — женщин переводили сюда, чтобы на последующих стадиях развития эмбриона подвергнуть их еще не родившихся детей воздействию гипнотической музыки затопления. Музыка эта несла подознательные сигналы в виде примитивных квантованных картинок, которые «промывали мозги»

неродившимся детям, сглаживали грубые швы и кромки работы генных инженеров путем внушения зародышам любви и почитания к музыке и к властям.

Прыгун неохотно отвел глаза от этих женщин-птиц, подавляя в себе желание соскочить в чашу, оседлать их в полете и совокупляться с ними, погружаясь вместе на дно чаши и снова взмывая вверх, в нарастающем крещендо¹ кульминации под грохочущий вихрь звуков. Он знал, что не должен думать о таком, ибо ненавидит музыкантов и их леди. И все-таки не такая уж редкость — обнаружить родство между похотью и ненавистью, и сейчас он боролся с похотью, которая выросла из ненависти. Он вышел в коридор и закрыл дверь в камеру затопления, зная, какие сны будут преследовать его после этого дня.

Дальше по коридору Прыгун толкнул другую дверь и обнаружил детскую. Торопливо прошел к колыбелям младенцев, рожденных в этот день, и начал просматривать имена. Не всякое дитя подойдет. Это должен быть новорожденный младенец, покинувший материнскую утробу прямо в этот день, причем ребенок более или менее значительного музыканта, не ниже Второго Класса. Наконец он наткнулся на табличку, которая привлекла его внимание: «ГИЛЬОМ ДЮФЕ ГРИГ». Возможно ли, что это — кровный родственник Яна Стамица Грига², Великого Мейстро города-государства Вивальди? Он вытащил ребенка

¹ Крещендо — усиление звука.

² Стамиц Ян (1717—1757) — выдающийся чешский композитор, скрипач и дирижер эпохи Просвещения.

из колыбели. Даже если это всего лишь племянник, его родители, если повезло, наверняка окажутся музыкантами по крайней мере Второго Класса.

Младенец спал. В руках Прыгуна он казался таким маленьким и глупым. Интересно, какое ему дадут прозвище? Гил? Долю секунды Прыгуну пришлось бороться с внезапной нежностью. Ну уж нет, на этой стадии игры нежность недопустима. Он осторожно выскользнул в коридор и нашел лифт. Оказавшись между его трепещущими струнами, он провалился в колодец звуков, прижимая младенца к заросшей волосами груди.

Однако когда Прыгун вышел в коридор первого этажа, там оказались три музыканта — они шли к лифту...

Глава 2

Процессия, сплошь «пышность и торжество», как говоривал Отелло, вливалась в зал. Гордеево и медленно, в безукоризненном слиянии с ритмом музыки, восемь юношей из класса Гила прошагали в огромное помещение Большого зала; их широкие плащи из напоминающего бархат мерцающего сукна сверкали вплетенными в ткань пурпурными вспышками, взметаясь за спинами мальчиков, будто крылья. Пурпур — цвет мальчиков, непосвященных, не прошедших инициацию. Когда ритуалы Дня Вступления в Возраст будут завершены и если юноши окажутся достаточно удачливы и изобретательны, чтобы остаться в живых, они уже никогда не будут

больше носить этот цвет — сменят его на красный и оранжевый, желтый и белый цвета взрослых мужчин.

Гил с трудом сглатывал на ходу — комок в горле становился все плотнее по мере того, как они продвигались по арене. Он представить себе не мог, что Большой зал так огромен. Пол убегал от него плавной восходящей кривизной, которая была бы абсолютно незаметна в любом помещении меньшего размера. Этот зал имеет в длину, прикинул он, добрых тысячу ярдов. Далеко-далеко впереди сидели судьи — крохотные пятнышки в алых креслах, увенчивающих сверху стоятельный сводчатый фасад Скамьи¹, который был чернее любого черного цвета, какой ему доводилось когда-нибудь видеть. Пол отсюда и до самой Скамьи сверкал сияющей медью, покрытой крупевом кремовых, белых и черных прожилок, что, мерцая и переплетаясь, извивались на фоне почти прозрачного камня. Гил скосил глаза чуть в сторону, не забывая держать голову поднятой, дабы не нарушить симметрию строя, и увидел, что камень действительно прозрачен. Лишь слегка окрашенный, он уходил в глубину футов на сто, и только эта большая глубина придавала ему густой медный цвет, который, как казалось небрежному взгляду, был присущ камню. Так вода в чашке прозрачная, но в океане — синяя.

Потом он взглянул на ряды зрителей — полные пять тысяч с каждой стороны, — один за другим поднимающиеся все выше и выше к почти беспре-

¹ С камъя — традиционное название судейского постамента в британском суде.

дельной протяженности стен, которые взмывали кверху по чуть изогнутой наружу кривой и сливались с потолком и мерцающими зелеными балками. Каждый зритель занимал удобное мягкое кресло на вращающейся подставке, которое должно было облегчить ему наблюдение за церемонией. Перед каждым креслом был установлен небольшой телевизионный экран, чтобы зритель мог видеть действие вблизи, если в самые жаркие моменты сражения оно откатится к дальним от него участкам арены.

— У меня сердце в буквальном смысле в пятках, — сказал идущий рядом с ним Рози вибрирующим от напряжения голосом.

— Я помогу тебе вернуть его на место, как только сумею проглотить комок в горле, — ответил Гил, все еще восхищаясь бесконечными рядами, огромными пространствами и красивым прозрачным полом.

Волна приветствий катилась вдоль рядов по мере того, как небольшая процессия продвигалась по залу, но мальчики не отваживались повернуть голову — только изо всех сил косились по сторонам. Лица должны быть все время направлены вперед, ибо ритуал их появления в зале предписывал им смотреть только на судей, которые вскоре решат их судьбы.

Это был невыносимо долгий марш, учитывая напряжение, которое уже нарастало в каждом из мальчиков и которое, пока они достигнут своей цели, заставит их сердца бешено колотиться, но этот марш, по крайней мере, дал Гилу время подумать. Внезапно его искусство игры на гитаре показалось ему ерундой, ничем, пустым местом.

Большой зал далеко простирался во все стороны, и от его грандиозности Гил ощущал себя маленьким, ничтожным и обреченным на провал.

«А что, если я действительно жалкое бракованное изделие генной инженерии и камеры затопления, хуже даже — на свой лад конечно, — чем Рози? И умру сегодня... Но когда? Во время испытаний? Или когда придется предстать перед Столпом Последнего Звука? Или же в мусоросжигательной печи, куда свозят отбросы и куда меня просунут через железную решетчатую дверь и сожгут? Может быть, этот ублюдок Фредерик окажется прав и не ему, а мне предстоит испытать самый большой сюрприз. Может быть, я умру...»

К тому времени когда процессия достигла на конец основания Скамьи и растянулась полукольцом перед судьями, он силой отогнал от себя эти бесполезные переживания.

Оркестр исполнял обращение к музам на древних инструментах из меди, стали и дерева, а не на современных синтетических. Судьи, преисполненные торжественной серьезности и достоинства, были облачены в белые мантии, которые полностью закрывали все тело, кроме головы, шеи их украшали оранжевые кольца судебного сословия. Мальчики преклонили колена перед звуковым портретом Владисловича, Первого музыканта, Основателя Стези Звука. Каждый мальчик по очереди, начиная с правого края полукольца, процитировал по одной строке из литании Дня Вступления в Возраст.

— Владислович, Отец Мира, Величайший музыкант, — пропел речитативом первый мальчик.

- Владислович, Сочинитель и Пользователь Восьми Правил Звука, Открыватель Стези...
 - Владислович, Мейстро и Покровитель Башен...
 - Владислович, который сыграл свои каденции¹ перед самими богами старины и тем поверг их ниц, — исполнил, задыхаясь, свою строку Гил.
 - Благослови нас, благослови нас, благослови нас! — пропел следующий юноша.
- Литания завершилась.
- А-а-аминь, — протянула толпа.
- Можно было начинать экзамен.

Испытания юноши должны были проходить по отдельности, а пока что их отвели дожидаться своей очереди в изолированное помещение, чтобы никто из них не мог увидеть, что его ожидает, и подготовиться — или же свалиться в обморок от страха. Хотя каждый мальчик знал кое-что о предстоящем, потому что отец каждого конечно же подробно описал сыну характер ритуалов предыдущего Дня Вступления в Возраст, никто не мог знать всего, ибо точная схема испытаний менялась каждые четыре месяца, для каждого ритуала Дня Вступления в Возраст. Один за другим мальчики покидали помещение, чтобы встретить лицом к лицу свое будущее. Оставались только Гил и Рози.

¹ Каденция — виртуозный пассаж или большая вставка импровизационного характера в инструментальном концерте.

И вот наконец к двери подошел служитель в светло-зеленых одеждах и желтом шарфе и объявил:

— Григ! Твоя очередь.
— Постой! — крикнул Рози, когда Гил шагнул к двери вслед за служителем.

— Да?

— Удачи тебе, Гил!

— Спасибо, Рози. Я буду ждать и кричать за тебя, когда настанет твоя очередь.

Но, выйдя наружу, он уже не был так уверен, что окажется на месте и сможет приветствовать кого-либо. Из шести ребят, вышедших перед ним, пройти испытания смогли только трое. Пятьдесят на пятьдесят. Неужели шансы всегда такие жуткие? Он не мог припомнить, чтобы слышал когда-нибудь разговоры о соотношении выживших и тех, кто был убит или кремирован, и внезапно к его горлу подступила тошнота. Некоторые из проигравших мальчиков были хорошими музыкантами. Лучше, чем Гил, намного лучше! И что это значит? — гадал он, вздрагивая.

Победившие сидели в золотых креслах на особой трибуне над полом арены, ниже и правее судей. Они были готовы смотреть на испытания самых слабых, неприспособленных — Гила и Рози. Гил поиском глазами проигравших и не нашел. Отсутствие тел означало, что все трое, по-видимому, были сокрушены достаточно быстро и сразу же отправлены в печь. Да нет, не обязательно. В конце концов, звуковое создание не оставляет растерзанного трупа своей жертвы. Оно поглощает человека целиком, подавляет молекулярные вибрации, которые и есть сущность всего, и исчезает с телом, прекращая его существование.

Трясясь от страха, он вышел вперед и остановился перед высияющей над ним Скамьей, подняв голову так, что мог видеть судью по фамилии Гендель¹, глядящего на него с центрального трона.

— Гильом Дюфе Григ?

«Я хочу сбежать, — думал юноша. — Убраться отсюда, прочь и подальше».

— Это я, ваша честь, — сказал он.

— Готов ли ты к началу испытаний?

«Нет, нет! — кричало в нем все. — Ни к чему я не готов! Я боюсь! Я боюсь сильнее, чем ребенок в темноте».

— Да, ваша честь, — сказал он.

— Есть ли у тебя какие-то особые пожелания или заявления, которые ты хотел бы высказать сейчас?

«Отпустите меня! Выпустите меня отсюда к черту! Я ведь сейчас все равно как осужденный на смерть, которому приносят последний ужин, только моя последняя привилегия еще скучнее — могу лишь высказать несколько умных или оструумных слов».

Но ничего этого он не мог сказать вслух, потому что должен был помнить об отце. А кроме того, они бы все равно его не отпустили, как бы ему этого ни хотелось. Они бы его сожгли.

— Никаких особых пожеланий или заявлений, ваша честь.

— Очень хорошо, — подытожил Гендель. — Пусть испытания начнутся!

¹ Г е н д е л ь Георг Фридрих (1685—1759) — великий оперный композитор, создатель классического типа ораторий.

Оркестр взял нужную ноту и разразился сложной мелодией, написанной зачинателем ритуала с целью подогреть волнение и возбуждение зрителей, пока идут приготовления.

Это был странный интервал времени, порождающий суеверный страх.

К Гилу подошел служитель, одетый в традиционное белое мерцающее сукно с пульсирующим воротником из огненной ткани; воротник отбрасывал на лицо ангельское сияние, скрадывая его черты. Видны были лишь глаза, горящие отраженными вспышками света. Служитель протянул Гилу оружие: звуковой усыпляющий свисток, акустический нож и смертоносное звуковое ружье.

Не пытаясь больше скрыть дрожь — а тряся он как сухой лист, — Гил заткнул нож за пояс своего гимнастического трико, надел на шею блестящую металлическую цепочку свистка и взял в руки ружье. Он кивнул судьям, сделал сотню шагов к центру арены, повернувшись спиной к стоявшему монолиту Скамьи, наконец взял себя в руки, выдохнул, глотнул свежего воздуха и снова кивнул.

Музыка стихла, а затем и вовсе смолкла.

— Ты избран в Класс Четвертый, — прогремел голос судьи Таллиса.

Это был не человек, а настоящий ястреб, сухой и тощий, с горбатым носом-ключом и глазами как у хищной птицы. Из-под мантии появились руки, отбросили назад волосы, свисавшие по бокам головы, затем снова исчезли в складках.

«Класс Четвертый». Эхо этих слов еще отдавалось какой-то миг, пока звуконепроницаемые стены не погасили их рисунок.

— Выбрал ли ты опознавательную песню?

Музыкальная фраза из опознавательной песни записывалась на небольшом нагрудном значке; достаточно было просто активировать его, чтобы получить возможность использовать все машины, соответствующие твоему статусу, и входить во все места, доступ в которые обеспечивает твой класс. Опознавательная песня Четвертого Класса должна иметь двудольный размер. Мысленно перебирая сотни известных ему мелодий, он понял, что уже должен иметь одну на уме. Наконец решил. Он знал, что такой выбор доставит удовольствие отцу своей ироничностью и связью с «Королем эльфов», который звучал вчера вечером.

— Я выбираю «Военный марш» Шуберта.

Таллис утвердил выбор.

Оркестр заиграл — чуть приглушенно.

— Начнем! — провозгласил Таллис.

Стена Скамьи замерцала, потеряла прозрачность в центре, потом частично растворилась, образовав проем пятидесяти футов в ширину и семидесяти в высоту. На мгновение воцарилась тишина, которая повисла в воздухе как дым, словно здесь никогда не должно быть уже никакого шума, кроме почти неслышной нежной мелодии оркестра. И Гил, глядя на эту огромную дыру в стене, удивился — что же это они там выискали такое здоровенное? Ответ он получил через несколько секунд.

Из проема появился желтый дракон с белыми-белыми зубами, покрытый чешуей — каждая чешуйка величиной с лопату, глаза — красные как кровь, с крохотными черными сгустками зрачков. Жидкая слюна собиралась на губах дракона и струйками стекала по подбородку.

В звучании оркестра появилось напряжение.

Гил чувствовал все более острое желание сбежать, но страх приковал его к полу — и он использовал страх как средство удержаться на месте. Он уговаривал себя, что этот дракон — всего лишь звуки, что он не настоящий. Совсем не настоящий. Он не состоит из плоти и крови. Это созданная человеком звуковая конфигурация, сплетение молекулярных колебаний, образующее ложное существо — точь-в-точь как десять Башен города, и рояль, на котором играл вчера Рози, и, да-да, даже плащ с капюшоном и трико, надетые на нем самим.

В голове пронеслись слова, сказанные отцом накануне вечером: «Это будут создания из звука, направляемые людьми, сами по себе безмозглые».

Впрочем, следующая отцовская фраза прозвучала в другой тональности: «Но помни: они могут убить тебя с тем же успехом, что и настоящие».

Он очень боялся.

Дракон фыркнул и испустил из ноздрей пронзительные звуковые волны, а вовсе не пламя, как в волшебных сказках и легендах. Затем монстр оглядел галереи и проревел боевой вызов. И тем как бы невзначай начал представление для зрителей, которые предвкушали картину ужаса и боли. Он раскачивал могучую голову на конце толстой чешуйчатой шеи, злобно скалил зубы — и реакция зала, кажется, доставляла ему удовольствие.

А потом он заметил Гила и, хоть был всего лишь конфигурацией звуков, направляемой техниками из-за Скамьи, облизнул толстые черные губы очень голодным движением...

Гил отказался от мысли прикончить его одним быстрым ударом из звукового ружья. Так соблазнительно было навести мощное оружие и распы-

лить искусственную рептилию, разрушить структуру звуковых схем, рассеять ее. Но если выберешь легкий путь, если не докажешь судьям, что ты действительно мастер звука и умеешь правильно использовать Восемь Правил, то они почти наверняка не выпустят тебя с арены живым. А если и выпустят, то в сопровождении служителей, а те уж непременно свезут тебя в мусоросжигательную печь и превратят в пепел... Он прикусил звукоусыпляющий свисток так сильно, что зубы заныли, и застыл, ожидая, пока дракон сделает ход.

Но дракон вообразил себя котом и решил поиграть с ним, как с мышкой. Он крался вдоль края арены, обводя глазами галереи, как будто не видел юношу, как будто сразиться собирался со зрителями. Однако Гил не пропустил момент, когда глаза чудовища сверкнули на миг в его сторону, оценивая дистанцию и шансы, чтобы направляющие его инженеры знали, когда послать зверя в прыжок. Он взревел у самой стены, и рев отразился кратким эхом, пока не погас вдали.

Гил истомился ожиданием, ему хотелось, чтобы действие наконец началось. Он переступил с ноги на ногу; пальцы его по-прежнему сжимали ружье, ствол которого покоялся на сгибе свободной руки, как в колыбели. Мучительно медленно проползали секунды, собираясь в минуты...

И вдруг дракон прыгнул.

Захваченный врасплох Гил невольно отскочил. Лицо усеяли частые бисеринки пота, в носу стало влажно. Вначале юноше показалось, что зверь собирается преодолеть разделяющую их дистанцию одним прыжком. Он несся в воздухе, огромный, десятки футов проносились под ним, пока

он неправдоподобно медленно опускался к полу. Но все расстояние он покрыть не сумел и тяжеловесно приземлился на камень, не долетев футов двадцать. Гил торопливо отпрыгнул назад — он видел, что длинная шея вполне может покрыть оставшийся промежуток. Он пятился и дул в свисток так, что лицо покраснело, а уши стали горячими от бешено рвущего сосуды тока крови.

Дракон фыркнул снова, в ярости тряся головой.
Гил продолжал свистеть.

Звук был почти неслышным.

Глаза дракона на мгновение расширились, потом веки его словно отяжелели. Вислые уши поднялись, раскрывшись большими шатрами, словно пытались уловить каждую пронзительную ноту акустического сноторвного, потом увяли, как умирающие цветы.

Гил снова засвистел, на этот раз еще продолжительнее, пока лишенные воздуха легкие не завопили от боли; ему пришлось остановиться и вдохнуть с отчаянным хрипом, прежде чем он смог продолжить.

Бестия прыгнула, но теперь неуверенно, слабо, и снова грохнулась на пол не долетев. Массивные ноги, казалось, трясутся, как желе. Дракон попытался бежать, но покачнулся и неуклюже осел на крестец.

Гил дул в свисток, едва успевая передохнуть.

Дракон снова тряхнул головой, уши громко хлопнули по черепу, и он начал подниматься. Процесс был долгий, мучительный, трудный, но все же зверь сумел снова встать на ноги. Инженеры, изо всех сил старающиеся поддержать подвижность звуковой конфигурации, наверное, крикнули «ура», когда им удалось наконец привести ро-

бота в стоячее положение. Снова оказавшись на ногах, тварь, качаясь как пьяная, явно из последних сил двинулась к юноше.

«Что-то слишком легко у меня получается», — думал Гил. Тем не менее он продолжал дуть в свисток, по-прежнему пятясь, не отрывая глаз от чудовищных челюстей и саблевидных зубов своего противника и от громадных лап, которые в обхвате не уступали столетним дубам.

Дракон попытался прыгнуть еще раз, но не сумел больше противиться действию свистка и повалился на бок. Вниз по громадным глазным яблокам мягко, словно смазанные, скользнули веки — размером с крышку мусорного бака каждое, и он заснул.

На галереях раздались одобрительные аплодисменты.

Гил боялся поверить, что чудовище действительно вышло из боя, а не просто прикинулось, дабы выждать момент, чтобы прыгнуть на него и вырвать сердце из груди. Он продолжал дуть в свисток. Щеки ныли, а глаза словно собирались вот-вот вывалиться из орбит, покатиться по полу и затеряться среди белых и черных вихрей, мечущихся по меди. Эдип против воли¹... Перед мысленным взором вдруг промелькнула картина: все ползают на четвереньках по полу арены, разыскивая его глаза, а испытания на время прекращены — пока ему не восстановят зрение.

¹ Герой древнегреческого мифа Эдип вырос вдали от дома, не зная своих родителей. В случайной стычке он убил собственного отца, а позднее женился на матери. Узнав о своем прегрешении, он выколол себе глаза.

В конце концов дракон оглушительно громко икнул — комедийный штрих, внесенный звуковыми инженерами.

Гил выпустил изо рта усыпляющий свисток — тот шлепнулся по груди, — пожевал губами, чтобы размять их немного, избавиться от неприятного ощущения, ведь рот словно судорогой свело. Гордо приосанившись, он повернулся к той секции зрительской трибуны, где должен был сидеть отец со своим окружением. И когда он на миг оказался спиной к арене, толпа вскрикнула...

Гил резко развернулся — рот его невольно раскрылся, дыхание перехватило — и бросился бежать. Но быстро вспомнил, что вокруг арена и, сколько ни бегай, безопасного места не найдешь, только силы растратишь зря. Юноша остановился и повернулся посмотреть, что же так сначала напугало зрителей, а потом и его.

Тело дракона лопалось и раскрывалось вдоль позвоночника, обезображенное семи-восьмифутовыми разрезами, как на китайском бумажном фонарике. Кожа с хлопком раскрывалась и хрустела, отворачиваясь назад и открывая темные дыры в теле. В этих темных туннелях было что-то изначально зловещее, что-то уродливое и отвратительное. Ему припомнились ходы червей в пропахшем мясе.

А потом из этих дыр появились дьяволы.

Никакого другого определения он не мог подобрать. Воистину дьяволы. Ростом четыре фута, двуногие, ручищи с тремя локтями волочатся по полу. Тела тварей покрывала густая шерсть, а чудовищные головы, бородавчатые, жирно-скользкие, четырехглазые, рассекала широкая пасть, за-

полненная острыми как бритва желтыми зубами, которые косо выпирали из-под зеленых губ, истекающих слюной. Головы держались на коротких толстых шеях, грудные клетки напоминали бочки... Судя по невероятно мускулистым ногам, бегать дьяволы умели.

У Гила пронеслось в голове, что он мог бы рассмеяться, не будь ситуация столь грозной. Эти твари явно были порождениями ночных кошмаров, посетившего кого-то из мастеров, готовящих испытания, ибо сами по себе такие создания существовать не могли. Однако тревога тут же вытеснила всякое желание смеяться. Гил понял, что эти твари могут убить, независимо от того, смешны они или нет.

Он насчитал их десять.

Гил снова схватил свисток и дунул изо всех сил. Никакого результата — абсолютно.

Дьяволы продолжали выбираться из драконьего тела и глазом не моргнув, не проявляя никаких признаков усталости или вялости.

«Ну конечно, — подумал Гил, — не станут же мне устраивать второе испытание точно такое же, как предыдущее, даже если я бьюсь всего лишь за Четвертый Класс...»

Мастера испытаний мудры и изощренны. Каждая следующая проба будет ни в чем не похожа на предшествующую. Да, свисток здесь не поможет... Гил выхватил акустический нож, направил на дьяволов, спускающихся по драконьей голове, и сделал рубящее движение. Один из дьяволов пронзительно закричал — острое невидимое лезвие звукового клинка настигло его и рассекло. Брюхо дьявола внезапно разверзлось, из него на

драконий подбородок вывалились кровоточащие внутренности. Дьявол слегка вывернулся, словно не в силах поверить в происходящее, решил на минуту отвлечься от этой картины и собраться с мыслями. А потом рухнул на пол, свернув себе шею.

У Гила вызывали отвращение эти тысячи зрителей, сидящих рядами, — они жаждали крови и требовали ее во время церемоний, пусть даже крови ненастоящей. Они приветствовали его, они нечленораздельно орали и размахивали руками. Вампиры, вот кто они такие, вампиры, жаждущие запретного питья.

Еще один взрыв криков одобрения. Теперь громче. Горловой. Нутряной.

Гил взмахнул кончиком клинка в сторону второго животного и отсек ему левую руку. Конечность шлепнулась на пол, пальцы несколько секунд еще отчаянно сжимались в судорожных конвульсиях, пока не признали поражение. И тогда рука исчезла. Инженерам она больше не требовалась, а потому не было смысла поддерживать ее существование.

Гил двинулся к остальным восьми дьяволам, угрожающе размахивая клинком. Но конечно, прогнать их ему не удалось. Ведь на самом деле они не знали страха, не могли испытать боль, а были созданы специально, чтобы убить его. Гил обозленно взмахнул клинком, не коснувшись дьяволов по-настоящему, а лишь чиркнув звуковым пучком по двоим из них. Один, перерезанный почти пополам, сумел сделать единственный неровный шаг, дернулся, как эпилептик, и рухнул на пол, обливаясь красными струями, которые, несмотря

на свой ненастоящий источник, все же обрызгали Гилу лицо. Он принял стирать брызги, ничего не получалось, и только тогда сообразил, что инженеры хотят сохранить их нетронутыми. Сгусток красной жидкости попал ему в нос, он высыпал ее на пол. А тем временем второй дьявол, с рассеченной головой, мягко скользнул на камень арены.

Подступившая тошнота пощекотала глотку Гила своими кислыми пальцами. Мастера испытаний слишком уж старательно заботились о деталях, слишком щедры были на садистские подробности для зрителей. Они расплескивали кровь и боль, как детишки — воду и грязь. Гил подумал: уж не по той ли причине они хотят, чтобы звуковые ружья не пускали в ход до последней крайности, что ружья эти — оружие чистое и не оставляют после себя ни крови, ни изувеченных останков, если нацелены как следует? В чем же состоит подлинная цель испытаний: дать юношам возможность добить себе статус и доказать мужскую зрелость или же пощекотать нервы музыкантам и их леди полными ведрами ужасов?

Шесть уцелевших дьяволов разделились и осторожно пытались окружить его. Они приближались с трех сторон — зубы в пене, глаза бешеные. Но не эти зубы его прикончат, как бы устрашающие они ни выглядели. Дьяволы просто стиснут его в смертельных объятиях, и тогда их аннулирующие волны погасят положительные колебания живого организма и сотрут человека с лица земли...

Он описал дугу кончиком ножа и за десять секунд аккуратно рассек всех шестерых пополам. На пол пролилось чудовищное количество крови, она

растекалась во все стороны, словно растопыренная тысячепалая рука с неправильной формы кистью.

Гил обшаривал взглядом арену в поисках признаков следующего испытания. На какое-то время, отмеренное считанными секундами, ему показалось, что, возможно, все уже кончено и он победил. Но молчание толпы и пристальные взгляды судей сказали ему, что это не так. Что же тогда? Может быть, это война нервов: растянуть секунды в минуты, растянуть минуты в десятки минут, пока он готов уже будет разорваться от напряжения, а потом напустить на него очередной ужас? Но времени развивать эту мысль дальше не осталось. На него обрушилось следующее испытание.

Внезапно он увидел, что кровь, пролитая во время последней схватки, шевелится и вздрогивает — не просто как все звуковые конфигурации, которые вибрируют и мерцают, но целенаправленно. Кровь десяти дьяволов начала стягиваться вместе и, нарушая законы гравитации, взметнулась по искривленному полу алым прибоем, образуя глубокие лужи с растущими вверх краями. Эта кровь мгновенно коагулировала, свертывалась, собираясь в черные сгустки, которые сливались, сплетались, захватывая все больше и больше липкой жидкости. Гил почти физически ощущал это движение, как и трепет отвращения в рядах зрителей. И все-таки они любовались этим зрелищем с дикарской, почти похотливой жадностью. У них оно вызывало сладкую и жутковатую дрожь — о, такого они ни за что не пропустили бы!

И вдруг в лужи свертывающейся крови, пополняя и подпитывая их, хлынули галлоны красной жидкости, которая вырывалась из разрезов на

оседающей туще дракона, — кровь сохраненная, припасенная, дожидавшаяся этой минуты. Она стекала по полу к пульсирующей массе, расплескивалась вокруг нее, волшебным образом притягивалась к ней и удерживалась. Желеобразная масса подрагивала, теперь она уже набрала дюжины футов высоты и девять толщины, и превратилась в колонну сгустившейся, почти затвердевшей крови со своей собственной диковинной жизнью. А потом в одно мгновение она осела до шести футов, разделилась на две колонны, каждая из них вновь вытянулась до прежней двенадцатифутовой высоты, но теперь толщиною лишь в четыре с половиной фута.

Толпа взревела, затопала, загремела сиденьями. Гил, даже не глядя, видел перед собой лица зрителей: красные, искаженные, потные, с мокрыми от слюны раскрытыми ртами и искривленными губами. Носы людей морщились и подрагивали, как у дикого зверя, почувствовавшего последнюю, решающую битву. Глаза широко раскрыты, зрачки расширены...

Но почему? Что есть такое в этих людях, чего он лишен? Какие мерзкие желания, непонятные ему, кипят и бурлят в них, порождая тягу к этому зрелищу?

Две колонны задрожали, словно собирались двинуться с места.

Шум толпы усилился...

Гил взмахнул звуковым ножом и рассек колонны надвое, обратным взмахом на более низком уровне превратил в восемь кусков. И лишь потом увидел жуткие последствия своего необдуманного поступка. Каждый кусок продолжал жить, буль-

кал, клонился, вытягивался почти до шести футов, сжимаясь по ширине до двух. Они не умерли, они просто умножились числом, и теперь все восемь выбрасывали псевдоподии-ложноножки, заполняя и уменьшая промежуток между испытанием и испытуемым...

Гил в ярости отбросил акустический нож — пришла пора пустить в ход ружье. Упав на одно колено, юноша прицелился через стеклянный пузырек на гладком, блестящем сером стволе, навел ружье на середину желеобразной массы и выстрелил. Тварь — создание, вещь? — завибрировала, как будто вспыхнула миллионом сверкающих хлопьев пепла, и исчезла — ее звуковая структура была разрушена и рассеяна вырвавшимся из ружья невидимым лучом. Вот так хорошо. Вот так-то лучше. Ни крови, ни запекшейся корки, ни изувеченных тел. Просто и чисто...

Мрачно улыбаясь, он повернулся к остальным семи колоннам из кровавого желе.

Пока его внимание было сосредоточено на первой твари, остальные подобрались устрашающе близко. Гил стал отбегать назад танцующим шагом, стреляя на ходу. Он уничтожил еще две колонны, но вдруг поскользнулся и упал на спину, путаясь в собственных ногах и руках. Ружье выпало из рук, затарахтело по гладкому камню и, вертаясь, отлетело на дюжину футов от Гила...

Его голова заскользила по камню почти так же, как ружье, вспыхнула обжигающая боль от ссадин. Каждый нерв в теле натянулся струной и завопил, ибо в эту минуту, вполне возможно, пришел конец Гильому Дюфе Григу... Гил, превозмогая головокружение, прыгнул к ружью, покатился по

полу, поймал приклад, но в панике выронил оружие, однако вскоре схватил снова. Он повернулся, собираясь встать на ноги, и увидел, что кровяная тварь почти уже нависла над ним. В ее массе сбивались черные сгустки, она с бульканьем двигалась. Вот из-под нее змеей выскохнула псевдоподия, охватила его ногу, ужалила и убралась.

Толпа застонала.

Гил почувствовал звенящий зуд — это началось нарушение естественной молекулярной схемы его тела. И тогда, выхаркивая из груди испуганные рыдания, он вскинул ружье и в упор выстрелил в кровяную тварь. С многоголосым гудением одна звуковая схема сокрушила и стерла другую, и кровяная тварь исчезла. Звенящий зуд в ноге прекратился тоже, но осталась тупая ноющая боль — это его молекулярная структура возмущенно протестовала против такого убийственного вмешательства. Но кровяная тварь исчезла!

А остальные четыре — нет.

И были теперь еще ближе.

И тянулись к нему...

Стиснув в руках звуковое ружье, Гил откатился в сторону, пока не ударился о стену арены. Все еще словно пьяный, он кое-как встал и прижался спиной к невысокому барьера из мерцающего камня. У него ныли все ребра, и нога, и ссадина сбоку на голове. Он пытался очистить мозг, убрать из глаз двоящиеся, троящиеся, множащиеся изображения, а паника колотилась в нем, кричала, что у него нет времени отышаться и оправиться, что у него вообще нет времени...

Толпа снова кричала, и резкий ревущий вопль словно помог ему прогнать дурманящее голово-

кружение. Он почувствовал, как дыхание возвращается... нет, еще не к норме, но уже к чему-то похожему на норму, хотя бешеные удары сердца о грудную клетку не унимались. Он вскинул ружье и направил на четыре кровяные твари. Они не могли двигаться с той же быстротой, с какой он стрелял. Одна за другой они исчезали, проваливаясь в никуда.

Пронзительные крики толпы показали, что еще не все кончено — люди знали, что будет дальше.

Но у него болела голова, а глаза были залиты потом и кровью, в этот момент он не видел ничего вокруг. Сквозь водянистую дымку аrena казалась пустой, если не считать туши дракона и разбросанных частей дьяволов, которых он рассек акустическим ножом. Оттолкнувшись от стены, он двинулся обратно, в сторону Скамьи, чтобы иметь за спиной свободное пространство для отступления, когда будет подвергнут следующему испытанию. Он чувствовал, что ему придется отступать и бежать, слишком уж мало энергии у него осталось, совершенно недостаточно для сражения.

Ноги не болели. Напротив, они вообще ничего не ощущали. Словно превратились в тупые бесчувственные стальные чушки, которые были приварены к его бедрам и двигались по командам какого-то дистанционного механизма, управляемого ленивым и недовольным роботом. Вверх-вниз, вверх-вниз... Он понял, что не чувствует даже, как ступают подошвы по полу. Он устал, страшно устал. Только выплескивающиеся в кровь естественные запасы адреналина заставляли его

идти дальше, и запасы эти, похоже, угрожающие близились к истощению. Он снова поискал глазами противника, ибо толпа кричала, испытывая свой миллионный по счету пароксизм радости, пропитанной ужасом, свой миллионный оргазм страха. Гил поморгал, пытаясь смахнуть капли пота с ресниц, поднял руку, чтобы стереть кровь. Пальцы были еще живы, но он понимал, что тот полупаралич, который сковал его ноги, ползет выше, к плечам и рукам, стремясь превратить его в полного зомби. И тогда юноша понял, что у него одна возможность выжить — если следующее испытание начнется как можно скорее, пока в нем еще остается хоть какая-то энергия, хоть капля силы...

И тут он увидел...

...извивающееся в бумажной коже дракона...

...ползающее там...

Нечто...

Дракон был ящиком Пандоры, наполненным ночных кошмарами. И этот новый кошмар оказался змеей — гигантом среди змей. Она подняла голову — не меньше грузовика размером — с огромными, словно блюда, зелеными глазами, выдвинула ее из туши ящера. Раздвоенный язык с шипением вылетал из пасти-пещеры и снова прятался. Сколько колец ее тела скрывалось в драконе? Сколько футов его может таить в себе дракон?

Но тут Гил понял, что мастера испытаний могут выпустить из мертвого дракона столько колец и столько футов, сколько пожелаю. Логика не играла тут никакой роли. Логические и физические законы были отброшены прочь. Значение

имели лишь ночные кошмары мастеров, инженеры стремились поделиться ими с испытуемым, а они могли увидеть в жутких своих снах все, что угодно. Из туши может выползти хоть тысяча футов змеи. Две тысячи. Десять тысяч. Они могут заполнить этой змеей хоть всю арену от стены до стены и просто раздавить его змеиным чешуйчатым телом.

И сколько еще других тварей может вылезти вслед за змеей из этой туши, если, предположим, ему удастся убить змею? Не роятся ли там, внутри, бесчисленные ужасы? Не придется ли сражаться до полного изнеможения, пока не свалишься и признаешь себя побежденным?

И тут он увидел все в хрустальной простоте и ясности. Осознал единственное, до чего требовалось дойти умом. Первое правило звука — понять простоту всех остальных правил. Управлять звуком просто, по силам чуть ли не идиоту...

Ответ на все его сегодняшние загадки — ящик Пандоры. Если уничтожить туши дракона, то ящик Пандоры разлетится в щепки. До сих пор он не обращал внимания на труп чудовища, потому что опасался активных противников. А теперь понял, что именно дракон был их источником, так что можно позволить себе игнорировать все остальное, но уничтожить дракона.

Змея сфокусировалась на Гиле зеленые фосфоресцирующие глаза-блюдца...

Он устало поднял ружье.

Выше, выше, выше...

Все выше и выше, кольцо за кольцом, дыбясь змея над мертвым драконом, раскачиваясь влево и вправо, назад и вперед, выматываясь из

туши словно медлительный чертик из коробочки, все выше, выше, выше...

Гил прицелился в тело дракона, не обращая внимания на грозную змею, — ведь она была лишь вторичным противником.

Змея поднялась над драконьей тушей уже на пятьдесят футов, обнажились ее огромные зубы, с которых капала жидкость...

Он нажал на спусковой крючок.

Он уничтожил дракона.

Змея шлепнулась на пол, как перерезанная веерка, впрочем, не змея — только ползмеи. Та часть, которая все еще была свернута кольцами внутри дракона, не уцелела, лишь пятидесятифутовый кусок чудища извивался по арене. Брыкаясь без ног, вопя без голоса, даже в смерти своей оно пыталось добраться до него. Вот раскрылись гигантские челюсти...

Гил увидел внутри, в глотке, маленькие зловещие формы, червеобразных тварей или личинок, которые катились по рту в попытке выпасть наружу и взять верх там, где змея потерпела поражение. Мастера испытаний были изобретательны — и безумны.

Без малейших колебаний юноша уничтожил змею долгим разрядом звукового ружья и тем положил конец испытанию, рассеяв в пыль личинок, слизней и все остальное, что еще могло таиться в этой глотке.

На Большой зал обрушилась тишина. Аrena опустела, больше здесь не было никого и ничего — кроме Гила.

И вдруг толпа взревела, словно могучее животное, разразилась аплодисментами, ликующими

криками, люди вскакивали и прыгали. Приветствия мощной волной хлынули на арену и понесли его к Скамье...

А когда-то...

Прыгун остановился в нескольких шагах от лифта, прижимая к груди похищенного младенца, следя за тремя приближающимися музыкантами и лихорадочно пытаясь придумать, что делать. Первым его увидел толстый музыкант, идущий последним, закричал и бегом кинулся вперед. Прыгун поиском глазами выход. В самом конце коридора, за музыкантами, белели, словно затянутые катарактой глаза, четыре большие панели из молочно-матового стекла.

Музыкант оказался совсем рядом, руки его были вытянуты, как будто он хотел выхватить ребенка. Прыгун взмахнул кинжалом, всадил его человеку в шею, рванул поперек и выдернул. Музыкант закачался из стороны в сторону, глаза его вдруг сделались очень большими, и он рухнул на сверкающий пол, залив кровью красивые плитки.

Один из оставшихся потянулся за звукоусыпляющим свистком.

— Не свисти! — крикнул Прыгун, одной рукой поднимая младенца над головой и показывая, что убьет его при первом же звуке.

Музыканты остановились, лица их вдруг стали молочно-белыми, как входные двери, казалось, они вот-вот растворятся и возникнут вновь в другом ме-

сте, в витрине какой-то кунсткамеры, как фарфоровые фигурки редкого совершенства.

Прыгун медленно пятился от них. Пройдя так с дюжину ярдов, он повернулся и побежал. Большие шестипальые ступни громко шлепали по плиткам, мышцы ног, как стальные тросы, извивались под кожей, толкая тело вперед. Он прорвался через двери, наружная, распахнувшись, ударила о столб и разбилась. С гудением рассыпалась она на осколки и исчезла. Пока он добежал до подножия лестницы и оказался в саду неоновых камней, по городу уже разносился надрывный вой сирен и слышались возмущенные выкрики.

Младенец проснулся и заплакал. Прыгун сильнее прижал его к груди, чтобы заглушить плач.

Неоновые камни светились со всех сторон, испуская подобное утренней заре сияние, которое чуть не ослепило его, пока он несся между ними, не разбирая дороги.

«Слепящее синее сияние — море в огне...

Красный, красный, алый, киноварь, багровый — кровь...»

Он промчался через сад и остановился глянуть назад. Пропел луч звукового ружья, ударил в дерево рядом с ним, и огромная ветка упала на землю. Но потом какой-то музыкант закричал: «Не стрелять!» — опасался, как бы не ранили младенца. Прыгун повернулся и прыгнул.

Он добрался до сектора популяров, но и здесь не оказался в безопасности, ибо музыканты, схватив свои яркие янтарно-желтые щиты, бросились за ним. Он свернулся в заваленный мусором переулок, свернулся еще раз и еще — и вдруг, охваченный паникой, сообразил, что совершил смертельную ошибку.

ку. Ему надо было мчаться к развалинам, где ждало в засаде подкрепление, нельзя было пробовать оторваться от погони. А здесь, в лабиринте переулков, преследователи могут разделиться, окружить его и в конце концов загнать в угол. Этого он не мог допустить, особенно теперь, когда добыл младенца, — а ведь именно для того, чтобы украсть младенца, и была придумана вся эта рискованная затея.

Нужно действовать сразу, пока они не отобрали дитя и еще есть шанс подменить его ребенком Силача, нормальным, не мутантом. Прыгун держал младенца на расстоянии вытянутой руки, и вдруг его поразили мягкие, нежные черты ребенка, розовый цвет кожи, крохотные глазки... Нет! Надо спешить, надо действовать. Этого младенца не должны найти никогда.

Он напомнил себе, что именно пра-пра-пра и так далее предки этого крошки и все последующие поколения его кровных родственников превратили перенесшую войну Землю в то, чем она стала. В будущем это дитя повторяло бы зло, совершенное его предками. Переполненный гневом из-за того, что музыканты сделали с популярами, Прыгун сжал тонкую шейку тремя пальцами, крутнул и бросил обвисшее, как тряпка, тельце в сточную трубу, где отдавался скребущим эхом топоток крысинах лап...

Глава 3

Теперь на трибуне победителей сидели четверо, и публика успокаивалась, шумела все меньше и меньше по мере того, как приближалось испытание последнего юноши. Гил пощупал повязку на

голове, решил, что она совсем маленькая, беспокоиться нечего, и улыбнулся. Выдержал! Пробился! По крайней мере, через первый этап, через грозные испытания арены. Оставался только Столп Последнего Звука, объятие самой Смерти. Но разве можно представить себе нечто хуже, чем арена, более мучительное, чем драконий ящик Пандоры, более страшное, чем кровяные твари или личинки, которые пытались выбраться через змеиное ярло?.. Последний Звук будет всего лишь формальностью; а короля эльфов он победил!

Пока Гил радовался тому, что его жизнь теперь устроена, сформирована и не угрожает дальнейшими осложнениями, к Скамье, опустив сгорбленные плечи, приблизился Рози. Гил вспомнил их разговор накануне вечером и весь обратился в слух: что же такое поразительное задумал Рози?

Рози остановился и поднял глаза.

— Джироламо Фрескобальди Чимароза? — спросил судья.

— Это я, ваша честь.

— Готов ли ты к началу испытаний?

— Нет, ваша честь.

Нет?

Нет! Чтобы зафиксировать это слово и понять его значение, потребовалось некоторое время. Развум был настроен на стандартный ответ, такой, как давали все юноши, а теперь прозвучало что-то совершенно иное; этот ответ требовал мысленной перестройки. Ропот изумления пробежал по рядам, тысячи зрителей недоуменно засуетились, тут и там один поворачивался к другому переспросить, не ослышался ли он, — люди не верили своим ушам.

Гил наклонился вперед, хоть ему и так было отлично видно и слышно.

— Прежде чем продолжить, — заговорил судья, явно озадаченный не меньше чем все остальные в зале, — я обязан сказать тебе, что ты рекомендован своим учителем на должность Первого Класса.

Зал ахнул. Половина публики мгновенно вскочила на ноги, вторая половина нестройно последовала их примеру. Ситуация требовала прямого взгляда на Скамью, хоть на своих индивидуальных экранах люди могли увидеть все намного лучше. Гил догадывался, что Рози ждет высокое место, но не мог предугадать полного статуса — Первого Класса. Его самого ограничили Четвертым Классом в основном из-за мятежной натуры и врожденной музыкальной бездарности, а вовсе не потому, что он хуже других умел использовать Восемь Правил. И он ожидал, что Рози предназначат для более низкого Класса просто из-за его стигматов. Но сейчас судья предлагал ему высшее место в обществе...

— Не принимаю! — сказал Рози. В тоне его не было ни презрения, ни страха. В его голосе звучало что-то иное — возможно гордость.

— Ты не принимаешь? — каркнул судья, теперь уже рассвирепевший; руки его вырвались из-под широкой мантии, тощая шея вытянулась из оранжевого судейского кольца на воротнике.

Рози стоял, ожидая, — жалкая фигурка на обширном пространстве пола, совсем крохотная по сравнению со Скамьей. Поняв, что юноша дожидается продолжения традиционных вопросов, судья откашлялся, прочищая горло, взял себя в руки и проговорил:

— Есть ли у тебя какие-то особые пожелания или заявления, которые ты хотел бы высказать сейчас?

— Есть!

Рози внезапно словно стал прямее, словно преодолел скрюченность своих костей и мышц. Гил никогда не видел его в такой позе.

— Каковы они?

— Я хочу отказаться от испытаний Четырех Классов, чтобы пройти экзамен на получение Медальона композитора.

Рев ничем не сдержанного возбуждения, пролетевший по рядам, был намного громче воплей, испускаемых музыкантами и их леди во время традиционных гладиаторских испытаний, предшествовавших этому моменту. Он отразился от стен, сотряс трибуны буйным громом, он оказался не по силам даже безмерной жадности акустических стен, которые должны были впитать его и погасить. Громовой шум захватил и поглотил Гила, юноша казался себе крошкой пищи, которая попала в глотку великану. Почему-то под этим раскатистым эхом он вдруг ощутил себя более живым. Он был возбужден как никогда прежде. И не только своим собственным успехом — ведь теперь случилось такое! Неужели Рози на самом деле думает, что у него получится? За четыреста лет лишь четырнадцать юношей пробовали свои силы, а добился успеха один Аарон Копленд¹ Моцарт. Это было... когда же? Двести двенадцать лет назад. И вот теперь Рози... «А я знаком с ним! —

¹ Копленд Аарон (р. 1900) — выдающийся американский композитор.

думал Гил. — И не важно, получится у него или нет, все равно он войдет в историю города Вильяди!»

После задержки в несколько минут на арене появился громадный клавишный оркестр. Аудитория затихла, когда юный горбун подошел к инструменту, придвигнул табурет, пробежал пальцами по ста двадцати клавишам, скользнул ногой по одиннадцати педалям и обвел глазами три ряда синих и красных переключателей, выстроившихся по двадцать штук в шеренге над клавишами.

Рози втянул в себя воздух и склонился над клавиатурой, как почти слепой человек — над книгой. Зрители опустились в свои кресла с гулким звуком, как будто ударили в сгустившемся воздухе крылья огромной птицы. Гил вдруг понял, что все это время не дышал. Он перевел дух, а Рози начал свою оригинальную композицию...

Открывающая тема звучала гордо и рыцарственно. Вел ее один рояль, но за его голосом ощущалось обещание большего. Октавы для левой руки приближались к пределу возможности фортепиано. Казалось, только полный оркестр с трубами и барабанами может отдать должное величественному замыслу. И вдруг, внезапно, когда Рози перебросил переключатели и нажал на педали, действительно зазвучал полный оркестр.

Затишие...

Нескончаемо долгое затишие.

«Все кончено? — удивился Гил. — Уже все кончилось?»

Но нет! Зазвучала безыскусная мелодия, напоминающая народную песенку, ее вел солирующий

фагот, играл андантино¹ и капричиозо², весело, беззаботно. В Большом зале стояла мертвая тишина — звучала только музыка. Людей не было слышно, словно все умерли или перенеслись в какую-то другую пространственно-временную систему.

К середине этой части начало нарастать напряжение. Прорезались трепеты струнных, вступили грозные голоса тромбонов и труб... Скрипки... За ними — повторение темы виолончелями и деревянными духовыми.

Звуки величественно прокатывались по Большому залу, смерчами взвихривались в тайниках разума Гила, пронизывали зубы невыносимой вибрации, силой тащили его через темные волны темы и контратемы по мере того, как инструмент выступал против инструмента, одна рука против другой, теневой оркестр против главного оркестра, диссонанс против консонанса, ибо одно невозможно без другого.

Струны, струны, проволочный водопад струн. Скрипки, альты, виолончель, контрабас, играющие легато, стаккато, потом снова легато. Вдруг, внезапно — каденция флейты-пикколо, не задержавшая могучего стремления к кульминации... горны, горны, вызов, брошенный медными духовыми в глухую полночь... вихрь, вспышка, столкновение, сокрушающиеся кости!.. И тишина.

Гил стоял, тяжело дыша, все его тело сотрясалось, пальцы цеплялись за ограждение трибуны,

¹ А н д а н т и н о — умеренный темп или музыкальная пьеса в таком темпе.

² К а п р и ч и о з о — виртуозная пьеса в блестящем. эффектном стиле.

как будто хотели раздавить поручень. Он ощущал ноги под собой ракетами, готовыми выстрелить его в потолок, с языками пламени позади. Он начал кричать «браво», но толпа забила его, надрывая глотки в бешеном вопле. И все равно он кричал со слезами на щеках и бешено размахивал руками, но вот Рози поднялся, и эти проклятые сгорбленные плечи словно исчезли перед лицом абсолютного и потрясающего триумфа. Годы и годы битвы юного мутанта слились в этом миге, в финальной награде, которая более чем воздала ему по заслугам за тяготы и муки детства.

Гил с затуманенными от слез глазами повернулся к Скамье и увидел, что судьи тоже ошеломлены. Гендель колотил кулаками по борту Скамьи, колотил и колотил, пока они, наверное, не покрылись синяками и ссадинами, колотил от радости, а не для того, чтобы призвать к порядку. Живые молотки стучали вместе, не чувствуя собственной боли, и гулкие удары перекрывали даже буйство толпы.

В тот момент, когда Гил полностью уверился, что звуковая конфигурация Большого зала сейчас не выдержит, разрушится и исчезнет, обратившись в ничто, Рози повернулся к аудитории и поклонился. Восторженные крики зазвучали с удвоенной силой, утроенной, утвержденной, когда десять тысяч пар легких напряглись, разрывая себя на части. Звуки рушились на Гила, пока не стало больно ушам. И тем не менее вопли продолжались и будут продолжаться до тех пор, пока легкие не вспыхнут огнем и начнут лопаться гортани. Да, Рози был Композитором! Одним из величайших за все времена, если судить по сыгранной вещи. И он был одним из них!

Со временем неистовство угасло.

Рози получил Медальон композитора, который мог изменить вибрации любого механизма и любого входа, обеспечивая хозяину доступ куда угодно и возможность использовать что угодно. Медальон не просто открывал замки — он полностью растворял двери на то время, пока человек пройдет, настраивал машины в тон со своими схемами, и они начинали работать для композитора так, будто были продолжением его рук. В обмен композитор должен был лишь делиться с людьми произведениями своего таланта.

В конце, когда все требуемые ситуацией ритуалы были завершены, судья спросил, есть ли у Рози какие-либо просьбы теперь, когда он уже освобожден от испытаний и Столпа Последнего Звука.

И тут разорвалась новая бомба...

Рози попросил, чтобы его *сестре* позволили пройти испытания на арене с целью получения статуса.

Это было совершенно абсурдное пожелание. Женщины — это леди. Женщины никогда не являются музыкантами. Такое требование было небывалым и невозможным, не имеющим себе места в их упорядоченном обществе. Все равно что предложить людям двадцатого века выбрать своим президентом дельфина потому лишь, что наука доказала наличие у дельфинов разума. Владислович, Отец Мира, видел назначение женщин лишь в деторождении — и ни в чем больше. Он сказал с абсолютной ясностью, что задача женщин — вынашивать детей, что именно они поддерживают существование вида и бессмертие име-

ни самого Владисловича, но никогда не должны получать статус. Никогда. Статус — это знак мужчины, и потому женщина со статусом разрушит самые основы порядка вещей.

И все же, хоть требование казалось абсурдным, такой была и сама ситуация. Музыканты получили своего первого за два столетия композитора. История рассказывает о блеске и славе века, когда жил последний композитор, о величии общества, которое он вдохновлял в течение всей своей жизни. Появление композитора действует на общество как необъяснимый катализатор, возбудитель, переворачивает социум, пока он не расцветет пышно и многокрасочно. Не нашлось бы в Большом зале ни одной души, которая не стремилась бы к такой Золотой эре. Следовательно, Рози был сейчас для всех присутствующих почти что Богом. Да, собственно, после смерти он со временем будет канонизирован, а потом, по прошествии долгих лет, перейдет от святости к божественности. Завтра, возможно, они будут в этом не столь уверены, но сегодня счастье было в них ключом — и они согласились на его просьбу.

А кроме того, какая женщина сумеет выжить на арене? У нее нет практически никаких шансов на успех. Стало быть, потом не возникнет никаких проблем. Так ведь?

Толпа, весело переговариваясь, снова занимала свои места. Гил тоже опустился в кресло, и тут на трибуну поднялся Рози и сел рядом с ним.

— А я и не знал, что у тебя есть сестра, — сказал Гил, стараясь подавить в себе благоговение и говорить с Рози по-дружески, как прежде, до того, как тому вручили Медальон.

— О да, Гил. Сестра. — Рози широко улыбнулся. — Подожди, увидишь. Да вот она идет — Тиша!¹

Гил прищурился, пытаясь разглядеть девушку на другом конце обширной арены. Ее учитель шел слева и чуть сзади, немного покачиваясь на ходу. Это был седовласый Франц! Мягкое лицо, спокойные манеры и гордая осанка сказали Гилу, что это действительно тот стариk, который учил его играть на гитаре, который так терпеливо сносил его неуклюжесть (в отличие от Фредерика) и который показал ему, что на самом деле он все-таки обладает музыкальными талантами, пусть и минимальными.

Гил подавил желание помахать рукой и снова перевел взгляд на девушку. С трудом сглотнул комок в горле и ощущил, как, подобно пойманному зверьку, прыгнуло его адамово яблоко. А кого он ожидал увидеть — горбунью, такую же, как Рози? Изуродованную мутантку, еще одну ошибку камеры генного жонглирования? От красоты девушки у него перехватило дух, а горло, и без того воспаленное, полыхнуло огнем и непривычным стремлением, которому он не мог найти имя.

«Она великолепна», — подумал Гил.

Рози улыбнулся.

Прекрасная девушка. Пять футов три дюйма ростом, тоненькая, но возбуждающая благоговейное восхищение. Она была одета в винно-крас-

¹ Тиша — уменьшительно-ласкательная форма женского имени *Letitia*, которое по-русски традиционно переводится как Летиция, но по-английски произносится Летиша или Летиша.

ное гимнастическое трико и легкие тапочки ему в тон. Трико плотно — даже слишком плотно — облегало нежные контуры ее тела. Ошеломляющие длинные ноги, прямо-таки поразительно длинные для такой невысокой девушки, бедра безупречной ширины, тоненькая — пальцами двух рук можно обхватить — талия, крепкая высокая грудь и шея, словно вырезанный и отполированный искусствами руками изгиб ореховой древесины. Лицо ее, изысканное, как нежнейшая китайская вышивка, обрамляли волны черных волос, а глаза были зелено-голубого цвета, какого они встречаются только у кошек. Даже через всю арену Гил заметил, что лицо это лучится обаянием, от которого у него заплясали нервы. Да уж, генные инженеры проявили искреннее раскаяние за прошлые ошибки, когда создавали эту ошеломительную девушку... женщину...

— Она... она...

— Да, она есть она! — Рози коротко рассмеялся.

И вот они дошли до Скамьи, остановились и замерли. Тиша плотно сдвинула пятки, прогнула спину, очень смело и очень красиво, а старый Франц стоял чуть ссутулившись, с видом усталым, но тем не менее боевым. Отзвучала литания, и толпа в коллективном вздохе втянула в себя, наверное, половину воздуха в помещении, когда Франц объявил, что он, будучи учителем девушки и гордясь тем, чего она достигла под его руководством, рекомендует ее для Первого Класса. Просьба Рози и без того была достаточно дерзкой, но рекомендовать Первый Класс — это совсем уже выходило за рамки приличия.

У судей вид тоже был изрядно скептический.

Однако, думал Гил, наверное, куда лучше ей будет завоевать Первый Класс, а не Четвертый. Он быстро сообразил, что если Тиша добьется статуса Четвертого Класса, то на других представителей этого класса со стороны лиц, занимающих более высокое место в социальном порядке, посыплются язвительные насмешки: «Да бросьте, даже женщина может добиться вашего несчастного Четвертого Класса!» Именно потому ей нужен был лишь самый высокий статус.

Судьи неохотно согласились позволить Тише подвергнуться испытаниям. С их стороны это была уступка великому Рози. А кроме того, они были твердо убеждены, что она может только потерпеть поражение.

Но девушка не умерла.

Она безошибочно сражалась против куда большего числа ужасных монстров, чем Гил, сражалась, умело используя свое оружие — весь набор из четырнадцати предметов, которыми полагалось овладеть соискателям Первого Класса. В течение получаса она хладнокровно встречала насланных на нее чудовищ, используя акустическое боло, звуковые ружья, духовые трубы, выбрасывающие звуковые стрелки, наподобие оружия древних тропических народов. Было совершенно очевидно, что судьи намерены играть против нее нечестно, что мастера испытаний за Скамьей заставят ее выдержать вдвое больше схваток, чем пришлось на долю других кандидатов на Первый Класс.

Она сразила человека-волков, которые изверглись из ливня копошащихся червей.

Она уничтожила стрекоз со скорпионными хвостами, стаей поднявшихся из трупов человека-волков...

Когда мастера испытаний не могли уже больше продолжать экзамен, не показав открыто, что стараются ее провалить, и испытания закончились, ей в награду достались лишь нестройные аплодисменты, в основном от леди на трибунах. Мужчины были слишком заняты — размышляли о том, что все это будет означать для них. Девушку сопроводили на трибуну, где она обняла Рози и поцеловала в щеку Гила, потому что Рози назвал его своим единственным другом.

Наконец для всех, кроме Рози, настало время предстать перед Столпом Последнего Звука. Гил под руку повел Тишу с трибуны, и грудь его вздымалась чуть выше обычного оттого, что он держал ее под руку, пусть даже так недолго.

А потом из внезапно возникшего отверстия в полу поднялся со стонущим гулом Столп Последнего Звука...

Когда вертящаяся, отбрасывающая глубокую тень колонна выросла над ними, гудя с мрачной и неприятной монотонностью, которую создавали тысячи субмотивов, вплетенных в миллионы синкопированных ритмов и исполняемых в контрапункте¹ вторичных мелодий, сливающихся почти в какофонию, Гил твердо и без колеба-

¹ Конtrapункт — вид многоголосия, основанный на сочетании и развитии нескольких мелодических линий.

ний понял, что Столп Последнего Звука намного страшнее, чем испытания на арене. Он пытался возразить себе, напоминая, что сунул голову в Столп в тот день, когда приходил вместе с отцом, и сумел пережить видение и ощущение того таинственного мира, воротами в который был Столп. Так что теперь в этом Столпе для него не должно быть ничего страшного, так ведь? Да. Да... или должно? Когда совсем ребенком он смотрел на неведомое царство за Столпом, он был слишком маленький и не мог понять, что это такое и что оно означает. А теперь, став старше и наслушавшись рассказов об исследователях, которые рискнули войти туда и не вернулись, он понимал, что страна за Столпом — это Смерть. В этом понимании и заключалась вся разница... У него отчаянно скрутило желудок, возникло непереносимое желание выбросить все его содержимое...

Столп играл гимны.

Но мелодии их звучали мрачно и зловеще...

Порядок испытания был установлен жребием. Гил оказался в очереди последним, Тиша — сразу перед ним. Он чувствовал, как съеживаются и леденеют руки, как потрескивают кости пальцев, когда плоть пытается уползти сама в себя.

Люди на трибунах тоже ощутили страх. Сейчас они притихли, стали серьезными и, кажется, немного нервничали. Ветерок с невидимого кладбища пронесся вдоль помещения, зрители от него содрогнулись — словно десять тысяч зубов застучало в челюстях Большого зала.

Судьи не отрываясь смотрели со Скамьи в напряженном ожидании.

В сопровождении двух ассистентов появился врач. Он был психиатром, ассистенты — медиками общего профиля. Задачей старшего доктора было обследовать каждого юношу (а теперь и девушку!) после того, как он — или она — выйдет из Столпа, а потом вынести заключение об эмоциональной устойчивости обследованного. Кого-то из экзаменующихся эта последняя проба скрушил. Остальные пройдут ее без особых затруднений. Итог зависел от того, насколько ты еще ребенок, насколько сохранил детскую веру в собственное бессмертие.

По команде врача первый юноша шагнул вперед и вошел в Столп. Он пробыл внутри всего несколько секунд и вернулся с достаточно бодрым видом. Психиатр закрепил у него на запястьях ленты датчиков сканера, надвинул ему на голову шапочку из металлической сетки. Сканирование было завершено в считанные секунды, и психиатр объявил, что этот человек прошел тест и в рисунке его мыслительных волн не возникло недопустимой нестабильности.

За первым юношей последовал второй, этот шагнул в колонну нерешительно. Когда прошло три минуты, а испытуемый не появился, психиатр сам частично погрузился в Столп, нашел его и вынес наружу. Губы несчастного были приоткрыты, их, словно слизь, покрывала слюна, в глазах застыло пустое, отсутствующее выражение. Он так глубоко погрузился в шизофреническое состояние, что вернуть его к норме уже не удастся никогда. Еще одного увезут в мусоросжигательную печь...

И вот, после ряда испытуемых, настала очередь Тиши. Она без колебаний вышла вперед и

исчезла за гудящей бурой стеной звука. Гилу хотелось протянуть руки, остановить ее, но он не мог. Это была ее битва. Через минуту она вышла обратно, улыбаясь, и подошла к психиатру. Было совершенно очевидно, что пережитое в Столпе не повлияло на ее психику, что разум ее оказался в состоянии воспринять атмосферу мира за Столпом, не утратив контроля над собой. Эта замечательная девушка смогла умереть на миг, а после вернуться в мир живых и не потерять рассудка.

Но психиатр объявил, что ее психика расстроена.

Тиша запротестовала, повернулась к судьям и потребовала контрольного обследования другим психиатром с другой сканирующей машиной.

Судьи лишь кивнули.

Психиатр заявил, что нет необходимости отправлять девушку в мусоросжигательную печь, поскольку нестабильность ее психики не настолько серьезна.

— И все же достаточно серьезна, чтобы помешать мне получить Класс? — спросила Тиша, уперев руки в бока и глядя на него со всей решимостью.

— Я объявил свое заключение! — сказал доктор и отвернулся от нее.

— Кандидатура отклонена, — произнес судья.

— Вы не имеете права так поступить со мной! — воскликнула девушка.

— Имеем, — сказал судья. И повторил: — Кандидатура отклонена.

Гил смотрел, как она уходит по этому медному полу обратно в помещения за ареной,

ей осталось только переодеться и уйти. У Рози хватило влияния — по крайней мере в тот момент, — чтобы добиться для нее права пройти испытания на Класс, но и его влияние имело границы. Да, он — композитор, но чтобы изменить порядок вещей, установленный Владисловичем, недостаточно быть будущим святым и Богом. Судьи опомнились, увидели свою ошибку, осознали, что этот прецедент может открыть двери и для других женщин, желающих получить Класс, и нашли способ захлопнуть дверь у Тиши перед носом.

Следующим был Гил.

Какое-то мгновение он взвешивал, не следует ли ему отказаться на том основании, что с девушкой поступили нечестно. Но решил, что это будет неразумно, даже глупо. В конце концов, кто он такой, чтобы спорить с судьями? И кто он такой, чтобы заявлять, будто обычаи, установленные Владисловичем, следует нарушить? У него впереди мирная жизнь в комфортабельном обществе. Нет причин бастовать и губить собственное будущее. Ему не под силу в одиночку изменить политику мужского шовинизма, под силу ему лишь разбиться о каменную стену...

Он шагнул вперед.

Столп гудел и пульсировал, меняя цвет от темно-коричневого к светло-коричневому и обратно.

«Я уже сталкивался со Столпом совсем маленьким. Надо все время помнить об этом».

Он шагнул внутрь Столпа и прошел через ворота в иной мир — мир Смерти, из которого не возвращались исследовательские группы...

Над ним распростерлось небо цвета воронона крыла, черное от горизонта до горизонта, лишь кое-где проколотое блеклыми коричневыми звездами. Справа тянулась гряда гор шоколадного цвета, прорезанная сверкающей, как самоцвет, рекой — очень темного зеленого цвета и жутко широкой. И внезапно Гил подумал о своем сне...

Там, над тусклыми берегами зеленой реки, поднимается голая стена, камни торчат из нее, и скальная полка из полированного оникса нависает в сотне футов над головой. Время — какой-то неопределенный ночной час. Небо чистое, но не синее. На глазах у него небесную черноту пронизывают более светлые оттенки, странный коричневый и гнилостно-бурый, и там, где эти два цвета перекрывают друг друга, они выглядят как засохшая струпьями кровь. На излучине реки ониксовая полка выступает далеко, простираясь над водой до другого берега, и образует крышу, а на этой крыше стоит пурпурное здание с массивными колоннами вдоль фасада, каждая из которых обрамлена поверху черными каменными ликами. Гил приближается к зданию, всплывая вверх от воды на черном листе...

Тогда он развивает сон, делает еще один шаг дальше...

Внутри здания, видит он в первый раз, нечто, как будто скачущие, приплясывающие фигуры, которые...

Тут Гил понял, что находится внутри колонны слишком долго. Лучше выйти через обычный промежуток времени, не давая психиатру с его машинками лишнего шанса закрыть ему дорогу к взрослости.

Он вышел обратно в Большой зал.

На мгновение его поразило печальное, почти ошеломляющее ощущение потери. Шагнул вперед психиатр, обмотал его запястья лентами, надел на голову сетчатую шапочку с датчиками. Но никаких сенсаций не последовало. После Рози и Тиши Гил уже никого не волновал.

Итак, он прошел заключительное испытание. Все кончено. Завершено... Но болезненно-сладкое чувство внутри говорило ему, что дело далеко не кончено, что до завершения долгий-долгий путь...

Вытянувшись цепочкой один за другим, юноши покинули Большой зал, а Столп-тотем позади с гулким ревом пел песню сирен...

В помещениях позади Большого зала он нашел раздевалку и душевую кабину. Отшвырнул свой плащ, схватился за грудь, стиснув себя обеими руками. Он думал о Столпе Последнего Звука, о трепещущем в груди желании вернуться туда — и содержимое желудка вывернуло прямо на красивый голубой пол; но все было запрограммировано с учетом опыта прошлых испытаний Дня Вступления в Возраст, и звуковые волны мгновенно уничтожили гнусную жидкость...

Звуковой душ, включенный опознавательной песней Гила, «смыл» с тела пот и обстрелял его невидимыми ядрышками мелодичного очистителя. Но душ не мог проникнуть влажными пальцами через внутреннюю дрянь и очистить душу, тогда как именно она была загрязнена, выпачкана куда сильнее, чем кожа. Всего один день,

а столько всего случилось, и мир внезапно стал злобным и неправильным. Во-первых, он увидел бешеную похотливую кровожадность, прячущуюся под обличием музыкантов, которые объявляли себя вершиной цивилизованной жизни. Это испугало его не меньше, чем Столп. Он больше не чувствовал, что знает этих людей, среди которых прожил все свои годы. Внезапно они сорвали с себя маски и показали шакалий оскал. А дальше, конечно, был Столп и неописуемый магнетизм ландшафта за ним. Ему хотелось вернуться туда. Часть его разума тосковала по этому черно-коричневому небу и эфирному сумеречному пейзажу.

— Ты держался очень смело, — произнес чей-то голос у него за спиной.

Тоненький голос, тоненький и негромкий.

Ее голос.

Он повернулся — и застыл, смущенный наготой Тиши, лихорадочно соображая, что схватить — и откуда? — чтобы прикрыть собственное тело. Но ее, казалось, это вовсе не трогало, как будто они купались вместе уже тысячу раз. И мысли его обратились к ее красоте, к изгибам и выпуклостям ее тела, которое ни в чем не уступало неописуемо обаятельному лицу.

Она шагнула под соседний излучатель звукового душа:

— Рози за тебя боялся.

— А я боялся за Рози, — сказал он, потом рассмеялся, и напряжение немного отпустило его.

— Я понимаю, почему ты смеешься. Да, Рози не нуждается в жалости. Я это всегда знала.

— Ты и сама держалась замечательно, — сказал он, пытаясь найти такое продолжение беседы, которое не показало бы слишком явно, насколько он захвачен ее наготой.

— Не так уж замечательно.

Тиша взяла значок Гила и поднесла к излучателю душа, включила — и зазвучали первые такты «Военного марша».

— Они сжульничали с тобой, — сказал он.

Девушка пожала плечами, груди ее упруго подпрыгнули.

Гил повернулся лицом к динамикам душа, закрыл глаза. Невидимые пальцы выдавили новые капли пота из его кожи, и он хотел, чтобы песня звукового душа смыла их.

— Ты думаешь, это воодушевит других девушек? — спросил он.

— Ты о чем?

— Я имею в виду — добиваться статуса.

— Что же тут воодушевит их? — горько спросила Тиша. — По всему городу будут сплетничать, как меня унизили и отвергли. К тому же ни у одной другой девушки нет брата композитора, который помог бы ей хотя бы зайти так далеко, как удалось мне с помощью Рози.

— Да уж!

— А ты был не такой, как все, — сказала девушка, поворачиваясь к Гилу.

Его взгляд блуждал по ее телу. Он с усилием поднял глаза к ее лицу, заметно покраснев.

— В каком смысле?

— Ты надеялся, что я выиграю.

— Конечно.

— А больше — никто. Кроме Рози. Все они дожидались, что я погибну на арене или сойду с ума в Столпе. Все мечтали, чтобы меня сволокли в печь.

— Не знаю, можно ли делать такие обобщения.

— Это не обобщения, это правда, сам знаешь.

Гил замер на мгновение, пытаясь найти хоть слово в защиту того общества, частью которого он теперь стал. Но не мог сказать ничего, кроме правды.

— Ты права, — выдавил он наконец.

Тиша засмеялась — на миг сверкнули зубы и тут же исчезли.

— Ты видел черное и коричневое небо? — спросила она.

— Оно было особенно перекошенное и крапчатое над шоколадными горами, — отозвался Гил, повернулся к душу и снова закрыл глаза.

— А река — как сукровица.

— Все там такое, — подтвердил он, испытывая одновременно ужас и восторг. Снова нахлынуло на него болезненно-сладкое желание.

— Гил! — сказала Тиша, коснувшись пальцем его закрытого глаза и пытаясь поднять веко. — Я пришла к тебе потому, что ты один-единственный желал мне победы. Тебе было не безразлично, что творится. И еще потому, что я боюсь, — думаю, они взяли меня на заметку, ведь я пыталась изменить порядок вещей.

— Боишься?! Ты?

Она смотрела на него, покачивая головой.

И вместе со звуком, игравшим престиссимо¹ и падающим на их поющие тела на искрящемся ка-

¹ П р е с т и с с и м о — самый быстрый темп.

менном полу, они нашли прозрение душ, сливаясь в общем движении и стараясь подарить друг другу момент для заключительной каденции...

А когда-то...

Прыгун вовремя избавился от тела ребенка, потому что буквально через секунду в дальнем конце переулка появились преследующие его музыканты. Он повернулся и побежал в другую сторону. Но музыканты внезапно перекрыли и этот путь к отступлению.

Тогда он выхватил нож и метнул. Нож отскочил от желтого щита — да Прыгун и знал, что так будет. Он повернулся, осматривая стену за собой. Наверху, футах в пятнадцати, заметил разбитое окно с выступающим наружу подоконником. Подпрыгнул, зацепился рукой за выбоины в стене, оттолкнулся ногами, закинул ступню в ту же выбоину, вытянул вверх свободную руку, схватился за край подоконника и подтянулся.

— У него нет ребенка! — закричал кто-то.

На темно-красных стенах заплясал желтый свет.

Прыгун разрезал руку об осколки стекла, торчащие из рамы. Кровоточащими пальцами вцепился он в гнилое дерево.

— Не дайте ему...

— Остановите его, не то...

— Да подстрелите же кто-нибудь проклятого...

Под ножом холодного звукового луча его ступня лопнула перезрелым плодом. Кости ревербе-

рировали¹, как сдвинутые впритык концами звучащие камертоны. В отчаянном усилии он перевалился через край окна и растянулся на полу заброшенного здания. Голоса снаружи стихли, превратившись в невнятное бормотание.

Воздух в доме пропах плесенью. Прыгун пощупал ногу и обнаружил только обрубок. Вот о таком он не подумал... Скрипя широкими зубами, он содрал с себя набедренную повязку, свернул жгутом и перетянул ею ногу, чтобы хоть немного унять кровь. Прыгун, хоть и готов был умереть ради дела, вовсе не торопился сдаваться. Он оттолкнулся от пола, опираясь на руки и одну ногу и держа раненую конечность на отлете, как собака, собравшаяся помочиться. Голова кружилась, кипела, булькала, ныла, сознание то проваливалось в черноту, то прояснялось снова.

Здание это было давным-давно заброшенным складом, и пол во многих местах прогнил. Прыгун был уверен, что музыканты, если полезут сюда за ним всей толпой, провалятся в подвал. Он угрюмо пробирался через комнату к лесенке, ведущей на галерееку, которая шла вокруг всего главного помещения. С этой галерееки попадали когда-то в комнаты второго этажа.

Выходящая в переулок стена взорвалась, посыпался град кирпичей, поднялось облако пыли, через образовавшуюся брешь проник желтый свет, а потом полезли музыканты, подсаживая друг друга.

Прыгун удвоил усилия; цепляясь за шаткие, готовые в любой момент сломаться перила, запры-

¹ Ревербация — процесс постепенного затухания звука после прекращения действия его источника.

гал со ступеньки на ступеньку на здоровой ноге. Музыканты оказались в главном помещении в тот момент, когда он перевалился на галерейку.

— Наверху! — раздался крик.

Они кинулись вдогонку. Но пол под ними не выдержал и проломился. Пятеро из двенадцати преследователей с криками провалились через дыру в гнилых досках, и даже их щиты не смогли поглотить силу удара при падении с высоты в тридцать футов на старые ржавые балки, мусор и врытые торчком рельсы. Но семеро уцелели.

Они рассыпались цепью, чтобы распределить свой вес по большей площади, и двинулись к лесенке с разных сторон. Они заметили Прыгуна, который, цепляясь за перила, пытался добраться до какой-нибудь двери, и вскинули ружья.

— Не убивать! Только ранить!

Пропел луч, и Прыгун почувствовал, как ему оторвало три пальца на правой руке. Он запнулся, закачался, пытаясь удержать равновесие на одной ноге, а потом рухнул, проломив перила и гнилой пол внизу, и сломал свою бычью шею на спицах ржавого велосипеда, который валялся в подвале.

«По крайней мере, — успел он подумать в последний миг, — начало выполнению плана положено. Наш подставной младенец попадет в Башни музыкантов вместо настоящего Гильома Дюфе Грига...»

А дальше была лишь чернота.

Семеро музыкантов обшаривали окрестные переулки в поисках младенца, но их поиски оказались бесплодными. В эту ночь крысы были очень голодны...

Глава 4

Когда Тиша ушла из кабинки, Гил медленно оделся, все еще словно оглушенный теми отношениями, которые установились теперь между ними, пытаясь разобраться, что они означают. Девушка много чего сказала ему. Она сказала, что они оба — одной породы, редкие птицы в этом обществе, почему-то непригодные для него, странные создания, наделенные способностью испытывать нежность к другим людям. Редкостные... Она сказала, что Рози тоже присуща эта способность. И старый седоволосый Франц тоже умеет состра-датель. Но она не может вспомнить больше ни од-ного человека, который волновался бы о ком-то еще, кроме самого себя.

— Не может быть, — возразил он. — Ты ошибаешься.

— Ошибаюсь?

— Конечно.

— Нет, я думаю, ты просто не замечал, каков этот мир на самом деле. Неудивительно, в кон-це концов, ты ведь сын Великого Мейстро и на-верняка вел несколько уединенную и безопасную жизнь. Назови мне хоть одного человека, кото-рый искренне сочувствовал бы другим, кроме тех четверых, кого я уже упомянула. Ну?

— Мой отец, — сказал он.

— Расскажи мне о каком-нибудь случае, когда это сочувствие проявилось.

Гил собрался было заговорить, но понял, что не может припомнить такого случая. Отец всегда прежде всего думал о своих собственных интересах, о своем имидже. Они никогда не были близ-

ки между собой, и теперь Гил осознал почему. Дело вовсе не в том, что они принадлежали к разным поколениям, а в том, что относились к совершенно разным человеческим типам. Тиша была права.

И теперь, когда он покинул помещения за Большим залом и вышел наружу, в голове теснились мысли. Он не замечал свежести наступающего вечера, мысль его перескакивала с предмета на предмет, перебирая многозначительные пороки, которые он вдруг увидел сегодня в этом так называемом утопическом мире. Кровожадность зрителей на арене. Неправедность судей по отношению к Тише — и радостная готовность, с которой зрители приняли эту нечестность. Жестокость самих ритуалов, варварски высокий процент здоровых юношей, которых отправили в мусоросжигательные печи. И, не отдавая себе отчета, он причислил руины сектора популяров к цепи мерзостей общества музыкантов. Он не мог объяснить, почему так считает, ведь популяры — это муттировавшие земляне, изуродованные и искалеченные последствиями собственных дурацких войн. И все же...

Он свернулся с улицы, которая вела к Башне Конгресса и апартаментам отца, и пошел к кольцу садов неоновых камней, которые обозначали собой границу между городом-государством музыкантов и сектором популяров. Ближайшее кольцо камней — белое — только-только начинало мерцать в эти первые минуты сумерек. Следующее кольцо было светло-зеленым, потом шло темно-зеленое, дальше — синее, фиолетовое, густо-желтое, оранжевое и, наконец самое последнее — огненно-красное. Он остановился у последнего кольца и посмотрел на ру-

ины — точно так же, как вчера, когда шел домой с уроков.

Это был другой участок развалин. Среди куч и гор мусора стояли три здания — три усталых караульщика. Два, построенные из пластмассы и стали, немного оплавились и привалились друг к другу, как подвыпившие приятели, поддерживающие один другого; без такой взаимной опоры оба здания обвалились бы и рассыпались, смешавшись с грудами известки и камня у своих подножий. Третье здание, каменное — Гил с трудом припомнил, что эти прямоугольные красные блоки, из которых оно построено, назывались «кирпичи», — стояло почти неповрежденное. В нем даже оставалось несколько окон с целыми стеклами, хоть их и покрывала корка грязи. Сосредоточив взгляд на одном таком окне, он увидел, что там, внутри, кто-то есть и смотрит на него...

Гил не мог разглядеть никаких деталей, слишком толст был слой грязи на стекле. А потом у него на глазах *тот* исчез.

Гил снова вернулся к мысли, что общество музыкантов как-то ответственно за сектор популяров. Почему они его не восстановили? Почему не предложили блага цивилизации популярам, мутантам? О, он знал стандартные объяснения: мутанты — это дикари, они не поддаются цивилизации, радиация причинила вред не только их телам, но и разуму, музыканты и так проявили милосердие, не уничтожив их вообще. И все же... И все же...

Он уловил какое-то движение на крыше уцелевшего дома и поднял глаза, чтобы рассмотреть, что там такое. Там, глядя на него сверху, стояла черная фигура без лица.

«Это просто игра света и тени, — подумал Гил. — Из-за тени я просто не могу рассмотреть лица. На самом-то деле оно у него есть, не может не быть!»

А есть ли?

Он содрогнулся.

Никакие правила не ограничивают пределы вариации форм популяров. Гил видел образчики существ, которые когда-то были людьми, но теперь ничем не напоминали человека. Попадались среди них даже червеобразные мутанты, червеформы, которые имели человеческое лицо на конце мягкого сегментированного тела. И человек без лица, разумеется, ничуть не удивительнее, чем эти черви.

Гил попытался отвести взгляд, но не смог.

И безлицый человек помахал ему.

Невольно Гил помахал в ответ.

После этого безлицый человек исчез.

Постояв еще немного, Гил повернулся и пошел через сад неоновых камней, обратно от ярких цветов к белой границе парка, за которой начинался мерцающий камень улицы.

Когда он попал домой, ему пришлось снести торжество, устроенное отцом, чудовищное, изобильное торжество, где ничего не было упущено, с безумно дорогим примитивным оркестром, который играл на настоящих древних инструментах. Домашний робот-оркестр спрятали куда-то в шкаф. Собрались добрые две сотни поздравляющих и лизоблюдов, все в половинных или полных масках. Украшенная блестками мерцающая

ткань мягко обтягивала их лица, но почему-то не могла скрыть — от Гила по крайней мере — звериной сущности, которая таилась в подлинном выражении их лиц и вырывалась из рядов Большого зала всего несколько часов назад.

Отец схватил его за руку выше локтя, пальцы впились как клещи. Словно скованного, тащил он юношу по комнате от одного гостя к другому — здесь его поздравляли, там похлопывали по спине.

— А вот, — сказал отец, — человек, которого ты должен узнать, хоть он и в маске.

Это был Фредерик, Гил сразу понял, хоть и не мог ясно разглядеть птичье лицо. Однако глаза не были прикрыты вуалью, и этого вполне хватило бы. Ибо они горели под воспаленными красными веками и сверлили его, выискивая уязвимые места. И все-таки не глаза первыми сказали Гилу, что это его учитель. Прежде всего он заметил ремешок. Даже сейчас, не на уроках, на светском приеме, злобный педант носил эту хищную кожаную полоску при себе, она петлей свисала с пояса его мантии, болталась у левого бедра, очень напоминая револьвер древнего ковбоя.

— Мои поздравления, — проговорил Фредерик, хотя было ясно, что слова эти идут не от сердца. Неискренность буквально капала с них, как змеиный яд.

— Благодарю вас, — сдержанно отреагировал Гил.

— Столп ничуть не напугал его! — сказал отец. Он ухмыльнулся, стиснув руку Гила еще сильнее. — Он уже входил в такой Столп, когда был совсем ребенком. Ты это знал?

— Нет, — сказал Фредерик.
— Зашел прямо внутрь! И это ему ничуть не повредило!

— Только сунул голову, — поправил Гил.
— Что?
— Я только сунул голову внутрь, отец.
— Все равно, — отмахнулся Великий Мейстро.
— Все равно, для совсем еще ребенка...
— Как ты намерен устроить свою жизнь теперь, когда заслужил право на нее? — спросил Фредерик.

— Я еще не успел как следует подумать об этом.

Глаза вспыхнули ярче, впились глубже.
— Обучение других музыке, конечно, исключено. Разве что ты будешь учить игре на гитаре. Но это — ограниченное поле деятельности. Ты мог бы, пожалуй, заняться техническим обслуживанием.

Отец Гила поперхнулся.
— Поддерживать Башни и все прочие конфигурации в нужной форме и рабочем состоянии — достаточно благородная задача, — напомнил Фредерик, переводя пронзительный взгляд на Мейстро.

— Я думал, что мальчик может пойти в биологическую отрасль, — сказал Мейстро. — Он всегда проявлял способности к наукам, не относящимся к теории звука. Нам необходимы хорошие биологи, чтобы отслеживать новые направления мутаций у популяров и анализировать их.

— Или попробовать испытать свои силы в индустрии развлечений, — предложил Фредерик. — Работать в съемочных командах, которые делают игровые фильмы о популярах.

— Не думаю, — возразил Гил. — Но, по обычаю, я имею год на размышление. Так что не стану спешить.

— Конечно, конечно, — согласился отец.

— Конечно, — эхом отозвался Фредерик.

Гил заметил, что рука учителя потянулась к ремешку. Костлявые пальцы подергали жалящую кожу, словно та доставляла ему какие-то приятные ощущения.

Но наконец гости разошлись, и Гил остался наедине с отцом, стоящим у огнеимитационного камина, в котором за решеткой из мерцающей меди колыхались языки звукового пламени.

— «Der Erlkönig», — проговорил Гил и отпил глоток зеленого вина, которое лилось рекой весь вечер.

— Это просто песня, — сказал отец, явно испытывая неловкость.

— Нет.

— Просто песня!

Лицо Мейстро казалось уродливой живой маской трупа, которого страх не оставляет даже после смерти.

— Я думаю, Владислович не понял Девятого Правила звука, — сказал Гил.

— Это ересь! — Мейстро подавил в себе гнев и тоже выпил вина, но вздувшиеся мышцы шеи противоречили его показному спокойствию. — Девятого Правила не существует.

— А Столп? А страна за ним?

— Звуковая конфигурация. И ничего более. Как все прочие звуковые конфигурации.

Ненастоящее пламя потрескивало, распространяя холод.

— Тебе известна история Столпа, отец?

— Он создан в качестве заключительного испытания для ритуалов Дня Вступления в Возраст, чтобы...

— Нет. Я в этом сомневаюсь.

Отец залпом допил вино, схватил другой стакан, наполовину пустой и выпачканный синей губной помадой.

— Создан в качестве заключительного испытания каким-то мастером, который думал...

— Владисловичем. Он сам создал Столп, но это тщательно скрываемый факт, забытый за прошедшие столетия — или почти забытый. Вот это, я думаю, истинная правда. Владислович пытался овладеть Девятым Правилом звука, Девятым Правилом всего сущего. Назовем его бессмертием. Но он не сумел победить Смерть. Она победила его.

— Заткнулся бы ты! Об этом лучше помалкивать.

— А что скажешь об исследователях, которые не вернулись оттуда?

— Не было никаких исследователей. Все это — детские сказки. За Столпом нет никакого мира, просто иллюзия.

— Легенды говорят, что исследователи были настоящие.

— А я говорю — сказки!

— Почему мы не посылали других исследователей? Почему боимся того, что там, за Столпом?

— Теперь у тебя будет собственная комната, — сказал Мейстро, пытаясь переменить тему.

— И тем мы доказали бы, что чтим отвагу Владисловича, пусть даже он не сумел овладеть Девятым Правилом, что воздаем ему честь попыткой

повторить, хотя бы в меньшем масштабе, сделанное им, ибо он сам был одним из тех, кто не вернулся с другой стороны Столпа, одним из исследователей, которые...

— У тебя будет собственная комната и собственный сенсоник, — гнул свое Мейстро.

Синяя помада частично стерлась со стакана и теперь окружила его губы гротескным кольцом.

— Сенсоник?

Гил слышал это слово раньше — его всегда употребляли в некоем мистическом смысле и всегда как предмет, существование которого отрицалось в присутствии детей. Но он больше не был ребенком ни в каком смысле этого слова.

— Ты увидишь. Скоро увидишь. Он придает жизни настоящую цену, Гил. Ради него стоит жить.

— Даже зная о «Короле эльфов?»

Великий Мейстро бросился к сыну и хлестнул его по лицу ладонью.

— Замолчи! Замолчи!

Ему как будто слюной залепило горло, он не мог говорить внятно, мог только издавать булькающие и хлюпающие звуки, точно тонущее животное. Он схватил сына за лацканы фрака и принялся трясти. Когда оба уже перестали что-либо видеть за прыгающими волосами, когда у обоих побагровели лица, отец отшвырнул его к каменному крылу камина и принялся мерить шагами комнату. Открыл бутылку вина, налил стакан...

Наконец он повернулся к сыну. Лицо его уже избавилось от гнева, теперь на нем сияла заговорщицкая улыбка.

— Идем. Я покажу тебе свою новую комнату.

Новая комната оказалась огромной — сто футов в длину, восемьдесят в ширину, вдоль стен тянулись книжные полки, ожидавшие, пока хозяин заполнит их по своему вкусу. Потолок напоминал купол планетария — на нем было изображено ночное небо раннего июня. Даже при выключенных лампах ненастоящие звезды отражались в темных хрустальных стенах, и комната купалась в меланхолическом сером свете.

— А вот твой сенсоник — раз уж ты теперь мужчина.

Отец, явно уже опьяневший, махнул бутылкой в сторону кровати.

— Просто кровать?

Отец широко улыбнулся, но что-то в этой улыбке напомнило крик боли. Гил отвел глаза.

— Сам убедишься, это просто кровать или не просто, — сказал отец, пятясь к выходу из комнаты, как раб перед королем, немного согнувшись, кивая головой в поклоне.

Закрывающаяся дверь скользнула, как нож гильотины, и голова исчезла, будто отсеченная — если не от плеч, то от взгляда Гила.

Гил бегло осмотрел помещение, а потом сдался — слишком уж сегодня устал. Он раздевался при свете псевдозвезд, а перед глазами жаворонком порхало видение — нежное податливое тело на твердых плитках пола душевой кабины...

Постель была мягкая, она прильнула к усталому телу, как пушинка. Какое-то время Гил лежал, глядя на звезды, потом заметил красный пульт, вмонтированный в спинку изголовья. Он перека-

тился в ту сторону, нажал первую кнопку. Кровать повернулась влево. Вторая кнопка повернула ее вправо. Третья остановила вращение. Четвертая принесла сны...

Его тело окутала пелена сексуальных ощущений, просачиваясь в каждую пору, переполняя свирепой радостью. Смутные тени начали принимать форму туманных существ. Туман становился все гуще... Уже не туман — густое облако... Густое облако подернулось дымкой воспоминаний, и теперь остался всего один шаг до реальности... Реальность... Грудастые женщины, похотливые, голые, с бешеными от желания глазами, возникали ниоткуда, нетерпеливо стремясь удовлетворить... Звуковые конфигурации...

Это были всего лишь звуковые конфигурации, подобно домам, в которых жили люди, подобно чудовищам, с которыми он сражался на арене. Но, как и чудовища, они могли воздействовать на него. Чудовища могли убить. Звуковые женщины могли возбудить в нем желание и довести до кульминации.

Они потащили его вниз и расплющили горами плоти, поволокли по реке с поверхностью из влажной кожи к океану — темному и ожидающему. Гилу даже показалось, будто это страна в Столпе, пока он не нырнул туда и не понял, что на самом деле — это матка, а он скользит по влажной поверхности, закручивается по спирали, устремляясь к оргазму своего физического и психологического «я», который высосет из него все семя на тысячелетие вперед...

Задыхаясь, он дотянулся до спинки кровати и нажал пятую кнопку, отключив теплые и чувст-

венные звуковые конфигурации раньше, чем они успели довести его до кульминации. Женщины исчезали постепенно, их губы и груди все еще гротескно висели в воздухе, когда все остальное уже растаяло.

Коричневые соски набухли, взорвались и оставили дыры в качающихся грудях...

Потом пропали и груди.

Остался один лишь рот, голодный язык облизывает острые зубы, сворачиваясь и разворачиваясь, сворачиваясь и разворачиваясь, ма-ня его...

Наконец Гил снова остался один, с неосуществленными желаниями, вино прокладывало горький след в горле, снизу вверх. Он собрал все силы — даже не думал, что после крайней усталости в нем осталось еще столько сил, — и подавил в себе горечь.

Сенсоник! Так вот это что такое. Великое мистическое переживание, ради которого стоит жить, как уверял его отец совсем недавно. Электронная похоть. Вот почему у матери и отца отдельные спальни — чтобы ощущение настоящей супруги не вторгалось на подсознательном уровне в тела звуковых шлюх.

Это было и печально, и отвратительно. Гил ощущал невыносимое безысходное отчаяние, которое бурлило в каждой косточке и было гейзером из каждой клетки, отчаяние, которое тем не менее придется вынести и нести в себе всю жизнь.

Электрический секс. Деторождение — это просто долг, обязанность, которую нужно выполнять время от времени для продолжения существования

ния расы. И если бы Владислович смог овладеть Девятым Правилом, если бы нашел способ достичь бессмертия средствами манипуляций со звуком, то необходимость в деторождении вообще исчезла бы. А если сделать еще следующий логически обоснованный шаг, то настоящие женщины не будут больше нужны, ведь коль скоро никто не умирает, то нет смысла рожать детей. Биологический вид навсегда останется устойчивым и могучим.

Только сейчас Гил в первый раз до конца осознал положение женщины в обществе музыкантов. Это существо ненамного выше, чем популяр. Полезное орудие, обеспечивающее продолжение рода, — и ничего сверх того. Теперь ему стало ясно, что угроза со стороны Тиши была весьма серьезна. Когда судьи и советники поняли, что существо с молочными железами и вагиной попыталось — и почти успешно! — вторгнуться в их владения, они вынуждены были принять меры, чтобы устранить такое опасное и честолюбивое существо. И наверняка ей не позволят прожить долго. Они не станут избавляться от нее немедленно, это выглядело бы слишком подозрительно, но через неделю, через две недели... Через месяц... Пусть даже через год — все равно печь.

У него гулко колотилось сердце. Он хотел немедленно найти Тишу и предупредить. Но она спит сейчас после всего пережитого, а он даже не знает где. Да и у него самого слишком много сил отняли испытания, Столп, любовь в душевой кабинке, праздничный прием и, наконец, сенсоник. Несмотря на панику в душе, он погрузился в объятия сна...

И снова нахлынули сновидения...

Где-то в глубине его мозга запись сообщения, имплантированная давным-давно, решила, что нужное число лет уже прошло. Ограничительные химические связи растворились, и запись выплеснула свое сообщение.

ТЫ НЕ ГИЛЬОМ ДЮФЕ ГРИГ. ТЫ — НЕ НАСТОЯЩИЙ СЫН ЯНА СТАМИЦА ГРИГА. ТЫ — ГИДЕОН, СЫН СИЛАЧА, ПОПУЛЯРА. ТЫ ПОПУЛЯР. ТЫ РОДИЛСЯ НЕМУТИРОВАННЫМ. ПОПУЛЯР ПО ИМЕНИ ПРЫГУН...

И так далее.

Намного позже он проснулся с криком...

Вторая часть симфонии РЕШЕНИЕ

А когда-то...

Силач сидел в развалинах западного крыла, бросая камешки в пруд, который прежде был плавательным бассейном; сюда часто ходили люди, нормальные люди, — еще до войны, до музыкантов, четыре сотни лет назад, в двадцать втором столетии, когда отличия от нынешней жизни были многочисленны и дивны.

Округлый камешек запрыгал по воде, ударившись о нее четыре раза.

А теперь лужа эта была голубым глазом в белых мраморных руинах павильона, который когда-то укрывал бассейн. И единственные ее постоянные посетители — несколько желтых и зеленых ящериц. Величественная красота покинула бассейн, когда он стал всего-навсего местом, где летом плодятся комары, в теплое время, когда они могут пробраться через трещины потолка к сырьим ямкам среди мусора, во влажной тени.

Следующий камешек коснулся воды три раза и утонул, булькнув...

Силач разглядывал осветительные панели на потолке, горевшие все четыре века после войны, по-

тому что в этом квартале источник энергии не был поврежден. Они продолжали гореть — и, наверное, будут гореть вечно, — давая свет, даже когда здание, освещаемое ими, превратилось в заваленную мусором зону несчастья. Люди умели хорошо строить в те дни, когда наука была не просто волшебством, в которое превратилась сейчас для Силача и его породы. Они строили почти так же хорошо, как музыканты...

Раз, два, три, четыре, пять — бульк...

«Можно ли, положа руку на сердце, уверять, что музыкантов удастся свергнуть? Если мы даже не начинаем понимать, что заставляет функционировать эти светильники или что заставляет до сих пор действующих роботов-докторов лечить болезни... если даже эти вещи для нас тайна за семью печатями, то как же удастся нам постигнуть и опрокинуть могучие Башни музыкантов? Сможем ли мы перевернуть весь мир с помощью одного-единственного мальчика?»

Раз — бульк...

«Да, черт побери, сможем! Прыгун умер не напрасно. Когда мы сможем отправить нашего мальчика в Башни...»

— Вот ты где, — сказал Дракон, высунув голову с редкими чешуйками из-за угла пола разрушенного коридора. — Ты что, прячешься в этом распроклятом месте?

— Если бы я захотел спрятаться, ты бы меня не нашел.

— А что ж ты тут делаешь?

— Бросаю камешки в воду. А что, не похоже?

— О-о, так ты размышляешь, да?

Дракон устроился рядом, присев на корточки, согнутые колени задрались к груди, когтистые

ступни зарылись в мусор, лоснящиеся предплечья сложились на коленях. Он подобрал горсть камешков и начал подбрасывать на ладони. Попыхтел.

— Ладно, если ты тут просто так сидишь, в грусти, меланхолии и всякое такое, толку от этого немного. Так что я вполне могу сказать тебе о том, о чем собирался сказать.

Силач подождал и, не услышав объяснений, спросил:

— И о чём же это?

— О Незабудке, — небрежно бросил Дракон. — Старая Воробыиха говорит, будто ей время подходит...

— Что?!

— У нее вот-вот начнутся роды. Я пытался изложить это помягче, исподволь, но ты мне всю игру испортил.

Силач встал и полез вверх по склону из битого и раскрошенного мрамора; мышцы на толстых руках перекатывались еще заметнее, чем у его брата Прыгуна, когда тот взбирался на здание «Первого Аккорда». Значит, ребенок вот-вот родится. Самое время. Еще немного — и было бы слишком поздно, музыканты не поверили бы, что им удалось вернуть младенца, которого похитил Прыгун...

Дракон бросил горсточку камешков в воду и побежал следом за Силачом.

Глава 5

Он смог заснуть только перед самым рассветом, а проснулся через шесть часов, уже почти в полдень. Вкус во рту был такой, будто, пока он

спал, туда забралась какая-то мелкая лохматая звешушка и сдохла. Все тело ныло, мысли беспокойно метались. Он вылез из-под одеяла, босиком пошлепал в ванную и уставился на свое вытянутое лицо с заплывшими глазами в трехмерном зеркале.

«Я — Гильом Дюфе Григ, — думал он. — Я Гил».

Трехмерное изображение смотрело на него, как другой человек, а не просто собственное отражение. И еще казалось, будто оно говорит: «Врешь. Ты не Гил. Гил умер прошлой ночью. Ты Гидеон¹. Тебе вообще не место здесь. Ты популяр».

Тогда Гил отвернулся от зеркала и решил не обращать внимания на свое отражение. Он закончил утренний туалет, потом оделся и пошел на кухню завтракать. Отец внизу, где-то в канцеляриях Конгресса, занимался делами города-государства. Мать ушла на встречу с другими женщинами — они там, верно, обсуждали свои сенсоники. Их клуб назывался «Сопереживающие». Теперь, впервые за все годы, он ясно понял, с какой целью они собирались. Женщины встречались, чтобы обмениваться воспоминаниями о сексуальных переживаниях и делать программы своих персональных сенсоников как можно разнообразнее.

Гил ограничился скромным завтраком, потому что не чувствовал особого голода. Но пища хотя бы вытеснила изо рта отвратительный кислый

¹ Г и д е о н (от др.-евр. Gid'on — « тот, кто владеет оружием »; по библейскому толкованию — « крушитель ») — персонаж Ветхого Завета, по преданию, спас израильтян от ига мадианитян (Книга Судей, 6:11).

вкус. Правда, после нее остался приторно-сладкий вкус, что было не намного приятнее.

Чем заняться после завтрака, он не знал. Сидел за столом, уставившись на меняющийся рисунок стены из мерцающего камня, и вдруг подумал о своем новом имени. Гидеон... Популяр...

И снова попытался подавить эти мысли, попытался вообразить, что они вообще не существуют. Но это была битва на поражение. В конце концов, когда стало ясно, что ему ничего не остается, кроме как примириться с внезапно открывшейся истиной и посмотреть правде в глаза, он перебрался в главную гостиную, кинулся в контурное кресло, которое замерцало и изменило форму, приспособливаясь к его телу, и стал перебирать в мыслях все, что узнал прошлой ночью.

Семнадцать лет назад популяр по имени Прыгун, крупное и крепкое существо, сумел забраться в «Первый Аккорд», здание, где помещались владения генных инженеров, детские палаты и исследовательские звуколаборатории. Оказавшись там, он похитил новорожденного младенца, сына Мейстро, настоящего Гила. Прыгун убил ребенка, но потом его самого убили погнавшиеся за ним музыканты. Однако они не знали, что младенец погиб, и считали, будто он находится у других популяров. Они обыскали развалины и нашли ребенка, вполне нормального, без следов мутации, и принесли его обратно, радуясь, что он цел и невредим. Но этот ребенок был вовсе не Гил, а сын популяра по имени Силач, названный Гидеоном. За несколько месяцев до рождения Гидеона робот-доктор сообщил, что ребенок будет человеком, и тогда сразу же возник план подменить им настоя-

щего младенца музыкантов. Это удалось, и лже-Гил вырос, считая себя музыкантом. Теперь же запись, которую робот-доктор имплантировал в его мозг хирургическим путем, сработала, сообщив ему, что он популяр, и потребовав, чтобы он, Гил-Гидеон, помог популярам свергнуть музыкантов. Запись утверждала, будто именно музыканты заставили муттировать людей, которые пережили войну, и ответственны за появление популяров.

Если это правда, то музыканты — законченное воплощение зла, как он уже подозревал. И все же зачем им было превращать в мутантов тех, кто выжил после ядерной войны? И зачем скрывать, что они сами их создали?

Но даже если это неправда, достаточно уже и того, что он — сын популяра. Надо идти к ним и договариваться, разбираться в подробностях, какого они ждут от него содействия по части шпиона-жа и диверсий.

Но популяры неразумны, а то и вообще безумны. Они дикари.

Нет, совершенно очевидно, это — лживые выдумки музыкантов.

Гил предавался подобным раздумьям еще какое-то время, пока не понял, что снова и снова возвращается к одним и тем же немногим фактам и допущениям. Больше никакой информации нет, больше не на чем основывать свои суждения. Конечно, с таким багажом не побежишь строить планы революции.

«Действительно ли я популяр по рождению? Да, действительно, но музыкант по воспитанию и окружению. Не так легко отбросить последние семнадцать лет. А кроме того, мое будущее уст-

роено. Зачем вышвыривать его на помойку ради чужаков, изувеченных и изуродованных полулюдей? Но все-таки невозможно дальше игнорировать популяров. И дело не только в естественном желании узнать что-нибудь о своих подлинных родителях, но и в необходимости разобраться с утверждением, будто именно музыканты вызвали мутацию землян и превращение их в популяров. Сам ведь начинал подозревать, что в основах города-государства лежит что-то противоестественное, что общество это под тонким слоем облицовки из мерцающего камня больное и гниющее. И вот сейчас появился шанс выяснить...»

Когда анализ ситуации пошел по шестому кругу, Гил вскочил с кресла и выбежал из дома. Если выбрать нужный участок сада неоновых камней, можно незаметно пробраться в руины сектора популяров.

Бродя по окраине сада неоновых камней, два раза он уже совсем готов был побежать через заросшую сорняками полосу разрушений, ничейную землю, разделяющую две культуры, но оба раза наталкивался на других музыкантов, прогуливающихся между камнями и деревьями. Наконец, найдя место, откуда на достаточно большом протяжении были видны все дорожки, он дождался момента, когда вроде бы можно было проскочить незамеченным, шагнул за кольцо багровых камней и сразу оказался по пояс в траве.

Двигаясь быстро, спотыкаясь о рваные куски бетона и покореженные пластиковые листы, он добрался до потрескавшегося фасада полуразрушенного здания, три стены которого обвалились. Там, за этим фасадом, ему уже не грозил случай-

ный взгляд какого-нибудь досужего музыканта. Сектор популяров — строго запретная зона, музыкантов за появление там наказывают по суду. В развалины могут проникать только биологи и фильмстеры с особыми лицензиями.

Он был на полпути к стене, когда заметил в тени у какой-то перегородки черную фигуру. Она ждала его, сложив руки на груди. Гил подошел ближе и остановился.

Фигура поманила его пальцем.

Не сразу, с колебаниями, преодолевая нерешительность, он все же двинулся дальше, уговаривая себя: «Это — человек из моего народа. В большей степени брат мне, чем любой музыкант». Вдруг промелькнула мысль: уж не Силач ли это... отец? Предположение ошеломило его, голова пошла кругом, словно вскользь задел луч звукового ружья. Да нет, глупости, никак не может быть. Популяры получают имена сообразно со своими физическими особенностями. Силач должен быть высоким, крепким человеком... пусть получеловеком. А эта черная фигура — тонкая, худая и ловкая, как кошка. До нее оставалось футов тридцать, и Гил остановился. Так близко — а все еще не разглядеть ни одной черточки на этом обсидиановом лице.

Черный человек поманил его снова, на этот раз настойчивее.

Гил сделал еще несколько шагов. Снова остановился. На лице этого человека не было глаз. Нельзя было разглядеть сверкания зубов. И выступающего носа не было.

Фигура что-то прошипела ему. Звук был негромкий и сиплый.

Гил все пытался присмотреться получше.

Но все равно не видел лица.

Никакого лица вообще.

Существо снова зашипело.

Гил сделал еще шаг.

Существо двинулось к нему, протягивая руки.

И тогда, не задумываясь, Гил развернулся и кинулся наутек, обратно по бетонным обломкам; сорняки хлестали по ногам, кололи сквозь тонкую ткань гимнастического трико. Он споткнулся о моток трося, запутанный за стальную балку, и упал. Мгновенно перехватило дыхание, как от удара молотком под ложечку. Он думал, что не сможет двигаться с места по крайней мере еще несколько минут. Но потом услышал, как легким кошачьим шагом приближается безлицый мутант, — шагов не было слышно, его выдал шелест травы. Гил втянул в себя воздух так резко, что заныли легкие, оттолкнулся от земли и бросился бежать. И только когда ноги застучали по камням сада, он почувствовал, что его отпустило.

Еще двадцать шагов в глубь сада... Оказавшись среди ярко-оранжевых камней, он оглянулся. Безлицый популяр стоял на полпути через ничейную землю и глядел ему вслед. Гил знал, что мутант смотрит на него, хоть и не имеет глаз... Через несколько долгих секунд черная фигура повернулась и нырнула обратно в руины, оставив Гила наедине с его страхами...

Какое-то время Гил успокаивал себя, бродя по городу, — изучал те закоулки, которые знал слабо, заново открывал для себя уже знакомые места. Как будто, затерявшись среди неодушевленно-

сти города, он мог забыть о бремени, возложенном на него другими людьми. И все-таки он избегал глухих уединенных мест, оставаясь среди горожан, которые пользовались главными путями. В тех немногих случаях, когда рядом никого не оказывалось, он чувствовал себя так, будто за ним неотрывно подсматривает некто зловещий, дожидается подходящего момента выскочить из укрытия и напасть. Он пытался вообразить себе, как выглядит этот выдуманный враг, издевался над собой за нелепые маниакальные страхи...

Но каждый раз, когда Гил пытался представить своего фантастического противника воочию, перед ним возникала безлицая темная фигура с длинными руками и тонкими, но сильными пальцами — не пальцы, а стальные клещи. Ему приходилось усилием воли переключать ход мыслей на что-нибудь обыкновенное, никак не связанное с навязчивыми ужасами.

Часа такой борьбы с самим собой ему хватило сверх головы. Он всегда был склонен к активному действию, всегда старался завладеть инициативой. Собственно говоря, именно эта предрасположенность и принесла ему славу мятежника уже в раннем возрасте. Сейчас он подумал, что, должно быть, это сказывалась популярская кровь, потому что музыканты большей частью пассивны...

Через два часа, когда больше и идти было некуда, Гил оказался перед наземным входом в Коммерческую Башню. Он протолкнулся через поющие двери в фойе, где с потолка свисала на длинных медного цвета цепях таблица со списком сотен здешних магазинов и увеселительных заведений, нашел в списке то, что хотел, добрался до

звукового лифта и поднялся на восемьдесят второй этаж, к тото-театру — театру тотального сопререживания.

Чтобы попасть в театр, он воспользовался своим значком: прижал к активатору на входной двери и подождал, пока не будут исполнены до конца несколько тактов опознавательной песни. Охранный механизм дослушал музыку, записал, сравнил с записью в кредитных файлах главного контрольного отдела кредитного департамента в Башне Конгресса. Убедившись, что посетитель платежеспособен — либо через свои личные счета, либо через счета родителей, — механизм распахнул дверь и позволил ему войти.

Гил прошел в темный зрительный зал, постоял немного, пока глаза привыкли к полумраку, и двинулся дальше по проходу. Пройдя пятнадцать рядов — это был тридцать пятый ряд, если считать от переднего, — он пробрался на четвертое место и погрузился в мягкое кресло. Едва коснулся ткани обивки — и сразу ощутил, как проникают в него иголочки звука, щекоча нервные окончания. Он надел на голову сетчатую шапочку сенситизора и потуже затянул шнурком с левой стороны. Теперь он был готов.

Минут пятнадцать не происходило ничего, только пронизывала тело негромкая музыка, которую передавали звуковые иголочки и шапочка сенситизора, а потом ему показалось, будто он вплывает в море звука — нет, приятно погружается в него. Он расслабился.

Тото-театр был достаточно близким родственником сенсоника, но далеко не тем же самым. Во-первых, театр тотального сопререживания не

затрагивал секса. Приключения, патриотизм, триллеры, ужасы — сколько угодно, но не секс. Так что тето-театры не конкурировали с дающими исключительно сексуальные переживания сенсационниками, доступными каждому взрослому в городе-государстве. Во-вторых, театры предназначались в основном для подростков — юношей, не достигших мужского возраста, девушек, еще не вышедших замуж и не получивших статуса леди. Тем не менее иногда и взрослому хотелось уйти от действительности, не прибегая к сексу, а было много ситуаций, когда музыкантам требовалось что-то еще, кроме оргазма; в таких случаях театры оказывались прекрасным отвлекающим средством.

Музыка начала медленно стихать.

Пришло время начинать представление.

Музыку, исполняемую в перерыве, сменила звуковая дорожка фильма, и Гил напрягся. У него вспотели ладони. Он знал, что именно будет смотреть. Сегодняшний фильм рассказывал о последних находках исследователей, которые обшаривали развалины в поисках новых мутаций. Он на миг подумал, не попал ли в фильм стигийский фантом...

Затем зажегся огромный экран синерамы, и на нем появились фигуры — более ярких цветов, чем в реальности, настолько ярких, что у Гила заболели глаза и он вынужден был прищуриться, иначе вообще нельзя было смотреть. На него обрушился звук — словно большая стая птиц хлопала крыльями в бесконечном параде, они так сбивали воздух, что барабанные перепонки начали ревербировать. Хотя Гил знал, что никуда не сдвинулся со

своего кресла, а кресло не сдвинулось со своего места на мерцающем каменном полу, ему казалось, что он поднялся, проплыл над другими креслами и проник на экран. Цвета и звуки стали более реальными.

В первый раз он заметил, что на экране имеется вырезанное пятно, белая пустота в форме человека. Другие персонажи — исследователи — обращались к этому пятну, объясняя, что они находятся узнать, когда произведут вскрытие существа, лежавшего на операционном столе. И тут Гил проник сквозь пленку молекулярного давления поверхности экрана и оказался в реальности самого фильма. Он скользнул дальше, к пустому пятну, белой человекообразной тени, — и заполнил это место собой.

Началось тотальное сопереживание. Он не просто смотрел фильм — он был в нем.

Здесь ощущались и запахи. Пахло в основном антисептиками. Но и еще чем-то. Он принюхался — и на этот раз понял. Это был запах первой стадии разложения тканей. Только теперь взглянул он на существо на столе, на популяра, которого вскрывали врачи, — и желудок словно кувыркнулся.

Это был один из червеформов, которые произошли от человека. Экземпляры такого вида попадались не часто, и каждый червь немного отличался от других особей своей породы. Этот был вишнево-красного цвета, и тело его пульсировало от посмертных мышечных спазмов; картина в целом напоминала первые этапы образования тромба в кровеносном сосуде. Только этот тромб имел четыре фута в длину и весил около сотни фунтов.

Тело топорщилось острыми шипами, которые торчали по обоим бокам и выступали из сегментированной спины. На половине высоты каждого шипа имелся нарост в виде пузыря светло-голубого цвета, похоже прикрытый только тонкой мембраной — упругой, влажной, поблескивающей.

Один из врачей сообщил Гилу (который уже сообразил, что выступает в роли конгрессмена, прибывшего в исследовательскую лабораторию с инспекцией), что хотя червеформ мертв, но все еще можно продемонстрировать, для чего предназначены эти голубые сферы размером с теннисный мяч. Он повернулся к телу и скальпелем срезал слой гнилой плоти у основания шипа. Обнаружив то, что искал, он поманил к себе Гила — или конгрессмена, если угодно.

— Вот это нервный триггер — спусковое устройство, которое получает импульсы и от мозга, и от кончика шипа. Если кто-то нападает на червеформа, кончики шипов улавливают колебания воздуха и передают сигнал нерву. Нервный триггер разрывает внутреннюю оболочку мешочка с ядом — того самого голубого пузыря — и посыпает токсичную жидкость по внутреннему каналу шипа к крохотным отверстиям на его кончике. Или же, если враг еще не атакует, но червеформ видит, что это вот-вот случится, он может сознательно послать импульсы от мозга, чтобы запустить триггер и подготовиться к встрече атакующего.

— Поразительно! — сказал Гил.

— Мы тоже так думаем.

И тут же его начала сотрясать отрыжка. Он ничего не мог поделать с собой. Он давился, пытаясь сдержать рвоту, и одновременно кричал.

В следующее мгновение Гил был отключен от фильма и снова оказался в своем кресле. Контрольные компьютеры восприняли возникшее в нем резкое отвращение и немедленно разомкнули его цепь.

Чувствуя себя совершенно опустошенным, трясясь всем телом, Гил ослабил шнурок, стянул с себя сетчатую шапочку и бросил на сиденье. Потом встал, покачиваясь. Звуковые иголочки отодвинулись от его нервов и перестали щекотать чувствительные центры. Он проковылял вверх по проходу, потом вышел в коридор громадной Коммерческой Башни. Здесь было светло, воздух посвежеет, и ему стало лучше. Он сунул руки в прорезные карманы короткого плаща, который носил поверх трико, и свернулся к лифтовым шахтам.

Пока он падал на уровень первого этажа и выходил из здания, в нем снова зазвучали вопросы. Так что же, это ядерная война породила популяров или виновны музыканты? Но в чем может заключаться вина музыкантов? Разумеется, им не под силу изуродовать тысячи этих...

Тут он вспомнил генных инженеров и камеру генного жонглирования в «Первом Аккорде». Но и это ничего не объясняло. Люди из развалин, само собой, ни за что не согласились бы добровольно подвергнуться таким зверствам. Уж никак они не кинулись бы всей толпой в «Первый Аккорд» по доброй воле, чтобы выйти оттуда чудовищами. Кто-то удрал бы, спрятался, уклонился...

Во всем этом никакого смысла, никак не вяжется. И вот теперь, через многие часы после того,

как сработала запись, он ничуть не ближе к разрешению своей дилеммы, чем за несколько секунд до конца записи, когда первый страх и благоговение затопили его рассудок.

Так где же выход? Бежать? В другой город-государство, их ведь немало на Земле? Но он припомнил те случаи, когда представители других городов-государств прибывали в Вивальди. Судя по тому, что он слышал и читал, их собственные города имеют те же самые социальные порядки — общественное устройство, основанное на гладиаторских ритуалах вступления в гражданство и на строгой системе классов. Допустим, удерешь отсюда, преодолеешь, рискуя жизнью, немалое расстояние до другого города-государства и обнаружишь, что там ничуть не лучше, чем здесь, если не хуже.

Что же тогда делать?

Гилу нужен был такой человек, с которым можно обсудить ситуацию и услышать разумное мнение. Если бы кто-то подсказал, как взглянуть на эту проблему иначе, может, она бы легко решилась. Но он представить себе не мог, кому можно рассказать о своем популярском происхождении, не рискуя оказаться в мусоросжигательной печи. Кому ни расскажи, любой отправит тебя в пекль... Кроме Тиши.

На ближайшей видеофонной станции он обратился к справочной службе и нашел адрес ее родителей. На этот раз, окрыленный четкой целью, он шагал с удовольствием. Он думал о Тише, о ее лице, о теле, о том, как она говорит и двигается. Тиша поможет. Она найдет бальзам для его душевного разлада...

Он не мог знать, что образ действий, который сейчас выбрал и который будет выбирать дальше, приведет его прямо к безлицему черному человеку, ожидающему в руинах...

А когда-то...

Силач, по пятам за которым мчался Дракон, ворвался в лечебную комнату и кинулся к Незабудке. Незабудка... Это имя ей подходило. Правда, многие черты бросались в глаза при взгляде на нее: например, груди (сейчас высокие и набухшие от молока), или красивые, гладкие коричневые ноги, или ступни, крошечные, как у фарфоровых статуэток, — но самое большое впечатление производили две особенности: во-первых, глаза, голубые и зоркие, а во-вторых, тонкие, полупрозрачные перепонки между пальцами, те отметины, которые помешали бы принять ее по ошибке за музыкантскую леди исключительной красоты.

— Я думала, ты не успеешь, — сказала она, протягивая к нему руку.

— Дракон вздумал игры играть — подлое пресмыкающееся!

— С дороги! — рявкнула Воробьиха, прыгая поптичики перед лежащей девочкой-женщиной. — Время пришло. Схватки. Боль. Я знаю, когда приходит время.

И, словно по команде, Незабудку передернуло — начались схватки; лицо так перекосилось от боли, что Силачу стало страшно смотреть на нее.

Но ее ногти впились в мозолистую кожу его ладони, и ему пришлось смотреть.

Воробыиха вытолкала Силача с Драконом за дверь, потом повернулась к аудиорецепторам встроенной в стену огромной компьютерной системы — робота-доктора.

— Она рожает, доктор. Способен ты ей помочь?
— Аборт потребует...
— Нет! Аборт исключен. Ты поможешь ей родить?

— Могу я взглянуть на пациентку? — спросил робот сиплым, не допускающим возражений голосом.

Воробыиха вдвинула операционный стол в проем посредине робота-доктора. Теперь Незабудку не было видно.

— Я могу оказать помощь, — объявил компьютер.

— Ну? — спросил Силач у Воробыихи.

— Что — ну? — ответила она вопросом на вопрос.

Ее черные глаза были окружены паутиной тонких морщин возраста и усталости, да и хитиновый клювоподобный ободок, заменяющий ей губы, с годами превратился из черного в серый.

— Ну ладно, что нам дальше делать?

— Сядем на пол, — сказал Дракон. — И погоджем.

Они сели ждать.

Глава 6

Гил заглядывал Тише в глаза, пытаясь найти в них какой-то намек на ее истинные мысли, и гадал, имеет ли он право втягивать девушку в эту ис-

торию. В конце концов, это *его* настоящий отец отдал сына, чтобы помочь революции, это *его* прошлое требовалось разузнать и это *его* проблемы предстояло решить. В один день мир перевернулся вверх тормашками, пошел кругом и оставил его стоящим вниз головой и задыхающимся без воздуха. Музыканты были, теперь он знал это точно, извращенным и мерзким сбродом; однако не выясняется ли, что популяры, которые с такой легкостью могут отдать своего сына, а потом с такой же легкостью перевернуть с ног на голову его новую жизнь, еще хуже, чем музыканты? Не является ли эта бездушная черствость проявлением черной стороны характера популяров, их изнанки, столь же мерзкой, как у музыкантов?

Ладно, как бы ни обстояло дело, его ли это личная проблема, или же в ней, как в фокусе, сошлись проблемы общества в целом, он должен рассказать Тише, он обязан все рассказать ей и включить ее в свои планы. Они с ней так полно слили вместе — пусть и слишком быстро — свои тела, души и разумы, что стали единым целым, новой структурой, суммарные свойства которой больше, чем если брать по частям...

Заканчивая объяснения, Гил сказал просто:

— Я не прошу тебя обязательно ввязываться в революцию, хотя ты можешь это сделать, если пожелаешь. Главное, я хочу, чтобы ты была рядом со мной.

— Конечно, — сказала Тиша.

Гил вздохнул, взял в ладони ее лицо, собрался поцеловать и вдруг подумал, что, может быть,

это слишком дешевый жест. Вместо этого он произнес:

— Я думал, ты побоишься.

— После Столпа нам с тобою бояться уже нечего, — в ответ сказала она.

— «Король эльфов», — пробормотал Гил, погружая пальцы в ее волосы.

— Что?

— «Der Erlkönig» Шуберта. Баллада Гете, переведенная на музыку.

— А-а! — поняла Тиша. — А для меня это «Ночь на Лысой горе»¹.

— Вполне подходит.

Молодые люди добрались до сада неоновых камней и спрятались в рощице деревьев, чтобы не попасться на глаза случайному прохожему. Осмотрелись, решили, что действительно остались одни и никем не замечены, и прошли за последний ряд камней, карминное сияние которых только начинало пробиваться в этот ранний вечерний час. Дальше лежал пустырь между городом и развалинами. Они еще могли передумать, могли повернуть назад, как повернул Гил днем, повернуть и побежать, удрать обратно к безопасности неоновых камней, к покоя упорядоченного общества, которое эти камни символизируют... Но они не повернули, даже не замешкались ни на миг.

Гил с Тишей вошли в развалины, держась за руки, настороженно ловя каждое движение, самый легкий звук, не вызванный их шагами или

¹ Музыкальная картина для симфонического оркестра М.П. Мусоргского; в обработке Н.А. Римского-Корсакова известна под названием «Иванова ночь на Лысой горе».

дыханием. Среди разрушенных зданий вечер оказался намного темнее, в воздухе тяжело висела кирпичная пыль и вонь сгнившей пищи. Гил оглянулся на десять пологих холмов с десятью Башнями, где наследники Владисловича лежали в своих сенсонаиках, стерильные и бледные, пока черная хватка похоти раздирала их чресла в поддельной страсти. Слишком многое там неправильно. Он смотрел и не мог понять, почему до сих пор не ощущал своей несовместимости с обществом музыкантов. Он не был хорошим музыкантом (хоть с маленькой буквы, хоть с большой) просто потому, что не принадлежал к их культуре кровно и гены его не подвергались их манипуляциям. Он даже не прошел сглаживающей шлифовки в камере затопления.

— Может, надо было взять щиты, — сказала приглушенным голосом Тиша.

— Они ждут меня, — ответил он. — Должны ждать. Нам ничего не грозит.

— Но ведь популяры...

— Считаются дикарями, — закончил он за нее фразу. — Но нас учили неправильно. Они должны быть на свой лад дружелюбными, разумными и цивилизованными. Идем, ночь наступает быстро.

Они двинулись дальше в развалины, перебрались через раму металлического дивана на воздушной подушке — ржавый и скрученный за столетия скелет, который все-таки еще можно было узнать. Прошли дальше — может быть футов сто, — и тут им навстречу шагнул безлицый популяр. Он протягивал к ним руки движением, которое наверняка считал дружеским.

Тиша от неожиданности подпрыгнула. Гил схватил ее за руку и притянул к себе. Он уже успел днем оскорбить это бедное создание, сбежав от него в панике, и не собирался снова показывать себя таким невоспитанным. А кроме того, этот призрак, по-видимому, ждал его, чтобы проводить куда-то.

— Я — Гил, — сказал он черному существу, чувствуя себя нелепо, как будто обращался к ветру или дереву.

— Меня зовут Смола, — ответила черная фигура.

— Тиша, — назвала себя девушка; голос ее произвучал неуверенно.

— Если ты пойдешь за мной, — сказал Смола, — я отведу тебя к твоим родителям.

Гил кивнул.

Призрак повернулся и заскользил среди мусора и обломков. Им пришлось прибавить шаг, чтобы не отстать. Он вел их через совершенно невообразимые руины, мимо огромных куч камня, известки и металла, колоний грибов, буйно лезущих из гнилого дерева, лужиц застывшего стекла (то разноцветного, то непрозрачного). Попадались неузнаваемые раздавленные предметы, некоторые, по-видимому, лежали вверх ногами, другие были расплещены о стены еще стоявших зданий, словно ползучие насекомые, прилепнутые гигантской мухобойкой.

Через некоторое время они оказались под разрушенным городом, внизу, на подземных улицах, где до сих пор на матовом белом потолке сияли чудом сохранившиеся редкие осветительные панели. При этом тусклом, но все же достаточном освещении Гил в первый раз сумел вблизи разгля-

деть лицо призрака. Он был отчасти прав, когда представлял себе, как оно должно выглядеть, но отчасти и ошибался. Глаз как таковых не было, но все же на тех местах, где глаза должны были бы находиться, выделялись два пятна чуть более светлого оттенка и чуть более гладкие, чем все лицо, похожее на туго натянутую черную барабанную кожу. Нос оказался просто щелью в этом лице, рот — безгубой прорезью, без всяких зубов, только с темными, на вид ороговевшими деснами. Почему-то он уже перестал бояться этого призрака. Скорее не потому, что Смола держался приветливо (строго говоря, он казался скорее холодным и сдержаным), а по той причине, что теперь перед ним представали реальные детали, а раньше, когда в прошлый раз попытался перейти из города в развалины, он видел только нечеткие очертания призрака. Часть загадки исчезла, и страх отступил.

Они остановились у выходящей в коридор ободранной голубой двери, и Смола постучал. Дверь загудела, скользнула в сторону, и они шагнули внутрь. Смола куда-то исчез. Руку Гила стиснула чья-то ладонь, раза в три большая, чем у него. Лицо — круглое и большое, как верх ведра. Большого ведра.

— Сын?

Гил несколько секунд оторопело смотрел на него, прежде чем стал что-либо соображать. Он ведь и ожидал увидеть популяра, который был его отцом, так что вроде бы не с чего испытывать такое потрясение. И все же где-то на самом дне бочки разума, в густых осадках, оставалась надежда, что это неправда, что его отец окажется нормальным, немутировавшим.

— Да, — сказал он наконец. — Я — Гил. Или Гидеон.

— А это? — спросил Силач, показав на Тишу.

— Тиша Чимароза, — ответил Гил.

Он хотел было продолжить и рассказать, что ее брат завоевал статус композитора — вчера, во время ритуалов. Но потом вспомнил, что перед ним популяр. Даже если Силач знает строй общества музыкантов настолько хорошо, чтобы оценить значение Медальона композитора, то, можно сказать с твердой уверенностью, это никак не прибавит ему расположения к Тише. Он еще может примириться с ней в качестве его, Гила, девушки, но отнюдь не ощутит восторга, узнав, что у нее в городе-государстве есть родственные связи на таком высоком уровне.

— Тиша, — повторил Силач, и обе руки девушки утонули в одной его ладони.

Было время, многие годы назад, еще до рождения Гила-Гидеона, когда Силач с увлечением проштудировал семь томов писания Всеобщей Церкви. В тот период, когда ему попались эти книги в развалинах, он, по характеру относящийся к маниакально-депрессивному типу, испытывал особенно глубокую депрессию. Метался, пытаясь отыскать что-нибудь особенное, что придало бы смысл и значение жизни. Найдя эти священные книги, он понял, пусть только подсознательно, что в них содержится ответ: учение, догма и доктрина, которые помогут хоть как-то сносить несправедливость жизни.

Всеобщая Церковь возникла лет за восемьдесят до того, как последняя война стерла с лица Земли традиционную цивилизацию. Веками раз-

ные вероучения мира пытались установить между собой связь; в конце концов они нашли свои отдельные пути к слиянию в одну религию, которая включала в себя большинство верований человечества. Всеобщая Церковь погибла в войне вместе со всем прочим, хотя фрагменты ее учения сейчас жили в Силаче. Он поднял старые знамена, прочитал старые слова, но почему-то сумел почерпнуть и воспринять из них только гнев и ярость, непримиримость и отмщение. Милосердие и доброту он оставил прошлому.

И теперь он видел свое чуть ли не божественное предназначение в том, чтобы сыграть главную роль в разрушении города-государства Вивальди. А затем, может быть, всех прочих городов-государств, жители которых вернулись со звезд, чтобы заковать в цепи материинскую планету. Он был отцом того, кто принесет изменения. Он видел в этом святую, божественную, предопределенную цель. В этом заключалась его мания. Исполнение плана — это добро. А все, что мешает осуществлению плана, неизбежно окажется злом. И какая бы то ни было романтическая связь между его сыном и этой девчонкой, Тишой, по его мнению, должна была отрицательно сказаться на боевой мощи Гидеона, быстроте его мысли и глубине ума. В самом деле, разве не может случиться, что за миг до решающего часа эта будущая леди убедит юношу повернуть против его подлинного народа, заставит действовать против популяров?

Но нужно ли убивать ее прямо сейчас? Немедленно? Проблема в том, что мальчик вырос в мире музыкантов. Он не поймет, что цель Силача священна и божественна. В конце концов, Гиде-

она учили поклоняться Владисловичу. Он язычник. Нет, устранение девушки придется отложить до более благоприятного момента, до того времени, когда Гидеон окажется настолько связан с революцией, что не сможет уже отказать в своей поддержке. А потом, когда Силач убьет девчонку, можно будет объяснить Гидеону-Гилу, что назначение его божественное и потому он не должен осквернять себя прикосновением к женщине. Именно так сказано в Семи Книгах: все великие пророки были целомудрены.

Ладно, ее можно уничтожить потом, позже. Она такая тоненькая. Просто хрустнет и сломается в руке... Внезапно Силач сообразил, что молчит слишком долго, и они смотрят на него с удивлением.

— Она красивая, — сказал он, пытаясь оправдать свои долгие раздумья.

Тиша не покраснела. Она знала, что красива, и не видела никакого смысла отрицать, что по достоинству оценивает себя.

— Благодарю вас, — сдержанно произнесла она.

— А где моя... моя мать? — спросил Гил-Гидеон.

Силач, кажется, смущился.

— О, ну конечно! Она спит. Она ждала тебя больше суток. Мы думали, ты придешь раньше. Но потом я догадался, что ты не можешь просто так вскочить и убежать в первое же мгновение.

Он ввел их через другую дверь, на этот раз желтую, в соседнюю комнату, где на чистой, хоть и расшатанной койке лежала женщина.

— Незабудка! — позвал Силач и потряс ее за плечо. — Незабудка, он пришел!

Его мать оказалась чуть ли не самой прекрасной женщиной из всех, кого он видел в жизни, красотой она лишь немного уступала Тише, хоть и была по крайней мере лет на пятнадцать старше. «Будь они одного возраста, — думал Гил, — может быть, Тиша и оказалась бы на втором месте после этой поистине великолепной женщины, конечно, если не считать...» Он разглядел перепонки у нее под мышками, ибо она была о та в тогу без рукавов, заметил и перепонки между пальцами. Может, именно этим перепонкам, напоминающим тонкие лепестки полевого цветка, обязана она своим именем? Нет, скорее глазам, ярким, как синие неоновые камни, и таким же сияющим.

Какое-то время они неловко переминались, глядя друг на друга, как маленькие ребятишки, которые решают, дружить им или нет. Но потом Незабудка порхнула в объятия Гила-Гидеона, плача, обнимая его, целуя влажными губами. Ему это не понравилось, но он тоже обнял ее и попытался во всем происходящем отыскать хоть какие-то намеки, которые помогли бы ему разложить все по полочкам и подсказать смысл, а главное — объяснить, как смогли эти люди дважды разрушить его жизнь и, судя по всему, ничуть из-за того не печалиться. Музыканты отправляют своих детей на арену, не особенно волнуясь, если половина из них погибнет. И эти двое мутантов, подобно им, отдали своего сына какому-то делу, тоже не задаваясь вопросами, что он будет чувствовать и что это будет для него означать.

В истории человечества, как ни мало он ее знал, было полным-полно философов, твердив-

ших, будто отдельные жизни не столь важны, как те или иные идеалы. Они помогали запихивать эти идеалы в глотку молодым солдатам и походным маршем отправляли их на войну в разноцветной униформе, словно стадо разукрашенных макак. А когда солдаты не возвращались, те же самые люди, которые первыми подстрекали их (а сами оставались в своих уютных кабинетах корябь дальше свои мусорные, подтирочные пропагандистские сочинения), писали надгробные речи, восхваляли имена павших и снова твердили об идеалах.

Но много ли значат эти проклятые идеалы для любого солдата? Когда убитый валяется в грязи, гниет и черви выедают внутренности из его серой оболочки, может ли он находить возвышенную гордость в этих идеалах? Дадут ему идеалы возможность когда-нибудь снова посмотреть кино? Нет, не дадут, потому что у него лопнули глазные яблоки и вытекли на лицо. Тогда, может быть, идеалы помогут ему снова съесть праздничный обед? Нет, потому что у него выбиты зубы, а язык провалился в глотку и цветом стал как дермо. Поможет ли ему идеал, позволит ли, даст ли хоть один шанс заняться любовью с девушкой? Черта с два!

Во всей истории Земли не было ни одного идеала, за который стоило бы умереть. Потому что, как бы высок ни был идеал, его непременно испоганят и продадут. Время от времени появлялись

серьезные конкретные причины для войн, связанные с экономикой или порабощением. Но даже такое случалось нечасто.

Одна лишь жизнь стоит того, чтобы за нее умереть, но это уже бессмыслица.

Вот так Гил и стоял — мать обнимала его, отец сиял улыбкой, а он чувствовал лишь холодную отстраненность.

И в эту минуту он внезапно понял, что ни один ребенок ничем не обязан своим родителям. Дети — просто конечный продукт страсти и проявленной в этот момент беззаботности или же, если это заранее запланированный ребенок, результат жажды бессмертия, стремления сохранить свое имя и славу для еще одного-двух поколений (а в случае музыкантов — просто результат выполнения гражданского долга). Родительские страсти, беззаботность, обязанность перед обществом никак не могут пробудить у детей ощущение долга...

В мыслях у него вновь бурлило замешательство. Даже стены этой комнаты казались чужими и далекими, они будто легонько покачивались, словно это был корабль в неспокойном море. Женщина, вытирающая перед ним слезы, представлялась ему всего лишь статуей, которая появилась на свет со всеми повадками и желаниями человеческого существа — кроме подлинной материнской любви. Ее Незабудка не имела.

Они дошли до конца коридора, где воронка от бомбы открывала вход в катакомбы под старым городом. Темнота в этих искусственных пещерах царила почти непроглядная, казалось, ее можно

потрогать руками или налить в кувшин. Тишу они оставили с Незабудкой, а сюда пошли вдвоем. Гил был этому рад, ему не хотелось, чтобы девушка видела, как он трясеется. Руки у него дрожали, губы кривились. Он почему-то боялся человека, который называл себя его отцом.

Прошло совсем немного времени, и он понял, что Силач — религиозный фанатик. Популяр не-прерывно исторгал поучения и молитвы, почерпнутые из некоего источника, который он называл «Семь Книг». Кажется, речь шла о какой-то мировой религии, существовавшей до Катастрофы, но Гил не был уверен, ибо о такой никогда не слышал, впрочем, его не особенно хорошо обучали земной истории.

Твердо он понял лишь одно — Силач хочет, чтобы он сражался за некий идеал. Прямо он этого пока не сказал, но течение беседы сворачивало именно в эту сторону. Он хотел призвать Гила сражаться за что-то там из этих Семи Книг, поднять оружие за верования, мертвые уже четыреста лет. А Гил не думал, что захочет и сможет. Это ведь все равно что присоединиться к музыкантам в кровавой войне против популяров — само собой, с благословения Владисловича. Нет уж, нечего рисковать жизнью всего лишь ради идеала. Ради чего-то практического — другое дело. Если бы Силач напирал на то, что с популярами обращаются как со зверьми, лишают прав на жизнь и достаточное место в мире, тогда он мог бы присоединиться к войне. Впрочем, даже в этом случае — не наверняка. Все было бы намного легче, если бы они пришли к нему по душе. Но такого пока не наблюдалось...

Силач пробирался вниз через дырку в полу, цепляясь руками за выступающие камни и балки, и наконец снова вышел на ровное место. Когда Гил присоединился к нему, тот шагнул вперед и исчез. Только послышалось шуршание — как будто одежда и кожа терлись о песок.

Гил подошел к краю обрыва, за которым ровный пол резко уходил вниз; отсюда видно было всего на несколько дюймов. Походило это место на длинный песчаный склон, который можно преодолеть только съехав, как на санках. Если попробовать сбежать вниз по такому крутому откосу, наверняка полетишь вниз головой, как только опора под ногами станет потверже...

Он задержал дыхание, оттолкнулся от края и заскользил вниз по пятисотфутовому откосу из мелкой рассыпчатой земли. Успел только порадоваться, что на нем трико, закрывающее почти все тело, и мимолетно удивился, как Силач выдерживает эту терку, даже не вскрикнув.

Силач ждал его внизу — схватил за плечо и с чувством стиснул. Потом повернулся и повел по какому-то мусору туда, где в темноте горели два глаза-светлячка, горели и даже давали немного света. В отражении этого тусклого свечения Гил разглядел человека, свисающего вверх ногами с балки наверху — пальцами ног он цеплялся за какую-то неразличимую в темноте опору. Гил и Силач остановились на бетонном выступе, едва заметном в идущем от глаз свете, и сели лицом к этому кошмарному существу.

Висящий человек хлопнул кожистыми крыльями, завернулся в них и оглядел мужчину и юношу, пройдясь по ним зеленым светом от своих

глаз-фонарей. Была в нем какая-то надменность, сморщенное уродливое лицо выражало легкое презрение.

— Вот этот? — проскрипел он.

— Да, — ответил Силач.

В его голосе слышалась гордость, и он сознательно подчеркивал ее, чтобы показать этой говорящей летучей мыши, человеку-нетопырю, что считает Гила образцом того, каким должен быть сын.

— А ты уверен? — спросил человек-нетопырь.

— Совершенно. Это мой сын.

— Они ведь могли вызнать и подсунуть тебе подменыша, шпиона.

— Что ж я, сына своего не узнаю?

Человек-нетопырь поерзal, перехватываясь поудобнее, когтистые пальцы ног скрипнули по ржавому металлу балки.

Гил кашлянул, чтобы напомнить о себе. «Интересно, — подумал он, — скоро они перестанут говорить обо мне как о неодушевленном предмете? В конце концов, в этой истории все на мне завязано».

— Ох, — сказал Силач. — Гидеон, это Красный Нетопырь.

— Приветствую, Красный Нетопырь, — с церемонной вежливостью произнес Гил.

— Диковина, да? — Висящий вверх ногами полчеловек медленно опустил мохнатые веки на свои сверкающие глаза. Чмокнул тонкими губами, громко вздохнул. — По каким-то причинам у меня красная кожа и красный мех. Для некоторых нетопырей это не имеет значения, потому что многие из нас мутировали до такой степени,

что видят только черно-белое изображение или ориентируются по локаторным сигналам. Но у меня есть и локатор, и человеческое зрение, а потому я вижу, что красный и не такой, как другие. И знаю.

— Знаете — что? — спросил Гил.

Человек-нетопырь продемонстрировал клыки величиной с большой палец. В потоке света из его глаз они тоже были зелеными, хотя более светлого оттенка.

— Я предназначен для того, чтобы возглавлять! Вот что я знаю совершенно точно.

— Возглавлять — кого?

— Людей-нетопырей! — воскликнул Красный Нетопырь, задрожав от негодования, и глаза у него раскрылись еще шире, чем прежде.

Силач ушипнул сына за руку толстыми пальцами, желая предупредить его. Гил решил, что одного такого предостережения с него хватит. Перед глазами у него стояла четкая, как на моментальном снимке, картина: огромные клыки, погружающиеся в вену до самых десен, раздирающие плоть, пузырящуюся пеной, багровую...

— Красный Нетопырь, — заговорил Силач, отвлекая внимание мутанта от Гила (юноша с облегчением увидел, что горящий зеленый взгляд монстра ушел в сторону), — мы пришли встретиться с вашим Советом. До Дня осталась всего неделя.

— Так скоро?

— Парень уже сказал мне, что то, чего я хочу, можно сделать довольно легко.

«Верно, — подумал Гил, — но я не сказал, что сделаю это».

— Его ни в чем не заподозрят, — продолжал Силач. — Он может свободно пройти куда захочет... почти. А куда не может, так те места для наших планов не имеют значения. Так что мы вполне можем начать координацию действий.

Человек-нетопырь какое-то время молчал — думал. Гил попытался представить себе, как может работать такой мозг, каков ход его мысли, какие в нем гнездятся предубеждения, какие воспоминания. Для него это было чуть-чуть слишком. Он еще мог как-то воспринимать популяров на физическом уровне, но сделать следующий шаг и перейти к типичным для них схемам мыслительных процессов ему не удавалось и вряд ли когда удастся.

— Ладно, — буркнул наконец Красный Нетопырь.

Он отпустил когти и шлепнулся на пол, успев перевернуться вниз ногами, пока падал. Повернулся спиной и направился дальше в темноту развалин, то перелетая, то пробираясь пешком по узким проходам, стены которых состояли из обломков бетона, осколков стекла, скрученной проволоки и — удивительно! — целых керамических плиток.

— Отец, — сказал Гил, и от этого слова на языке вдруг возникло неприятное, горькое ощущение, как будто в рот влетело толстое мохнатое насекомое, — а почему ты не использовал Нетопыря вместо Прыгуна, чтобы выкрасть настоящего Гильома из «Первого Аккорда»?

Силач взобрался на бугор из камня, пластика и металла, помог Гилу подняться следом.

— До верха «Первого Аккорда» — две с половиной тысячи футов. Да, люди-нетопыри умеют

летать, но они все-таки люди. Строение их костей не вполне приспособлено для полета. У настоящих летучих мышей кости внутри почти пустые, но людям-нетопырям приходится ходить по земле и выдерживать свой вес, так что полые кости им не годятся. Поэтому они могут подниматься всего футов на двести. И даже если бы они поднялись на здание «Первого Аккорда» до такой высоты, дальше им пришлось бы карабкаться обычным способом, а у них для этого недостаточно развиты мускулы.

Стало темнее.

И холоднее.

Они вышли к очередному спуску, который можно было преодолеть, только съехав на спине. Красному Нетопырю повезло — потолок здесь оказался довольно высок, и он просто слетел вниз. Силач съехал первым. Гил осмотрел видимую часть откоса, послушал, как спускается отец. Да, это не песок. Слышно было, как перекатываются какие-то тяжелые куски. Но и для спуска на ногах тут слишком круто. Он собрался, оттолкнулся...

По камням на спине, как на санках. Камни это перенесли легче, чем спина. Гил ободрал кончик мизинца о какую-то глыбу, поморщился от боли. Потом он долго скользил по длинной полосе камней, дрыгая ногами и ругаясь, — поднявшаяся пыль забила глаза и не давала дышать. Докатился до дна, полежал несколько секунд, а потом поднялся на ноги, не дожидаясь, пока Силач прибежит считать на нем раны (тот все трясся, как бы не получило повреждений его божественное орудие).

— Ты уверен, что он справится? — спросил Красный Нетопырь, размахивая крыльями в полумраке. Подсвеченное глазами лицо скривилось в комической гримасе.

Но Гил припомнил, как выглядело это же лицо с оскаленными клыками, и мгновенно перестал видеть в нем хоть что-то смешное.

— Гидеон может сделать все, что нужно, — сказал Силач. — Но мы должны помнить, что его вырастили музыканты. Он не подготовлен к той жизни, какую ведем мы.

Гил подумал, как эти двое повели бы себя на арене. Наверное, пали бы перед драконом, раздавленные звуковым чудовищем, а если не пали, то их увезли бы к печам под ареной. И все-таки в словах Силача была правда. Он действительно здесь не в своей стихии. Последнее время ему кажется, что он всегда был и будет не в своей стихии...

— Но все же... — попытался возразить Красный Нетопырь.

— Да ты бы в его мире, в городе-государстве, просто не выжил! Ты не смог бы выучить их правила звуков и умер на арене.

Красный Нетопырь некоторое время сердито хмурился, потом пожал плечами.

— Может, и так, — неохотно согласился он. — Пошли дальше.

Бесконечные туннели скручивались и раскручивались, поднимались и спускались, то в пыльном полумраке среди куч мусора, то вдруг в абсолютной смоляной черноте, которая, казалось, залепляла глаза. Мусор местами заваливал проходы почти полностью, им приходилось прорыски-

ваться боком, прижимаясь спиной к грубой каменной стене. Кое-где пол поднимался все выше, почти до самого потолка, и они проползали в оставшуюся щель на животе. Нетопырю, похоже, было легче, чем им, его тощее жилистое тело обладало способностью при необходимости сжиматься до поразительной компактности.

Гил решил, что наверняка есть и другая дорога, а эту они выбрали, чтобы показать ему, сколь трудна их жизнь. Из-за этого подозрения он сцепил зубы и не позволял себе ни застонать, ни пожаловаться, а принимал все муки с достойным стоицизмом, хотя время от времени с губ его против воли срывалось ворчание.

В конце концов они остановились в одном из самых темных мест. Это была очередная подземная комната. Стены широко расступались в стороны, до потолка — футов десять — одиннадцать. Гил ощущал присутствие других существ, слышал тончайшие звуки неровного дыхания.

— Он привел парня, Гидеона, — объявил Красный Нетопырь.

В сыром помещении раздалось шуршание, эхом отдалось от стен. Возник ряд из четырех светящихся глаз, тут его прямолинейность нарушили еще четыре — это люди-нетопыри поворачивались на своих жердочках, чтобы посмотреть на Гила.

— Мне его вид не нравится, — проныл визгливый голос — словно провели наждаком по стеклу.

— Само собой, — прошипел Красный Нетопырь и недовольно захлопал крыльями. — Конечно, не нравится — у него же вид, как у музыканта.

— Красный прав, — отозвался кто-то еще из четверых.

У этого голос был такой ласковый и добрый, что Гил сразу же вспомнил мягкого и заботливого Франца, который учил его играть на гитаре. Не зная, как зовут этого нетопыря, но все-таки чувствуя, что может думать об этом существе, как о личности, он про себя назвал его Францем, как старого учителя.

Франц прочистил горло, издавая сухие скрипящие звуки.

— Нельзя, чтобы на нас влияли предубеждения. Если мы им поддадимся, то рискуем потерять единственный шанс, который у нас есть.

— Хорошо сказано, — отозвался Красный Нетопырь. — Мне-то он тоже не нравится...

Он повернулся и уставился на Гила. На миг появились клыки, выгнувшиеся над нижней губой, потом снова спрятались в вонючей дырке рта.

— Не нравится! Но он — наша самая лучшая возможность.

Рука Силача снова лежала на плече Гила и давила довольно чувствительно и больно, напоминая, что надо молчать и терпеть. Но Гил не нуждался в напоминаниях.

Нетопырь, который первым высказал свою неприязнь, развернулся на месте, скрежеща когтями по металлу, и, все так же вниз головой, повис лицом в другую сторону. Теперь перед Гилом было только шесть глаз.

— Расскажи, что ты хочешь поручить нам, — обратился Франц к Силачу.

— Гидеон как ни в чем не бывало вернется к музыкантам и будет притворяться еще неделю. Ему не нужно столько времени, чтобы сыграть свою роль, время нужно нам, чтобы подготовить

свои силы ко Дню. Потом, ровно через неделю, считая от этого вечера, он устроит так, что генераторы, поддерживающие звуковую конфигурацию Башен, окажутся разрушены.

Все, за исключением Башни Конгресса. Мы сохраним это строение целым, чтобы начать свое правление именно оттуда — если хотите, сохраним как символ нашей власти. Другие здания исчезнут. Когда начнется разрушение, мы нападем и уничтожим всех музыкантов, которых найдем живыми на открытом месте. Ваша задача — нападать с воздуха. Как мне представляется, такая атака будет особенно действенна, потому что захватит их врасплох.

— У них будут звуковые ружья, — напомнил какой-то человек-нетопырь.

— Мы не можем дожидаться идеальных условий, — возразил Силач. — В любом случае нам не обойтись без потерь. Позволю себе напомнить, мы уже сто раз об этом говорили и решили, что потери будут оправданы, если появится шанс на успех. А теперь такой шанс у нас есть.

— Хм-м-м-м! — высказал свое сомнение нетопырь, который висел спиной к ним.

Остальные его игнорировали.

— А свистки? — спросил Франц. — Звукоусыпители?

— Свистки на вас не подействуют, — сказал Гил, — если расстояние будет больше пятнадцати ярдов. Вы сможете улететь быстрее, чем они успеют воспользоваться ими.

Гил не стал бы раскрывать рот, но пришла пора показать, что он живой человек, а не орудие, которое в любой момент можно взять с полки или

положить обратно. И вообще он пока не пообещал хоть что-нибудь сделать. Он пока ни в чем не был убежден. И чем дольше находился среди этих людей, чем лучше узнавал своего отца, Силача, тем меньше ему хотелось...

Три пары глаз повернулись к нему, разглядывали его какое-то время, потом снова обратились к Красному Нетопырю. В этих глазах просто невозможно было что-либо прочитать, невозможно понять, что они о нем думают — насколько далеко заходит их ненависть.

— Ну как, решено? — спросил Красный Нетопырь.

Три пары глаз моргнули.

— Скольких вы можете выставить? — нетерпеливо спросил Силач. В его голосе звучало острое возбуждение, дыхание участлилось — то и дело слышались сиплые вдохи.

— Против Вивальди — четыре тысячи, — ответил Красный Нетопырь. — Потом, если будет решено выступить против других городов-государств, нам придется рассчитывать на то, что останется от наших сил.

— Четырех тысяч достаточно, — сказал Силач. — А с Гидеоном и тем количеством звуковых ружей и акустических ножей, которое удастся захватить, и подавно.

Гил слушал планы сражения вполуха, основная часть его сознания тем временем обратилась к главной проблеме. Особенно откладывать некуда, выбор надо сделать быстро. Либо он решит защищать общество музыкантов единственно из нежелания участвовать в бунте против него, либо ему придется возглавить этот бунт, выступить вместе с

мятежниками из руин и понести их ненависть через сады неоновых камней прямо в коридоры Башни Конгресса...

Вдруг Гилу почудилось за спиной какое-то движение. Юноша оглянулся, но не увидел ничего, кроме темноты. Снова повернувшись к Красному Нетопырю и остальным, он попытался возвратиться к своим размышлениям. И в этот миг он ощутил у себя на затылке горячее дыхание и услышал скрежет когтей, чиркающих по камню...

Позже он все пытался сообразить, что уловил раньше: влажное дыхание или скрежет когтей. Логично было считать, что чиркающий звук должен был появиться раньше, чем дыхание, и вполне возможно, что так оно и было. Но в те микросекунды, когда его животное чутье уловило угрозу, сигналы органов чувств обрушились на кору головного мозга столь стремительно, что у него не было времени рассортировать их и установить последовательность.

С визгом, криком, грохотом и хлопаньем крыльев обрушилась на него сама тьма, прорезанная зелеными дисками, проглотила его, выплюнула обратно, принялась катать между толстыми губами...

Какое-то мгновение он думал, что уже задушен. Нечто неведомое окутало его голову и забило нос, отрезав от холодного воздуха пещеры. Он судорожно пытался освободиться, чувствуя, как начинают гореть мягкие ткани горла, как вздувается грудь и стонут от боли легкие. Замахав руками, попал во что-то. Ударил еще раз, слабо, и только потом подумал, что надо пощупать и найти причину этого кошмара. Нервные окончания

в пальцах передали сообщение туманящемуся мозгу: его голову охватило кожистое крыло.

Гил ударил снова, на этот раз резко и сильно, и сумел высвободить лицо на миг — на краткое мгновение, достаточное лишь, чтобы резко выдохнуть и глотнуть немного свежего воздуха. Но тут крыло вернулось на место, стиснуло еще плотнее, маленькая рука на его конце вцепилась в край плаща. Гил ударил еще два раза и только потом понял, что бессмысленно вслепую махать руками, точно ветряная мельница. Его кулаки отскакивают от упругой, как резина, перепонки крыла, не причиняя никакого вреда и даже, наверное, чертовски мало боли.

А легкие снова надрывались, бились и расплескивались о стенки грудной клетки, будто решили любым способом добыть себе воздух. Изменив тактику, Гил впился зубами в крыло, закрывавшее ему лицо, отгрыз кусок мембранны — вкусом она напомнила испорченный сыр, — выплюнул, но нужного результата таки добился. Человек-нетопырь завизжал, задергался и выпустил его.

— Мальчик! Мальчик! — кричал Силач.

Но Гил знал, что он имеет в виду на самом деле: план, план!

— Зловредный! — заорал Красный Нетопырь. Его пронзительный голос с оскальзыванием и шипением отразился от стен. — Пусти его, Зловредный!

«Зловредный», — подумал Гил. Да уж, имя — в самую точку. Он сообразил, что это, видимо, тот нетопырь, который раньше отвернулся от него. Да, пока остальные занимались разговорами, он времени даром не терял. Повернулся ко всем спиной,

тихонько спрыгнул со своей жердочки, пробрался украдкой вдоль стен и зашел сзади. Нет, пожалуй, Зловредный — не самое подходящее ему имя, решил Гил. Коварный было бы точнее.

Грудь ему раздирали когти — грубые, горячие иголки. На одном уровне ощущения он чувствовал отдельные ниточки боли, на другом — вырывающуюся через них тонкими струйками кровь. Когти впивались глубже, злобно выворачиваясь. Зловредный издал свирепый клич, воодушевляя себя самым отвратительным набором диссонирующих звуков, какой приходилось слышать Гилу.

Он ударили кулаком снизу вверх, влепил прямо под зеленые глаза. Удар пришелся как надо: голова Зловредного резко откинулась назад и в сторону. Когти вырвались из тела, выдрав клочки кожи и мяса, кровь потекла сильнее. Гил подумал, что сломал нетопырю шею, и на смену панике пришло облегчение.

Но тут Зловредный, пронзительно закричав, упал Гилу на спину и впился когтями в плечи, оседлав его, как укротитель — необъезженного коня.

Гил завертелся, надеясь схватиться за кончик крыла или за лапу — за что угодно, лишь бы сорвать с себя диковинную тварь, причинить ей боль и освободиться. Но человек-нетопырь был от природы более ловким бойцом, он умело уклонялся от рук юноши, позволяя пальцам Гила лишь скользить по его телу, но не уступая ни дюйма.

Наконец Гил остановился, сообразив, что так только выбьется из сил и тогда Зловредный прикончит его. Когти и клыки впоятся в тело и раздерут на клочки. Быстро перебрав в мыслях все

возможные способы, он отыскал один-единственный разумный путь: повалился на спину, сокрушая своим весом тонкую грудную клетку нетопыря. Но Зловредный не сдавался. Он шипел и брызгалася слюной в слепой ненависти, все глубже впивалася в плечо юноши, безуспешно пытаясь добраться до его шеи.

Голова Гила шла кругом, ее словно накачивали изнутри, мысли скользили, буксовали, неслись галопом на одном месте. Боль пронизывала грудь, как электрический ток, плечи, казалось, вот-вот скуют паралич. Он с трудом преодолел безумное желание вскочить на ноги и удрать. Некуда здесь удрать — точно так же, как некуда было спрятаться на арене в День Вступления в Возраст — это только поможет нетопырю снова грызть его и рвать когтями. Вместо этого он еще сильнее откинулся назад и принялся кататься с боку на бок, прислушиваясь, как хрустят хрящи и тонкие кости.

В горле Зловредного забурлила кровь. Он вырвал когти из плеча юноши и еще раз попытался добраться до его шеи. Он знал: там пульсирует главная жила кровотока, но промахнулся и только оцарапал кожу. Теперь его побеждали боль и слабость. Дыхание нетопыря было отвратительным, в нем смешалась вонь гниющих между зубами кусочков мяса и смрад его собственной крови.

Гил еще долго катался по полу, прежде чем понял, что человек-нетопырь мертв. Грудь твари вдавилась внутрь, поломанные ребра проткнули сердце и другие органы, жизнь вытекла из тела в пузыряющихся потоках крови.

Юноша устало поднялся — одежда его пропиталась кровью, пыль налипла на нее грязной коркой; несмотря на железную решимость сдержаться, из горла вырывались тихие бессильные всхлипывания — он стоял, сипло втягивая в себя воздух. В боках и плечах, разодранных когтями, пульсировала горячая боль.

— Все равно мне пришлось бы убить его, — проворчал Красный Нетопырь. — Я приказал ему прекратить, а он не подчинился. Такого терпеть я не могу.

— Но, — прохрипел Гил, — я сразился с ним... вместо тебя. И теперь, Красный Нетопырь... ты мой должник... Настанет день, когда я пожелаю... чтобы ты вернул мне свой долг.

— Это благородно и почетно, — сказал Красный Нетопырь. — Отлично. А теперь вам обоим лучше уйти. Мы должны готовиться, чтобы собрать и организовать наши силы ко Дню.

Рука Силача обняла Гила, он повернулся и полез по каменистому откосу вверх, обратно к той пещере, где они встретились с Красным Нетопырем. На этот раз юноша не в силах был отказаться от помощи отца, как ни хотел, как ни противно ему было выглядеть слабаком перед этим человеком.

— Ты же весь израненный, — напомнил Силач.

— Ничего, заживет.

— Мы отведем тебя к роботу-доктору этой зоны, прежде чем продолжать подготовку. Приведем тебя в порядок, одежду выстираем.

— Ладно, — неохотно согласился Гил. — Если ты настаиваешь.

Он наконец преодолел откос и выбрался на верх.

— Может, потребуется повязка-другая... — И повалился вперед на камни, в самую черную тьму...

А когда-то...

Операционный стол выехал из проема робота-доктора и вынес на себе Незабудку.

Силач знал, что время уже пришло, и голова его была полна цитат из Семи Книг, которыми он пытался поддержать свою Мечту и дать ей плоть. Тело его буквально трепетало от благочестивой радости. Но его Мечта была видением последнего суда, воздаяния и справедливости, и разум его был полон такими словами: «И тогда пусть хромой поскакет, как олень, и язык глухонемого запоет, ибо в диких местах вскроются воды и ручьи побегут в пустыне. И иссохшая земля станет прудом, и в жаждущей стране забывают ключи; и в обиталищах драконов, где каждый гибнет, да будет трава с тростником и кустарником». Он — отец пророка. А пророк станет Спасителем.

В брюхе компьютерного врача открылся второй проем, и оттуда с мягким гудением выкатилась колыбель с младенцем.

— Это правда! — воскликнул Силач, увидев дитя, но голос его прозвучал не криком, а почтительным шепотом.

— Доктор не лжет, — сказала Воробьиха. — Это великое существо, которое...

— Да-да, — остановил ее Дракон. — А теперь дай ему ребенка.

Она протянула младенца Силачу. Он думал: «Не напрасно рожден ты в муках, не на горе произведен на свет, ибо ты есть семя благословенного Господом».

...СЕМЯ БЛАГОСЛОВЕННОГО ГОСПОДОМ...

— И какое у него будет имя? — спросил Дракон. — Мы же не можем ждать, чтобы увидеть, каким он станет, когда вырастет. Некогда нам дожидаться, пока сможем дать ему имя по его особенностям.

— Гидеон, — сказал Силач.

— А это что значит? — спросил Дракон, поправляя покрывало на Незабудке, которая еще спала.

— В этом томе, — Силач показал на одну из Семи Книг Всеобщей Церкви, — сказано, что Гидеон был великим пророком в трех отдельных религиях, предшествовавших Всеобщей Церкви, и высоко чтимым после слияния.

— Пророк... — протянул Дракон. — Но имя смешное.

Он разразился было хриплым скрежещущим смехом, но словно поперхнулся, увидев лицо Силача. Ему показалось, что в лице этом светится безумие...

Глава 7

Гил, запеленатый, как мумия, в стерильные повязки, нанесенные набрызгиванием, одетый в чистую и высушеннную одежду, еще сохраняющую запах неведомой моющей жидкости, брел по ко-

ридору вслед за Силачом. Раны его болели не очень сильно, потому что какой-то диковинный медицинский компьютер, оставшийся с довоенных времен, полечил их и обработал болеутоляющими средствами. Этот робот-доктор сказал, что в четырех местах пришлось наложить швы, но они самоудаляющиеся и рассосутся через пять дней, когда раны полностью заживут. Он даже гарантировал, что не останется шрамов. Но сейчас, несмотря на раны, надо было продолжать подготовку ко Дню.

— А кто такой этот Цыганский Глаз, к которому мы идем? — поинтересовался Гил, вприпрыжку догоняя Силача, который шел довольно быстрым шагом — ноги у него были и длиннее, и мощнее.

— Подожди — увидишь.

— Мне уже тошно это слышать, что ни спрошу — подожди, увидишь!

Силач, не сбавляя шага, бросил на него озадаченный взгляд, потом неуверенно улыбнулся. Ему нужна была послушная марионетка, а не личность, склонная к бурным проявлениям индивидуальности. Тон сына его сперва немного смущил, потом разозлил, но он сумел унять закипающий гнев, который уже искал себе выход, — в самом деле, никакой дисциплины...

— Да просто дело в том, что очень трудно объяснить, кто такой Цыганский Глаз, пока ты сам его не увидишь. Он тебе объяснит лучше, чем я. Вот увидишь...

Он тут же прикусил язык, но поздно — сказанного не воротишь.

Однако Гил предпочел не цепляться за слова.

Они шли дальше.

Какое-то время их окружали не тронутые разрушением коридоры, совершенно целые и такие аккуратные, что казались нереальными посреди полного разгрома, который они видели в других местах. Старые помещения здесь были переделаны в жилища для популяров, и жители поддерживали это место в порядке. Верхние светильники, похоже, успешно заменяли собой солнечный свет, побуждая к росту змеистые лозы и бледные цветы, высаженные в тщательно обработанной и прополотой земле, которая заполняла длинные желоба вдоль обеих стен, — желоба эти прерывались лишь возле дверей в разные помещения.

Потом пол коридора пандусом пошел вверх, оставив позади общие жилые зоны, желоба и цветы, и превратился в плавную дугу. Они как будто шагали по внешнему ободу колеса, а жилые кварталы были спицами. Здесь тоже отсутствовали грязь и мусор, хотя стены стояли голыми, без всяких украшений, и были выкрашены в монотонный белый цвет, из-за которого глаза цеплялись за любое пятнышко, как за облегчение. Наверху пандуса Силач, приложив к замку ладонь, открыл дверь и шагнул в десятигранную комнату, одна стена которой была стеклянная, а на потолке плясал яркий зелено-голубой океан.

Гил ощущал, как у него сам собой раскрылся рот — вековая реакция на любое величественное зрелище, внушающее благоговейные чувства. Он стоял посреди комнаты и таращился на море. Оно было прекраснее всего, что ему довелось видеть в мире музыкантов. Собственно говоря, музыканты вообще крайне редко пытались создавать подоб-

ную красоту. Для них прекрасное означало прежде всего звук, а не форму и цвет. Цвета их зданий, одежды и предметов обихода были случайны и практически не связаны со звуковыми рисунками, образующими эти предметы. Но то, что он видел сейчас, намного превосходило по красоте все их звуковые конфигурации.

У него над головой танцевало зелено-голубое море.

— «И сказал Господь: разве волны моря не показывают лицо Бога?»

Силач самодовольно улыбнулся. Цитата так легко сошла с его уст, что Гил сразу понял: эта фраза не будит в нем никаких эмоций, он даже не может оценить ее поэтическое звучание. Слишком уж привычно и уродливо соскальзывали с его языка стихи Писания — точно стерильные продукты автоматического завода в полированный бункер.

Гил подошел к стеклянной стене и с удивлением уставился на открывшееся за ней зрелище. Он ожидал увидеть воду и морское дно, так как думал, что они находятся ниже уровня океана. Но они, оказывается, находились над морем! Эта прозрачная стена пузырем выдавалась над обрывом громадного утеса, на добрую сотню футов нависая над морем. Юноша посмотрел вниз — и у него голова закружилась, когда он увидел, что окно вплавлено в пол, а он стоит на толстом стекле, кроме которого ничто не отделяет его от воды (по крайней мере, ничего видимого).

Он висел над водой.

Океан перед ним простирался в бесконечность, скрываясь в сером движущемся тумане, который иногда заслонял воду. Время от времени в верхних

слоях тумана вспыхивали молнии, отражением пульсирующие на воде. Гил, который видел это величие в первый раз, удивился, почему музыканты не построили Вивальди здесь, всего в миле или двух от того места, где стоит город сейчас. Ведь тогда у них было бы море и туманы...

Но тут пришла смутная догадка, что море может как-то ассоциироваться со Смертью. Оно вечное. Оно производит жизнь и провозглашает ее. Оно безгранично во времени и останется таким даже после того, как навеки исчезнут музыканты. Может, причина заключалась именно в этом? Хотя музыканты были странно увлечены Смертью, они не хотели день за днем видеть перед собой напоминание, что Смерть вечна, что это не просто эфемерная преходящая сущность, как они сами...

Он посмотрел вниз, туда, где не было ни тумана, ни молний.

Внизу море яростно билось о скалы, похожие на неровные коричневые зубы. Оно взметалось на десятки футов вверх, пенясь на стене утеса, но не могло достать до окна. Он слышал слабые отголоски драконьего рева, просачивающиеся через толстое стекло. Из отдаленного облака вывалилась чайка, пронеслась над морем, скользнула к утесу и исчезла в темной дыре выше линии пены, прямо под окном.

Гил повернулся и снова поднял глаза к потолку. С виду казалось, что эта стеклянная плита держит на себе невыносимую тяжесть океана, но ведь океан был внизу...

— Как это сделано? — спросил он.

Любопытство не позволило ему удержаться от вопроса, но он уже не особенно волновался, что

его невежество снова даст Силачу повод для самодовольства.

Но ответил ему не Силач. Заговорил другой голос, низкий и гладкий, как вылизанный водой известняк:

— Это зеркала. Они отражают картину, которую видит труба, глядящая на морское дно у подножия этого обрыва. Труба передает отражение к зеркалу и отбрасывает его на потолок через проектор, установленный в голове статуи Нептуна.

Гил повернулся, пытаясь среди зеленоватых и голубоватых теней найти того, кто произнес эти слова. Наконец разглядел человека, худого и смуглого, в дальнем углу, рядом с сосудом для рыб, где в хрустальной воде проносились среди водорослей желтые стрелки. С чрезмерно крупной головы падал каскад седых волос — каждая прядь казалась тонкой и завитой, но вся грива вместе выглядела густой и плотной, только иссякала над густыми седыми бровями и серыми глазами.

— Кто?.. — начал Гил, отходя от окна.

— Зеркала, зеркала, зеркала. О-о, они, были чертовски умны, эти довоенные земляне! Они умели переиначивать реальность по своей прихоти. И все же недостаточно умны, потому и остались от них только всякие мелочи вроде этой.

— Вот это называется Цыганский Глаз?

Силач, который неподвижно стоял у дверей, кивнул.

Рыбы плавали по-прежнему беззаботно.

Снаружи туман свивался в призрачные фигуры, которые растворялись в страстных объятиях.

— Зеркала — удивительная вещь, — продолжал седой, не замечая вопросов Гила или просто не

считая нужным отвечать на них. — Они показывают тебе то, чего ты не можешь узнать иначе. Откуда бы ты узнал, как выглядит твое лицо, не будь зеркал? А? Могли бы мы иметь представление, как выглядим, если бы не зеркала? Возможно, люди, пока у них не появились зеркала, считали, что похожи на насекомых или свирепых зверей. Да нет, думаю, не считали. Они ведь видели друг друга и потому имели какое-то представление о собственном облике. Но о себе самом? Ну да, у них было общее представление о своих лицах, но как насчет собственного лица каждого отдельного человека? А? Как могли они узнать себя? Как могли быть уверены, что не отличаются от других? Никак не могли. Всю свою жалкую жизнь они не знали это-го точно. Но с зеркалами...

— Если ты — Цыганский Глаз... — начал Гил, но безуспешно.

Старый популяр встал и медленно пошел среди цветных теней к окну.

— И все же у зеркал есть свои недостатки. Мы не можем с их помощью заглянуть в будущее. Мы можем глядеть в прошлое или в *сейчас*, но не в будущее. Поверните их вперед, желая посмотреть, что там, — и вы вообще их не увидите. Так что настоящей ценности они не представляют, все эти зеркала...

А потом с внезапной яростью он промчался мимо Гила к выступающему балкону и всем телом бросился на толстое стекло. Ударился, отлетел, свалился на пол. В первое мгновение Гил чуть не рассмеялся. Это выглядело как дурацкий клоунский номер, какая-то привычная штучка, которая должна вызывать смех. Но потом он вспом-

нил, с какой силой мутант ударился в стекло, вспомнил оглушительный гул от этого удара. Наверняка ему было больно. Однако Цыганский Глаз поднялся и снова, как бабочка бьется о лампу, бросился на окно. Опять отлетел и упал. И все же вновь поднялся.

Гулкий удар тела о несокрушимый щит заполнил комнату. Гил повернулся к Силачу, но тот, хоть был явно озабочен, ничего не сделал, чтобы остановить эти покушения на самоубийство. Все это он уже видел прежде. Может быть, много раз.

— Останови его! — закричал Гил.

Силач не шелохнулся.

«Потому что, — подумал Гил, — стекло выдергит, а все это — просто какой-то безумный ритуал, который мы должны наблюдать, а он — выполнить».

В сосуде колыхалась вода. Рыбки плавали. Снаружи волны с ревом разбивались о камень.

После нескольких ударов Цыганский Глаз остался лежать на стеклянном выступе, глядя через прозрачный пол на камни и воду. Он плакал; слезы катились по стеклу, переливаясь зелено-голубым цветом... Зелено-голубым...

— Я просил тебя не делать так, — сказал Силач, поднимая старика за руки и помогая ему вернуться в кресло возле аквариума. — Хотя бы до Дня. Это всего одна неделя. Ты нам очень нужен, Цыганский Глаз.

Старый популяр выпрямился в кресле, пытаясь вернуть себе достоинство. Теперь он казался не таким печальным.

— Как выглядят дела? — спросил Силач.

— Сию минуту я вижу семидесятивосьмипроцентную вероятность своей смерти, если буду участвовать вместе с тобой в революции в секторе музыкантов.

— Все обстоит так ужасно? — Силач на миг утратил самоконтроль, лицо его вытянулось, брови нахмурились.

— Для меня — даже того хуже, — ответил Цыганский Глаз. — Потому что с вероятностью девяносто восемь процентов я умру, если не пойду вместе с тобой.

Силач озадаченно уставился на него:

— Почему?

— Потому что без моей помощи ты потерпишь поражение. И тогда музыканты придут сюда и дадут нам урок, уничтожив половину наших. Включая меня. Семьдесят восемь и девяносто восемь процентов — это шансы на *мой* успех, не забывай. У революции шансы могут быть лучше.

Силач повернулся к Гилу, который стоял, тупо слушая этот диалог.

— Цыганский Глаз видит будущее, — объяснил он.

— Нет, — поправил его старик. — Я вижу *все возможные варианты будущего*. Бесчисленные варианты будущего. Тут есть разница. Я могу просмотреть большинство возможных вариантов будущего за семь — десять секунд и определить вероятность успеха или провала почти любого начинания. И не могу дать подробного описания чего-либо. Я — зеркало с трещиной. Даже нет, с сотнями трещин, а потому в маленьких неповрежденных кусочках ты можешь видеть лишь крохотные частички того, что хочешь увидеть.

Силач опустился в соседнее кресло, рукой указав Гилу на кушетку.

— Но Глаз воспринимает все слишком лично. Он заглядывает вперед чрезмерно далеко и не может удержаться, чтобы не поинтересоваться собственной судьбой. И каждый раз судьба оказывается чуть-чуть иной, потому что возможные будущие изменения зависят от нынешних изменений. Он постоянно терзает себя видениями собственной смерти, хотя до сих пор жив и вполне здоров. Я пытаюсь удержать его от копаний в личных дела, потому что это слишком страшно, он приходит в состояние... Как ты это называешь, Глаз?

— Суицидальное — самоубийственное...

— Вот-вот. Мы это только что видели собственными глазами. А теперь я прошу тебя дать обещание, что ты будешь определять только шансы успеха революции, а не своего собственного. — Он повернулся к Гилу. — Понимаешь, если я хочу узнатъ, даст ли результат тот или иной тактический ход, я спрашиваю у Глаза. А он называет мне проценты. Я либо действую дальше, как запланировал, либо меню тактику в соответствии с его видениями. Ему цены нет — до тех пор, пока он не застрянет на собственной судьбе.

— Ты зачем пришел? — спросил Цыганский Глаз, причем не сердито, а с любопытством.

Казалось, в этом человеке вообще нет места гневу, ибо размах виденных им картин будущего делал любой поступок, направленный против него, лишь сиюминутной мелочью, не стоящей раздражения.

— Это мой сын, Гидеон. Мы начинаем через неделю.

Серые глаза загорелись.

— Я бы на твоем месте был осторожен.

— Да уж, ты — точно, Глаз. Ровно через неделю. Так что не копайся в своих личных делах всего семь дней. А после этого можешь впадать в сущ... самоубийственное настроение сколько душе твоей угодно будет.

После этого Гил и Силач ушли, и дверь отрезала от них потолок-море. Они прошагали уже полпути по коридору к дугообразному участку среди развалин, а Гил мог бы поклясться, что до сих пор слышит гулкие удары тела о стекло, снова и снова, с тошнотворной регулярностью.

Свернули в менее пригодные для жизни коридоры, чтобы сократить обратный путь, к Незабудке и Тише, а Гил раздумывал о популярах, с которыми успел познакомиться за последние несколько часов. Цыганский Глаз с его раздутой головой и способностью предсказывать будущее. Красный Нетопырь — создание, которое когда-то было человеком. Смола — обсидиановая фигура без глаз... Незабудка и ее перепонки... Силач со своей невероятной мускулатурой...

По дороге они оказались в таком месте, где стена коридора была пробита насеквоздь. Гил задержался, сел на кучу крошащегося камня и долго смотрел наружу, на останки когда-то великой цивилизации, на замусоренный пляж в нескольких ярдах за развалинами, на тот же океан, который видел через окно в комнате Цыганского Глаза. Он высунул голову в брешь, посмотрел в сторону и нашел стеклянный пузырь этого окна — примерно в четверти мили вдоль берегового обрыва и футов на триста выше.

Силач увидел, что он задержался, и вернулся к нему.

— Что с тобой? Устал?

— Нет.

— А что же тогда?

— Запись у меня в голове... Там было сказано, что это музыканты сделали вас такими, какие вы есть. Там было сказано, что музыканты изуродовали тех, кто выжил после ядерной войны, превратили их в популяров.

— Так и есть.

— Но это ведь сделала радиация от бомб.

— Не похоже на то. Случайное облучение породило бы чудищ похуже любого из нас. Сильная радиация в случайной форме производила бы большей частью *нефункционалов* — полнейших уродцев, не способных поддерживать собственное существование. А причиной, которая вызвала наши мутации, которая вмешалась в наши гены, были звуковые волны.

— Но откуда вы это знаете? Уже ведь четыреста лет прошло после войны, после появления первых популяров.

— В давние времена, — заговорил Силач, и слова эти прозвучали как привычное вступление к рассказу, предваряющему проповедь, — сразу после войны, мы снова начали понемногу становиться на ноги. Ну не мы — люди тех времен. Потом появились музыканты. Ты знаешь, конечно, что музыканты, как и многие другие группы, которые колонизировали прочие миры в Галактике, были изгнанниками, отверженными. Они покинули Землю, получив приказание убраться по хорошему. И потому, возможно, возвращались они

с твердой решимостью доказать, что они чего-то стоят. Всемирный научный контроль запретил их исследования, назвал их нарушающими стабильность и опасными для жизни, какой ее тогда знали. И вот они возвратились с желанием доказать, что они — лучшие, но вовсе не для того, чтобы помочь отстроить планету, а чтобы захватить владычество над ней. Они развязали короткую войну против землян, которые были теперь по большей части безоружны. Все это зарегистрировано в записях. Мы их прячем в надежных укромных местах среди руин, чтобы они не попали музыкантам в руки: мы должны сохранить свою историю, даже если больше ничего у нас не останется.

— Даже если музыканты победили, — заметил Гил, — это никак не объясняет мутации.

— Музыканты, — продолжал Силач, — не стали уничтожать всех выживших землян. Они загнали их в развалины и бросили там психологически поверженными. Затем, в ближайшие несколько лет, стали появляться на свет первые популяры, младенцы со странными, нечеловеческими свойствами и чертами. По мере того как рождения таких детей продолжались (а все они были *функционалами* в той или иной степени), несколько ученых, сохранившихся после двух войн, прониклись убеждением, что мутации не случайны и вызваны вовсе не радиацией от бомб, слишком уж были тонкими, слишком... э-э... рациональными. Используя свои ограниченные ресурсы, эти ученые взялись исследовать ситуацию. Ничего не удалось доказать окончательно, но узнали вполне достаточно, чтобы им самим стало ясно. Музыканты излучали модулированные моле-

кулярные звуковые волны с особыми характеристиками, избирательно воздействующие на ДНК и РНК.

— Но зачем? — спросил Гил. — Зачем делать такое с другими людьми? Они и так уже победили. Им что, этого показалось мало?

— Может, это был заключительный шаг. Они вернулись доказать, что сумели выжить, а мы — нет. Дальше они продемонстрировали свое превосходство, победив нас и загнав в руины, которые мы сотворили своими руками. И наконец, у них имелись средства полностью вычеркнуть нас из списков живого. Мы были низведены, по их мнению, до существ низших, чем человек. И еще, мне иногда кажется, они открыли для себя в новых мутациях источник развлечения.

— Но есть ведь театры, — отметил Гил.

— Каждому, — возразил Силач назидательным тоном, — требуется иметь рядом кого-то, по отношению к кому он мог бы чувствовать себя вышестоящим, этакую группу, на которую он может смотреть сверху вниз. Музыканты в Вивальди придумали систему классов, которая это обеспечивает. Насколько я разобрался в вашем социальном устройстве, ваш Первый Класс может смотреть сверху вниз на ваш Второй Класс, ваш Второй Класс — на ваш Третий Класс, Третий Класс — на Четвертый Класс. Но где Четвертому Классу найти низших, на которых он мог бы смотреть свысока? Конечно, это популяры. Итак, оставляя в стороне месть, оставляя в стороне развлекательную ценность, оставляя в стороне просто садистскую жилку, которая процветает в обществе музыкантов, мы нужны им как последняя логическая ступень в их социальном порядке...

Они сидели какое-то время, глядя на пляж. Из воды выбрались несколько крабов и принялись бочком бегать по песку, выискивая что-то, им однин ведомое. Становилось темнее. И холоднее. Туман густел, пальцы его заползали даже в про-лом стены, где сидели Гил и Силач.

— Ну что, готов? — спросил Силач.

— Да, — ответил Гил, поднимаясь. — Пошли.

На обратном пути они, по молчаливому согла-сию, хранили молчание. Гил пытался решить, дей-ствительно ли он готов теперь, после того как знал все эти жуткие подробности, стать на сторо-ну популяров в приближающейся войне. Но пока уяснил лишь, что стоит на тонком канате между двумя сторонами и старается не упасть. Баланси-рует. Ну что ж, балансирувать он умеет неплохо. Не упадет ни на одну сторону, ни на другую. Он попытался пристыдить себя за свои колебания. Тяж-кие обвинения склоняют чашу весов против музы-кантов. Он должен быть уже в самой гуще борьбы популяров. И все-таки...

Все-таки ему нравился комфорт общества, в котором он вырос. Не так-то легко от него от-казаться. Если провалить эту попытку переворо-та, популяры, вероятно, никогда уже не смогут взбунтоваться снова. И он останется цел и невре-дим. Гил сознавал, что сейчас занимает не самую героическую позицию. Как ни посмотри, трусли-вая позиция, презренная и отталкивающая.

«Еще немного сочувствия к популярам, — ду-мал он, — и я возьму на себя роль их предводи-теля в революции. Если бы хоть случилось еще нечто такое, что пробудило бы во мне жалость к ним, чтобы я глубже ощутил их беды. Вот тогда

стал бы без колебаний их защитником и героем. Только не похоже, что действительно что-то такое произойдет и переубедит меня. Очень не похоже...»

А когда-то...

Силач затаился среди куч битого кирпича и ржавой стали, держа в руках своего новорожденного сына. Робот-доктор поместил в мозг младенца микроминиатюрную запись с химическим пускателем. Она включится через семнадцать лет после этого момента, после того как мальчик успешно — надо надеяться — пройдет испытания на мужчину в обществе музыкантов. Силач не сомневался, что мальчик получит Класс. В конце концов, его сын — пророк. А пророки почти всемогущи.

Был момент, когда Незабудка попыталась отговорить его от этого плана — сразу после того, как увидела дитя, вышедшее из ее чрева. Чтобы утешить ее, он отыскал в одной из Семи Книг нужную фразу и прочел вслух: «Почто же ты сотворила чудо? Породит дитя твое войну за Агнца, и Агнец поможет ему одолеть их, ибо есть он Владыка из Владык, Царь из Царей, и те, что с ним, призваны, и избраны, и верны. Таково счастье твое, такое призвана ты узреть, и пойдет ли оно тяжко или легко, должно тебе уверенно все снести».

ДОЛЖНО ТЕБЕ УВЕРЕННО ВСЕ СНЕСТИ...

Но почему-то он не думал, что Незабудка нашла в этих строках такое же утешение, какое нашел он.

И теперь, скорчившись среди обрушенных стен города, он следил за желтыми щитами музыкантов, поисковые партии которых пробирались через развалины, по ландшафту, словно явившемуся из ночного кошмара, обшаривали провалы в глубокой тени. От них то и дело отделялись небольшие отряды, проникали в туннели под сектором популяров. Наконец, когда враг оказался в опасной близости, Силач решил, что наступил по драматичности подходящий момент, — и тогда он вскочил и бросился удирать от музыкантов, держа ребенка под мышкой так, чтобы они его сразу же заметили.

Позади раздались крики.

Луч звукового ружья ударил в мраморную глыбу величиной с дом, которая лежала справа от него, градусов на сорок пять от направления, в котором он бежал. Мрамор разлетелся тысячами светлячков, жизнь которых длилась лишь мгновение, — и исчез.

Второй выстрел. Намного ближе. Честно говоря, слишком близко. Он остановился и положил ребенка на старый диван, которому винилластовая обивка не позволила сгинуть до конца, а потом повернулся в сторону и помчался так, как не бегал еще никогда в жизни.

Музыканты стреляли ему вслед.

Но вскоре погоня прекратилась. Они нашли младенца, и это их удовлетворило — хотя бы на время. Он не знал, придут ли они потом на землю общины популяров с репрессиями, или же просто усилят охрану собственных домов. Единственное, о чем он мог думать сейчас, нырнув в зев пещеры и наблюдая, как музыканты уносят

его ребенка, которого считают своим, было будущее, славное будущее. Он наделен божественной силой. Его сын — пророк. Кем же еще может он быть, если не пророком? Чем иначе объяснить рождение безукоризненно нормального ребенка от родителей-популяров? Воплотившимся в реальность статистическим законом, который так запутали и затемнили математики? Нет, это неверное направление мысли. Он молился, чтобы боги послали ему силу одолеть греховные думы. Он молился, чтобы они послали ему силы дожить до времени, когда придет революция, и осуществить ее в нужный день.

И еще он молился, чтобы боги послали ему терпение на ближайшие семнадцать лет.

Глава 8

Они вернулись в жилище Силача и сели ужинать, обмениваясь обычными, ничего не знающими фразами с женщинами и друг с другом. Главным блюдом на столе были небольшие сочные куски жареного мяса, вкусом не похожего ни на что, к чему привык Гил в городе, — более пряное и изысканное, что ли. О революции говорили очень мало, только вскользь. Можно было подумать, что они вообще никогда не помышляли о решительных политических действиях.

Но этот безмятежный час был прерван еще до того, как они добрались до последнего блюда — твердого бездрожжевого хлеба с каким-то особенно вкусным маслом. Как выпущенное в упор пушечное ядро, ударили в коридоре за

дверью тревожные крики, и ужин был немедленно забыт.

Силач мгновенно вскочил на ноги, снова поразив Гила гибкостью, которая таилась в этом огромном теле, кинулся к двери и открыл ее, подталкивая руками, словно не мог вынести ожидания даже в течение того недолгого времени, пока механизм задвинет ее в стену. В проем просунулась голова в коросте и шрамах, совершенно отвратительная; губы возбужденно шевелились, хотя как будто ни слова с них не слетало. Наконец хозяин головы сумел взять себя в руки.

— Прорыв! — выкрикнул он истерическим тоном. — Коридор «Ф»! Совсем недавно. Минуты четыре, может, пять или шесть.

— Оставайся здесь! — приказал Силач сыну.

— А что такое? Что там случилось?

— Не важно. Слишком опасно.

Но в Гиле такой не содержащий информации ответ только распалил любопытство.

— Я не женщина! — заявил он.

— Ты не должен пострадать! — возразил Силач. — Ты для нас слишком большая ценность.

В последнем утверждении не содержалось никаких сантиментов; высказано оно было холодно, резко, с деловой бесчувственностью — так бизнесмен говорил бы о своем имуществе. Точно таким же тоном Силач мог рассуждать о ценном рабочем животном или какой-то машине, которую теперь не сыскать. «А ведь именно это я для них и есть, — подумал Гил, — машина, орудие, ценное обученное животное, на котором зиждутся все мечты популяров, от которого зависит бессмертие Силача».

- Я сумею за себя постоять, — сказал Гил.
 — А Зловредного ты уже забыл?
 — Помню, — ответил Гил. — Но в той драке я победил.
 — Только он тебя здорово изжевал.
 — Но я победил!

Силач вздохнул. На споры времени не было. Гил это видел, хоть и не мог понять, чем вызвана такая суматоха.

Они вылетели из жилья и помчались бегом, три раза сворачивали в другие коридоры, пока наконец не добрались до места, где коридор «Ф» был перегорожен стальной сеткой, плотно пришитой к стенам железными скобами. И только добежав до сетки, они заметили, что вместе с ними примчалась Тиша. Она резко остановилась, длинные волосы взметнулись вокруг головы.

— Я не намерена сидеть и дожидаться, пока ты вернешься с новыми ранами! — заявила она.

— Тебе тут не место! — прорычал Силач. Глаза его метались — то к сетке, то к девушке, то снова к сетке.

— Он прав, Тиша, — сказал Гил.
 — Ну перестань! — произнесла ласково девушка. — Мы что, драться сейчас начнем, чтобы выяснить, место мне тут или не место?

Юноша ухмыльнулся:

— Ну уж нет!

Он отлично помнил ее на арене, когда она избавлялась от звуковых чудищ, что называется, одной левой.

Силач пожал плечами. Другие мутанты поглядывали на девушку с любопытством, ведь они в первый раз видели, как музыкант собирается

драться за них, а не против. Гил, в конце концов, не настоящий музыкант.

— Что тут случилось? — спросил Гил у Силача.

— Крысы, — коротко ответил тот.

— Крысы?!

Холод закипел вокруг него, как пар над сухим льдом.

— Они плодятся на самых нижних уровнях, в коридорах, которых не найдешь ни на каких картах. До войны и музыкантов здесь жили миллионы и миллионы людей, а мы занимаем лишь крохотную часть туннелей, пригодных для использования. Кроме того, многие мили туннелей обвалились и полностью или частично затоплены водой, так что соваться туда нежелательно, даже если бы мы захотели их использовать. Крысы там бегают беспрепятственно. Сколько их, мы не знаем, но представить себе можно и тысячи, и тысячи тысяч. Изредка — да нет, скорее регулярно — небольшие стаи прорываются в наш сектор.

— Зачем?

— За пищей, — пожал плечами Силач. — Там, внизу, не так уж много еды. Другие мутировавшие животные — вот и все. Но здесь, наверху, есть мы.

— А от чего мутировали животные?

— Радиация, оставшаяся с войны, а может, излучения музыкантов, или и то и другое, вместе взятое, подействовало на лягушек, ящериц, кошек, собак, змей, всяких насекомых, а особенно на червяков.

— Идут! — крикнул похожий на циклопа популяр.

Гил глянул через тонкую, но прочную стальную сетку. По другую ее сторону горели тысячи крас-

ных огоньков, вблизи эти искры превращались в глаза, а за ними просматривались пушистые серые тела, которые шуршали по полу и лезли друг через друга в первые ряды. Жуткая армия, более устрашающая, чем человек с самым страшным оружием!

— Держи!

Силач протянул Гилу маленький, с кисть руки размером, арбалет, заряжающийся обоймами стальных иголок, напоминающими пулеметные ленты.

— Обойма — на сорок выстрелов. И постараитесь, чтоб ни один не пропал даром. Хотя, когда на полпути стальная сетка, это скорее бессмысленная привычная фраза, а не приказ.

Крысиный писк становился все громче.

Тиша быстро, одну за другой, выпустила шесть иголок. Три запутались в сетке или отскочили на пол без всякой пользы, зато остальные три пролетели сквозь ячейки и уложили трех тварей. Такой успех объяснялся не потрясающей меткостью стрелка, а тем, что враг двигался сплошной стенной. Крыс оказалось так много, что можно было не сомневаться — стрелы найдут себе цель, если пройдут сквозь сетку.

— У тебя отлично пойдет! — подбодрил девушку Силач.

Но времени на разговоры не было.

Казалось, в коридоре столько стрел, что даже воздуху не пройти. Иголки летели сверкающими тучами, их непрерывно выкашивали самозарядные арбалеты. Сотнями валялись крысы, которые прыгали на сеть и пытались перегрызть тонкие проволочки, отодрать их и открыть проход к та-

ким аппетитным людям, которые стреляют в них. И к такой аппетитной девушке с гривой темных волос...

Поначалу грызуны останавливались, чтобы разорвать тушки своих же убитых собратьев, отодрать в кровавой ярости мясо от костей, утолить голод, пригнавший их сюда. Гил заметил одну крысу, которая держала в пасти внутренности убитой товарки; серая тварь повернулась и попыталась пробиться через волну наступающих соратников и убраться со своей добычей, но тут же свалилась под их когтями. Однако каннибализм не мог длиться вечно. Это нашествие толкал не голод, а какое-то иное, более глубокое побуждение, необъяснимый психологический порыв, как у леммингов, — он заставлял крыс дергать сеть, забыв обо всем остальном, даже о голоде, мучительные спазмы которого наверняка терзали их в эту минуту.

Можно было подумать, что они когда-то уже попробовали вкус человеческого мяса и теперь никакая другая пища не может их по-настоящему насытить.

Стрелы впивались в серый мех.

Брызгали струйки крови, заливали сеть, красная пленка затягивала ячейки.

Гил видел, как одна выпущенная им иголка проткнула крысиный глаз. Его жертва еще некоторое время продолжала взбираться на сетку, оставаясь, казалось, совершенно безразличной к смертельной ране. Тело ее получило приказ лезть вперед несмотря ни на что и все еще выполняло исходную команду, хотя способность к действию стремительно убывала. Наконец, после долгих и

нелёгких попыток взобраться по сетке на самый верх, где, должно быть, она надеялась найти какую-то брешь, эта тварь завертелась колесом, будто пьяная, и свалилась на кишащие внизу орды.

Стрелы, стрелы, обойма за обоймой...

Кровь журчала под сеткой, текла ручейками к людям под ноги, собираясь в лужи и озерца за их спиной.

Гил, выпуская стрелу за стрелой, думал об арене. О, музыкантам бы эта мясорубка понравилась! Там, на арене, такого ужаса и в помине не было. Он вдруг сообразил, что если популяров вынуждает убивать другие живые существа абсолютная необходимость, то музыканты убивают по легкомысленной прихоти, исключительно ради удовольствия. И убивают не крыс, а собственных сыновей...

И вдруг сеть поддалась.

Одна крыса, прячась в тени, скрытая блестящей пленкой крови, затянувшей ячейки сети, залезла под самый потолок, где сетка была закреплена кое-как, устроилась в уголке и долго расшатывала скобу, пока не вытащила ее из штукатурки. Ей бы радоваться, что ее не поймали за этим занятием, но она не доверились удаче и не стала тратить время на самовосхваление. Будь она человеком, из нее получился бы замечательный солдат. Крыса перебралась к соседней скобе и выдрала ее тоже. Один угол сети оторвался от потолка. Всего один, но этого было достаточно.

Крысы сплошным потоком полезли вверх — по сетке, по лестнице из живых тел, цепляясь друг за друга в бешеном стремлении пролезть первой, — и хлынули через брешь. Когда основная масса атакующих сконцентрировалась у прорехи наверху, под их весом начали вырываться другие скобы...

— Крыса-хозяйка! — закричал вдруг лысый циклоп.

И тут же эти слова прозвучали во множественном числе.

— Крысы-хозяйки! Крысы-хозяйки!

Крики перекрыли всеобщий шум.

Гил очень скоро понял, о чем они кричат. Из-за поворота коридора пеной выплеснулись крысы величиной с небольшую собаку, фунтов по пятнадцать — двадцать каждая, и последовали за мелкими крысами-рабами, которые умирали ради того, чтобы сорвать сеть. Писк хозяек был не такой пронзительный, более горловой, низкий. Явно планомерные действия, казалось, свидетельствовали о наличии какой-то степени разума у крупных крыс, но Гилу вовсе не хотелось углубляться в рассуждения такого рода.

И еще казалось, что утробное ворчание хозяек имеет какой-то рисунок, отчетливые повышения и понижения, вариации длительности звуков, и все это могло быть признаком словесной сигнализации сверх уровня инстинктивного, чисто животного писка и криков. Но это тоже были несвоевременные и вредные мысли. Гил продолжал стрелять без перерыва, выхватывая одну обойму за другой из корзины трехрукого карлика, который исполнял роль подносчика патронов. И каждый раз, побегая с корзиной, карлик кричал Гилу:

— Стреляй! Стреляй! Убивай!

Но Гил не нуждался в напоминаниях.

Крысы-хозяйки знали, чего хотят. Отнюдь не мяса крыс-рабов или друг друга. Теперь, когда атаку повели хозяйки, Гил не видел больше ни одного случая крысиного каннибализма. С горящими яростью красными глазами они рвались вперед устрашающими массами, умирая сотнями и тысячами, цеплялись когтями за своих товарок, падали, но продвигались дальше и дальше...

Какой-то покрытый чешуей популяр с оранжевыми глазами, похожими на леденцы, споткнулся, упал и уже не смог подняться, буквально раздавленный полчищами врага. На него набросилось множество крыс, и все же главные силы продолжали наступление.

— Отходи же! — крикнул Силач.

Они пятились до конца коридора, непрерывно стреляя, — знали, что исчезновение заградительного вала стрелок даже на секунду даст крысам-мутантам возможность, которой они дожидаются: рвануться вперед и раздавить их. Гил рискнул на миг перевести взгляд на Тишу. Девушка, закусив нижнюю губу, стреляла снова и снова, с яростью, порожденной страхом; самострел словно прирос к пальцам ее вытянутой напряженной руки. И все же она не теряла головы, справлялась как следует, и Гил почувствовал еще большую гордость за нее.

Но вдруг, на одно короткое, но ужасно яркое мгновение, он увидел ее в виде трупа, покрытого крысами. Острые желтые зубы срывали кожу с ее лица. Впрочем, нет, не трупа — в этом видении она была почти мертва, в ней оставалось достаточ-

но жизни, чтобы понимать происходящее и испытывать неистовое, безумное бешенство. И еще в этом кошмаре одна крыса стояла в зияющем провале ее раскрытого рта и терзала ей нос...

Гил поперхнулся и закашлялся, стараясь отогнать от себя это жуткое видение, и тут на него тяжким бременем легло понимание, что он, ее мужчина, обязан любым путем оградить Тишу от такой участи. И только тогда он вспомнил, что в кармане его куртки лежит звуковой пистолет, который он взял с собой на тот случай, если популяры встретят их недружелюбно.

— Силач! — крикнул он, махнув арбалетом. — Отведи людей назад, я сам справлюсь с крысами!

— Ты с ума сошел!

— Возможно, но у меня есть звуковой пистолет.

— Я не могу это допустить! — упирался его отец.

— А тебе деваться некуда!

Силач неохотно отдал команду. Другие мутанты откатились от Гила, радуясь возможности отступить. Он повернулся к серой орде, которая теперь беспрепятственно хлынула по коридору, заполненному их нарастающим маниакальным писком, — они уже были уверены в своей победе.

Гил поднял пистолет и нажал спусковой крючок.

Крысы загудели чисто механически, это вибрировала плоть, отделяемая от костей, разлетаясь огненными вспышками, угасала, превращаясь в пепел, и исчезала. Кровь фонтанами била

в воздух, но тут же преобразовывалась в огненный водопад, в дождь пепла, а потом испарялась, обращаясь в ничто. Молекулы с воем разлетались во все стороны, когда звуковое оружие уничтожало структуру атомных конструкций.

Крыс было тысячи и тысячи, они вливались в коридор, как из рога изобилия. Точно единый организм, крысы по-прежнему свирепо рвались вперед, пытаясь миновать невидимый барьер, который испарял их без пара, сжигал без огня и золы, сокрушал, не оставляя ни крови, ни останков. Хозяйки столкнулись с чем-то новым, чем-то необъяснимым и непредвиденным. И пока их мозги лихорадочно работали, пытаясь найти решение, они действовали как обыкновенные крысы, пытаясь преодолеть непреодолимое и сокрушить несокрушимое.

Гил водил звуковым лучом из стороны в сторону равномерно, как машина, и крысиный вал подался назад, начал рассыпаться, отступил еще немного. Наконец крысы-хозяйки уяснили безнадежность ситуации и немедленно кинулись наутек во всю прыть; они неслись галопом, как собаки за зайцем, мгновенно обогнали своих рабов и возглавили бегство. Гил гнался за ними из коридора в коридор, из комнаты в комнату как карающий мститель и в конце концов принялся загонять в какую-то дыру в стене засыпанного камнями коридора.

Крысы сбились возле дыры в кучу, бурлящую и возбужденную, они яростно пищали и рвали на куски друг друга, лишь бы пролезть первыми и спастись от невидимой смерти. А Гил стоял на безопасном расстоянии, водя по тварям лучом и

наблюдая, как они вспыхивают и исчезают. И тут группа примерно в сотню крыс повернула от дыры — скорее всего по приказу крыс-хозяек — и бросилась на него. Он опустил луч и ударил по атакующим, торопливо отступая; последнюю из них он уничтожил всего в нескольких дюймах от своих ног.

Когда Гил поднял глаза, последняя крыса из основного полчища скользнула в спасительный мрак дыры в стене. Он бросился к тому месту и несколько минут бил в темноту, чтобы наверняка отогнать их подальше и отбить охоту предпринимать новое нападение через ту же трещину — по крайней мере в ближайшем будущем. А потом, весь дрожа, покачиваясь на трясущихся ногах, пошел обратно, к остальным.

Тиша бросилась к нему, крепко обхватила, и он ответил ей с не меньшей страстью. Она была очень теплая и мягкая, и он чувствовал, как ужас понемногу вытекает из него, словно ее тело служило идеальным проводником, соединившим его с матерью-землей.

А популяры уже занялись делом — грузили мертвых крыс в плетеные корзинки; Силач тем временем произносил нараспев серию коротких молитв из Семи Книг, благодаря Господа за ниспосланный Им счастливый случай. Гил полагал, они радуются, что не убиты, но не был уверен, что чуть не проигранная битва с бешеными крысами-мутантами — такой уж счастливый случай, за который нужно благодарить, даже при благополучном исходе. Впрочем, свои мысли он оставил при себе, понимая, что в присутствии Силача они прозвучат некстати.

— Послушай, — сказал он, показывая звуковой пистолет, — можете не возиться. Я избавлюсь от них и быстрее, и легче.

— Нет-нет! — воскликнул Силач, быстренько закруглив последнюю молитву. В каждой руке у него было по двадцатифунтовой крысе, он швырнулся в большую корзину. Тушки шлепнулись туда и чуть подпрыгнули. — Мы не избавляемся от них.

— Но почему?..

Гигант поднял одной рукой очередную крысу и погладил, как любимого домашнего зверька. Иголка попала твари в ноздрю и проникла в мозг. Глаза блестели, как кусочки полированного мрамора, рот был открыт, мерзкие зубы сверкали в таком свирепом оскале, что крыса казалась живой. Силач пощипал грязные бока животного, взялся за плотную ногу и повертел.

— Это пища, парень!

Он улыбался.

— Пища?!

У Гила забурчало в животе, ему показалось, будто желудок переваривает сам себя.

Силач кивнул, все так же широко улыбаясь.

— Я не понимаю...

«А может, — подумал Гил, — просто не хочу понимать?»

— Это наш единственный источник мяса, — объяснил Силач.

На желтых крысиных зубах были пятна крови и пены.

— Не может быть!

— Что значит не может? Так оно и есть.

— Но...

Силач пожал плечами:

— Сегодня за ужином ты съел половину жареной крысы. Вкусно ведь было, правда?

Желтые зубы.

Мертвые красные глаза.

Кровь и пена...

Утру оставалось еще два часа добираться до горизонта, когда они вышли из темноты сектора популяров в сад неоновых камней. Все музыканты, кроме дежурных в «Первом Аккорде» и немногих инженеров, обслуживающих звуковые генераторы, спали в своих Башнях, корчились в своих сенсонаиках, и их совершенно не трогали опасности и ужасы жизни, состоящей в том, чтобы есть крыс или быть съеденными крысами. Именно эта тонкая линия между горами каменного мусора и неоновыми камнями определяла все различие. Гил дрожал; Тиша дрожала тоже, словно тела их искали общий ритм. Они остановились и присели на широкий синий неоновый камень.

Она сидела перед ним, залитая голубым пламенем. Идущий снизу свет подчеркивал одни черты и почти сглаживал другие, придавая ей сверхъестественный, мистический вид.

Гил уже говорил себе в этот вечер, что ему нужно совсем немного, чтобы наполниться сочувствием к популярам, какое-то одно событие, которое пробудило бы жалость к ним. Тогда, решил он, можно будет спрыгнуть с тонкого каната и стать на их сторону. Но он был убежден, что ничего такого не произойдет. Консервативная часть его натуры утешалась мыслью, что скоро можно будет

вернуться к нормальной жизни музыканта. Но — на счастье или на беду — такое событие случилось на самом деле. Мысль о том, что люди (или хотя бы потомки людей) вынуждены рассчитывать на убитых крыс в качестве главного источника пищи, заставляла его мучительно страдать.

— Единственный из них, к кому я ощутил хоть какую-то близость, это Цыганский Глаз, — сказал он, наблюдая, как поверхность камня неуловимо мерцает, переливаясь от одного оттенка синего цвета к другому, становясь ярче или бледнее. О Цыганском Глазе он рассказал ей на обратном пути из сектора популяров.

— Я понимаю, — ответила она, и ее синее лицо было очень серьезным.

Он посмотрел на десять величественных Башен, воткнувших свои острия в ночное небо.

— И все же я не могу спокойно вернуться и жить в городе. Я знаю, чем был Владислович и чему он положил начало. Он не только создал музыкантов, нет, он сделал куда больше... Это Владислович породил условия, которые заставили популяров питаться крысами. Ну да, я знаю, что Владислович умер за несколько веков до того, как корабль из колонии вернулся на Землю и музыканты построили город-государство. Но Владислович несет ответственность за психологическую структуру музыкантского разума и потому является косвенным виновником судьбы популяров. Из-за его учения и его социального порядка нынешние музыканты холодны, эгоцентричны и склонны к садизму. Они держат популяров в полной нищете, вынуждая их оставаться в своих разрушенных кварталах, не давая им земли для

обработки и уничтожая тех, кто пытается сам обрабатывать землю за пределами развалин. И еще сенсоники...

— Я разбила пульт в первую же ночь, — сказала Тиша, лицо ее брезгливо передернулось.

Он и без этих слов полагал, что сенсоник не придется ей по вкусу. Но все же хорошо было услышать, как она прямо говорит об этом, превращая его предположение в бесспорную истину. Он чувствовал стремление защитить ее, хотя одновременно понимал, что она не нуждается ни в какой защите.

— Мы в ловушке. Я не могу продолжать прежнюю жизнь, зная, что мои удовольствия как музыканта будут причинять боль другим, там, в секторе популяров. Но и среди них я жить не смогу, в их секторе или в руководимом популярами городе после разрушения нынешней системы. Я не могу найти ни своего места, ни цели, а для меня невыносимо жить бесцельно, как другие.

— Но ведь всегда остается... — начала она.

— «Der Erlkönig».

Так оно и было. Им предоставлены на выбор не два мира, а три: город-государство, сектор популяров и страна за Столпом. Место, из которого никогда не возвращались исследователи. Сию минуту еще нельзя было сказать, что их выбор пал на страну за Столпом, ибо в них оставалось столько страха перед ней, что они не решались говорить об этом мире открыто. Но действительно ли Смерть — жуткое место? Или это просто другая плоскость существования, не совпадающая с нашей? А может быть, исследователи не возвращались только потому, что не хотели? Или по-

тому, что путь этот предусматривает лишь одностороннее движение?.. Их исчезновение еще не говорит, что земля Смерти страшна и неприятна.

— Так захотим ли мы помочь им? — спросила она.

— Это сделало бы порядок вещей правильным, даже если мы не найдем себе места в том, новом порядке. Со временем, когда исчезнет уродующее гены излучение, они смогут снова стать людьми, снова вырастят парки и восстановят довоенные города во всей прежней славе.

— Мы поможем, несмотря на «Короля эльфов»?

Он улыбнулся странной, полусформировавшейся улыбкой.

— Не несмотря на «Короля эльфов». Из-за «Короля эльфов».

Она потянула его вниз, на плоский синий камень, в сияющее тепло расцвеченнной неоном ночи, и обняла, погрузив в мягкую голубую нежность.

И он обнимал ее тоже.

И пришло утро...

Подготовка к революции началась.

Третья часть симфонии РЕВОЛЮЦИЯ И ДАЛЬШЕ

А когда-то...

Будучи мальчишкой из сектора популяров (даже тогда он представлял собой отличный образчик супермена, с могучими мускулами, которые шевелились в ножнах его темной коричневой кожи, как живые звери с собственной волей), Силач являлся частью тесно спаянной семейной группы. Его отцом был Ракушка — странное существо с черепашьим панцирем и другими роговыми пластинами, защищавшими разные области тела, — а матерью — Пальцы (у нее их было в избытке). И Ракушка, и Пальцы любили своих детей и сумели вырастить троих сыновей — Силача, Прыгуня и Детку — в таком окружении, которое вынуждало мальчиков заботиться о своих братьях как о самих себе.

И потому представлялось, что Детку, как самого младшего из троицы (а он, казалось, всегда будет выглядеть ребенком, ибо перестал расти, когда достиг четырех футов, и хотя свидетельств его цветущей мужественности было вполне дос-

таточно, дабы отмести опасения, что он не мутант, а просто недоразвитый, внешность его при беглом осмотре выглядела в точности как у нежного невинного младенца), надлежит охранять и защищать больше всех. В конце концов, имелася ведь Силач, чтобы присматривать за Прыгуном и Деткой, и Прыгун, чтобы сосредоточиться на одном Детке. И все-таки в один прекрасный день, когда все обстояло совсем тихо и мирно, они обнаружили, что Детка пропал.

Братья тщательно обыскали развалины, опасаясь, что он упал в какой-то провал или шахту среди руин, сидит теперь, как в ловушке, и не может выбраться.

Но в развалинах его не было.

Насколько мог судить Силач, оставалось только одно место, где может находиться младший брат. В Вивальди шла неделя ежегодного Фестиваля, в это время музыканты собираются в своих залах и на своих улицах на празднества в честь какого-то Владисловича, как они его зовут. Для участия в некоторых уличных торжествах в город приводили популяров — чтобы развлечь зрителей. Игры с ними были жестоки. Популяры не всегда возвращались целыми, а то и вообще не возвращались.

Силач, хоть и было ему тогда всего четырнадцать лет, ощущал себя достаточно умным и крепким, чтобы прочесать окраины города-государства — а то и проникнуть внутрь — и попробовать отыскать брата. Он давно уже чувствовал, что предназначение его — нанести ответный удар и сокрушить музыкантов. Для чего же еще вопрос он таким громадиной? И теперь, возможно,

ему как раз представляется подходящий случай. Против воли отца он покинул развалины и через ничейную землю пробрался к саду неоновых камней...

Глава 9

Неделя пролетела быстро, и вот настал последний день перед восстанием.

Дни после посещения сектора популяров были для Гила нелегкими и тревожными, ибо в душе его шла борьба — он хотел прийти в согласие с самим собой и с целью, поставленной много лет назад и все еще лежащей впереди. Как хорошо было бы вдруг стать старым, скажем как Франц, и довольствоваться знанием, что не так много осталось дел, ради которых ты родился на свет. Но он сознавал, что его будущее связано со Столпом и страной за ним, которую он видел дважды и оба раза — лишь в течение краткого мига.

Традиция и воспитание приучали его бояться Смерти. Концепция музыкантов — по сути, главная концепция на протяжении всей истории, насколько ему было известно, — гласила, что Смерть есть постоянное, темное и беспределное ничто. А он не чувствовал страха, потому что не соглашался с этой концепцией; он видел страну за Столпом Последнего Звука. И в ней была какая-то форма существования.

Чтобы приготовить себя к тому, что должно прийти так скоро, он лег спать в конце дня и увидел во сне лодку из листа, которая несла его по зеленой реке к мысу, где стоял пурпурный дом

с колоннами. В этом сне тишина была жуткая и глубокая, хотя его преследовало странное воспоминание, что он бывал в этом доме прежде, когда там слышался какой-то намек на пение и прыгали тени танцующих...

День угас, перейдя в вечер, хотя все это время у него на потолке оставалось ночное небо со звездами. Чуть позже сон его стал поверхностным и прерывистым и протекал обрывками, разделенными минутами полудремы-полуяви, когда видения будущего и сны — разные, но все по-своему манящие — сплавлялись, чтобы дать его мыслям третье измерение, иную плоскость где-то между сознанием и подсознанием, в которой разыгрывались сцены, не принадлежащие полностью ни тому, ни другому. Каким-то образом их с Тишой невысказанные обеты облегчили его мучительный груз. Он больше не висел в пустоте между двумя мирами, ибо нашел третий выход, который, как понимали оба, позволит им быть вместе, но не вынудит жить в Башне, терзаясь собственной виной, или в кишащем крысами мире популяров. Сначала — революция, оружие, огонь. Потом, когда они убедятся, что эгоцентрическая империя музыкантов пала, они с Тишой смогут уйти в свой собственный мир, в свое собственное общество, туда, где они свои, если они хоть где-то свои.

Если только он сумеет одолеть свой остаточный страх...

Эгоцентричность... Это слово поражало его вновь и вновь, каждый раз, как он проваливался в сон и выплывал из сна. Самое точное определение для мира музыкантов, для их наследия и их будущего. «Эго» было их Богом. О да, они уме-

ли ловко маскировать его, прикрывая именами великих композиторов и Владисловича. Однако то были всего лишь подставные фигуры. Нет, может быть даже, фальшивые боги, и теперь он догадывался, что музыканты должны это знать не хуже его. Но их с Тишай обеты и принятное вместе решение отторгнуть это общество сняли с него тяжкую ношу — он мог больше не стыдиться, что сам был его частью. Оставался еще грамм отвращения, но больше — ничего.

«Эго» было подлинным Богом музыкантов. Свидетельство тому — центр их жизни, ось, вокруг которой вращается их мир: сенсоники. Каждый музыкант проводит под сенсоником восемь, а то и все десять часов еженощно. Праздничные дни часто посвящаются «уединению», которое есть не что иное, как побег в нереальный плотский чувственный мир звуковых конфигураций, бесконечная электрическая оргия. Куда лучше и куда легче, чем настоящий секс, ибо в настоящем сексе никакое переживание не может быть идеальным и совершенным. И никакое переживание не может включать в себя множественный оргазм, создаваемый сенсониками.

А кроме всего, при настоящем сексе приходится иметь дело с другим человеком. Приходится думать о том, чтобы доставить удовольствие кому-то, помнить о чувствах другой личности и ее самоуважении. Что за жуткие хлопоты, когда есть способ куда проще и легче...

Далее, был прецедент Владисловича, пример для подражания. Что-то всегда казалось Гилу странным в этом безмятежном белом лице на фотографиях и на алтарях. Временами Гил думал, что оно

напоминает лицо слабоумного — бездумное, глупое и жалкое. В другие моменты он мог проследить в этом лице черты интеллекта и корректировал свое мнение, полагая, что это просто безжизненное лицо человека, лишенного воображения. Но никакое из этих представлений не совмещалось с действиями Владисловича. А теперь он понимал, что Владисловича толкало нечто куда более тонкое и бесконечно более настойчивое, заставляя его овладеть звуком и вибрацией, выковать новое общество, уйти с ним во Вселенную и колонизировать другой мир.

Просто этот человек не был гетеросексуальным.

Ну да, может быть, он просто не мог заниматься сексом с женщинами и потому отверг их, оставил лишь косвенную роль в сенсониках да функцию рождения новых мужчин. Почему-то Гил чувствовал уверенность, что, если бы собственный сенсоник Владисловича исследовали при жизни хозяина, выяснилось бы, что, его звуковые конфигурации представляют собой не пышногрудых женщин с атласной кожей, длинными ногами и ищущими языками, а юных мальчиков. Юных, гладких, гибких мальчиков с безукоризненной кожей и туманно-нежными лицами.

Стерильное, гладкое и мягкое лицо Владисловича выныривало бессильно в его снах...

Эгоцентричное, импотентно-бессильное, это общество обязательно должно пасть. И ускорить его падение — значит совершить правое дело.

Но разве не было любое человеческое общество эгоцентричным и импотентным? Откуда ему знать,

что довоенный, домузыкантский мир хоть чем-то отличался от нынешнего? В самом деле, после цитат Силача из Семи Книг можно спорить, что все прежние общественные системы всегда были эгоцентричными и импотентными, пока воевали одна против другой или раскалывались на части в самом своем нутре, падая и переливаясь в иную социальную форму, которой предстояло пасть в свою очередь и смениться другой, которая... и так далее, и так далее...

Но здесь, по крайней мере, есть Тиша и король эльфов. И не так трудно будет Гилу встать лицом к лицу с королем, если она встанет с ним рядом. Столп угрюмо гудел под полом арены, дожинаясь...

Он находился во впадине между гребнями сна, когда открылась и закрылась дверь и в комнате оказался кто-то еще...

Гил сел в постели и прищурился.

Наверху, в ненастоящем ночном небе, сверкали поддельные звезды.

— Кто здесь? — спросил он.

Тишина.

— Кто здесь?

Снова тишина.

И вдруг Гила резко вышвырнули из постели, он покатился, путаясь в простынях, таща их за собой, а тот, неизвестный, ударил его! В тусклом полумраке, с глазами, еще залепленными сном, Гил почти ничего не видел.

— Подожди минутку, — пробормотал он.

Но было бессмысленно пытаться урезонить того, кто напал на него.

Гил ударили кулаком снизу вверх и почувствовал, как рука его оказалась в железных тисках. Он попробовал вырваться, но его плечи были прижаты к полу, и навалившееся сверху тяжелое тело не давало вывернуться. Этот подонок был сильный и непреклонный.

— Да кто ты такой? — потребовал ответа Гил, хотя чувствовал, что в его положении глупо чего-либо требовать.

— Я тебе не позволю!

Голос неизвестного звучал хрипло, едва слышно, но Гил, кажется, узнал его.

— Рози?!

— Ты не имеешь права! — Рози сильнее придавил его коленями. — Я тебе не позволю!

— Пусти, больно...

— Вот и хорошо!

— Чего не позволишь? — спросил Гил, надеясь, что перемена тактики поможет. Если успокоить композитора, может, удастся высвободиться.

— Сам знаешь, — сказал Рози.

— Да ни черта я не знаю!

Рози только зарычал:

— Да больно же, черт тебя возьми!

Гил начал видеть в темноте цветные пятнышки, хоть и понимал, что они возникают на сетчатке, а на самом деле не существуют.

— Вот и хорошо! — снова сказал Рози, на которого все это было так не похоже.

— Рози, да слушай же! Я...

Рози еще сильнее придавил его коленями. У Гила задергались плечи — первый признак разрыва мышц. Оставленные Зловредным раны, по-

чи зажившие, начнут открываться под этим на-
тиском, раздирая швы...

И тогда, подгоняемый отчаянием, он поднял правую ногу, согнутую в колене, медленно и осторожно примериваясь, как бы поточнее разогнуть колено и резко ударить стопой в голову — он ее теперь видел, глаза привыкли к темноте и проморгались после сна.

— Рози, какого черта тебе от меня надо? — выкрикнул он, чтобы отвлечь внимание композитора от своей ноги.

— Семнадцать лет, Гил! Я надрывался семнадцать лет. Бесконечно работал, потел и шлифовал технику. Ты понятия не имеешь, сколько я работал все эти годы, ни малейшего понятия. Ты не смеешь уничтожать все это ради каких-то изуродованных чудовищ, которым захотелось захватить мир!

— Я не понимаю, о чем ты. Пусти!..

Он осторожно поднимал ногу.

— Тиша мне сказала.

— Что она тебе сказала?

— Не валяй дурака!

— Что ты с ней сделал?

— Ничего.

— Если ты ее тронул...

— Да не тронул я ее. Она от всего этого в восторге, как девчонка. И думала, я тоже приду в восторг. Понимаешь, она знает, что мне наплевать на этот город-государство, на все его порядки. Но она забыла, что теперь я должен вести себя как составная часть этого общества, ибо только оно даст мне какие-то преимущества. Она не собиралась говорить, но решила меня обрадовать. Я притворился, будто в самом деле радуюсь.

— Так что незачем мне было ее трогать. Мне нужно только убить тебя.

— Эй, да подожди ты минутку...

— Я не позволю тебе свергнуть музыкантов, когда добился своего!

— Рози, но за пределами этого города есть люди, которые...

— Уродцы!

— Люди, которые...

— Не желаю ничего слышать! — завопил композитор.

Гил резко взмахнул стопой и ударил Рози в спину. Горбун перевалился через него. Давление на плечи исчезло, вместо него нахлынула боль от ран. Гил, дрыгая ногами, вывернулся из-под композитора, вскочил. В голове оглушительно зазвенели цимбалы.

— Рози, перестань!

— Я должен тебя убить!

— Ты не сможешь, Рози.

Он пятился перед горбуном, который, пригнувшись, надвигался на него; руки его скручивались и выбрировали, как оборванные струны, в каждой клеточке жадно кипела кровь, цель оправдывала для него любой поступок.

— Я не смогу?

— Черт побери, я же знаю тебя, Рози! Я люблю твою сестру. Ты сам говорил, что я — твой единственный друг, помнишь? На арене, в День Вступления в Возраст...

— Плевать.

— Но...

— Плевать, потому что все это ничего не значит. Дружба, любовь... все это очень здорово,

только они ни черта не значат, если ты не человек, а только полчеловека.

Слюна залепляла ему рот, и слова звучали невнятно.

— А что тогда имеет значение, Рози? Я не вижу ничего, имеющего для человека большее значение.

— А значение имеет то, что я больше не уродец! Я добился своего! Они меня признали. С...и мне поклоняются как Богу — или будут поклоняться через сколько-то лет после моей смерти. Вся жизнь, Гил, — это бесконечная борьба за то, чтобы выбраться, достичь положения, когда ты уже не просто орудие или какой-нибудь там гобелен. Как почти все кругом, сам знаешь. Каждый — или одни, или другие. Гобелены нужны для развлечения, для забавы. Бредут, спотыкаясь, по жизни, чтобы другим людям было о чем поговорить. Они — грязь. И не потому, что не могут выбраться, а потому, что другие люди не дают им выбраться. А остальные — лишь орудия в руках хозяев, настоящих работников этого мира, их можно пустить в ход и даже сломать, если надо что-то завинтить, согнуть, прибить, лишь бы помочь работнику взобраться на ступеньку выше. И теперь я — главный работник, мастер, хозяин этих инструментов. Я могу приказать, чтобы гобелен свернули, повесили в чулан или просто сожгли и забыли. Я могу забраться на самую высокую ступень — и никогда другой мастер не всадит лезвие мне в спину. Вот что имеет значение, Гил! Но ты этого никогда не поймешь и не подладишься к этому порядку. Ты — не тот тип.

— Хорошо, что не тот, — отозвался Гил.

— А тебе следовало бы видеть жизнь в таком свете. Может, если бы твои отметины больше бросались в глаза, если бы тебе приходилось пробивать себе дорогу, несмотря на рога на голове и шпоры на руках, может, тогда ты бы лучше понимал отношение орудия и хозяина.

— Но мы можем поговорить об этом подробнее, — сказал Гил. — Ты ведь уже говоришь об э. ч. Давай сядем и...

Рози рванулся вперед быстрее, чем ожидал от него Гил, все еще согнутый, гротескный в этой звериной позе.

— Я не дам популярам убить тебя, Рози.

Он отступил за стул и стиснул спинку, готовый поднять и швырнуть.

— Наверное, не дашь. — В голосе Рози звучало бешенство. — Но разве ты не понимаешь, что из этого выйдет? Неужели ты такой тупой, ты, сын Мейстро? Я буду музыкантом в мире популяров — уродцем! Опять уродцем!

— У популяров хватает своих горбунов. И куда более диковинных штук, чем рога и когти.

— Но я-то буду *музыкантом*, и от этого никуда не денешься! Я не смогу сочинять музыку. У меня не будет понимающих слушателей. Я останусь музыкантом, не важно, горбатым или нет, в мире, который не понимает и не ценит музыку, — фактически в мире, у которого есть все причины ее ненавидеть! — Он задыхался, как будто дыхание причиняло ему боль. — Я буду все равно что мертвый!

— И потому ты убьешь меня, раз уж я все равно инструмент.

— Убью.

Гил швырнул стул.

Рози попытался увернуться, но стул попал ему в плечо и опрокинул его на спину. Однако Рози вскочил быстрее, чем ожидал Гил. Он легко перепрыгнул через стул на бегу. Гил тоже побежал и остановился за книжным шкафом высотой по пояс в середине комнаты. Рози, не замедляя темпа, прыгнул через шкаф, прямо на Гила, и оба покатились по полу.

Гил замахнулся и двинул горбuna кулаком по зубам. Ощутил, как брызнула кровь из разбитых губ. Он остановил руку вовремя, чтобы самому не пораниться. И ударил снова, надеясь, что сумеет закончить все быстро и обойдется без убийства. Но на этот раз Рози дал сдачи, и Гил грохнулся затылком об пол. В голове величественно загудели колокола, и чернота со звоном опустилась на него между «дин» и «дон». Гил понимал: черноту надо отогнать. Она манила, суля облегчение и избавление от боли, но если он позволит бесчувствию взять верх, уже в следующий миг Рози его прикончит.

Гил, преодолевая боль, которая скреблась в голове ящерицей с острыми как бритва когтями, резко ударил горбuna коленом в пах. Рози взмыл и откатился в сторону, задыхаясь. Рвота хлестнула на пол. Лицо стало белым, как у привидения, но он все еще пытался драться. Он поднялся на колени, преодолевая судорожные спазмы, выворачивающие ему желудок, но тут его снова ударила волна боли — его мужские достоинства протестовали против того, что было совершено с ними.

— Рози, пожалуйста! — взмолился Гил. — Это смешно. Мы ведь были друзьями. К черту всю эту чушь с хозяевами и орудиями!

Но Рози не собирался сдаваться. Его гордость не желала признать поражения, слишком поздно... Вот если бы он решил, что сможет жить достаточно хорошо и после революции... А он конечно же этого не решил. Он скрипнул зубами, поднялся и шагнул к Гилу, выставив скрюченные руки.

Но вцепиться в противника ему не удалось. Гил с другой руки двинул его в грудь, снова вышиб дух и отшвырнул в лужу блевотины; по лицу горбуну размазалась кровь, тупо блеснули рожки.

— Рози, перестань!

Какое-то мгновение казалось, что тот готов признать поражение и, как говорится, «бросить на ринг полотенце». Он стоял, пошатываясь, но словно забыл о своем состоянии. Трясясь, как в малярии, он снял с шеи Медальон композитора и вытянул перед собой, держа за середину двухфутовой цепочки. Он со свистом вдохнул, шмыгнул носом, втягивая в себя пузырчатую жидкость, повисшую на ноздрях. Потом, для устойчивости расставив ноги пошире, начал раскручивать в воздухе Медальон, как шипастый кистень-моргенштерн.

— Убери эту штуку!

Цепочка со свистом рассекала воздух.

Вот теперь Гил испугался по-настоящему. Пока речь шла о драке врукопашную, шансы у него были выше средних, но от этого смертоносного оружия спасения нет — этой штукой Рози достанет его издали.

— Рози, это же нечестно!

Но Рози берег дыхание — у него не оставалось сил говорить, отвечать, спорить или соглашаться. Он был измотан, но не сдавался, он собрал пос-

ледние силы и вложил их в свое орудие. Он вертел его все быстрее и быстрее, острые кромки ловили скудный свет и разбрасывали вокруг грозные блики. Они были скошены, эти кромки, сходили на нет тонкими режущими лезвиями. При такой скорости они не менее смертоносны, чем акустический нож, единственная разница в том, что этому лезвию нужен прямой физический контакт, а звуковой нож может убить на расстоянии. Для Гила одно спасение — держаться на расстоянии. Если получится. Если...

Он попятился.

А ведь ему еще в какой-то степени повезло, что Рози примчался сюда в этом бешеном, маниакальном состоянии. Иначе он сообразил бы принести с собой звуковой свисток, усыпить Гила, а потом спокойно убить. Вот тогда не было бы никаких шансов. Даже таких крохотных, какими он сейчас довольствовался.

Довольствовался?

Не самое подходящее слово, совсем не подходящее.

Он попятился чуть быстрее.

И Рози прыгнул, вертя свою блестящую побрякушку.

Гил уклонился, присел. Медальон просвистел над головой — холодный ветер коснулся лица.

Рози отпустил руку, пытаясь нацелиться точнее и достать жертву.

Гил упал на пол — другого способа уклониться от свистящего оружия не было. Медальон рассек воздух в нескольких дюймах над головой, как раз на том уровне, где только что находился его живот...

Рози завопил от ярости, лицо превратилось в свирепую маску отчаяния. Нет, этого лица Гил не видел никогда прежде. Это была маска демона, таким увидел бы обитателя преисподней безумец...

Гил перекатился, схватил композитора за ноги, рванул изо всех сил и опрокинул. Навалившись сверху, вырвал цепочку из скрюченных, сопротивляющихся пальцев и отшвырнул. Металл затарахтел по полу, а потом со звоном ударился о книжный шкаф — только эхо пошло.

На этом все должно было кончиться. Рози был обезоружен. И драться он больше не мог — у него не осталось сил, чтобы пустить в ход кулаки. И вправду должно было кончиться, но не кончилось. Гил молотил кулаками по горбатой спине...

У Рози булькало в горле, он задыхался, кричал пронзительно, точно сотня мелких зверьков, разбегающихся в ужасе.

Гил вдруг ощутил боль в боках и понял, что мутант пустил в ход шпоры на тыльных сторонах ладоней. Кровь ударила ключом в тех местах, где они впились в тело, алые ручейки побежали по разодранным тропинкам, оставленным острыми крючками. Гил вцепился в эти злобные изуродованные руки и силой развел их. Тяжело дыша, он чувствовал, как его пронизывает дрожь торжества.

Он удерживал руки горбuna в таком положении, чтобы они не могли причинить вреда, и постепенно понимал, что до победы еще далеко. Как только он ослабит хватку, эти когти вернутся на прежнее место и впоятся еще глубже. Его совсем было охватила паника, но тут он сообразил, что надо сделать. Отпустил левую руку Рози

и обеими своими вцепился в его правую. От напряжения дыхание со свистом вырывалось сквозь зубы, глаза налились кровью и чуть не лопались, а он колотил этой рукой по полу, снова и снова, пока шпора не хрустнула с резким звуком и не отвалилась от тела — она уже не была грозным оружием.

Свободная рука Рози успела три раза рвануть его бедро, хотя лишь на третий раз поранив серьезно. И все-таки каждая царапина кровоточила, а истекать кровью — не самое полезное для здоровья упражнение. Но по-настоящему Гила тревожила не боль в изодранных местах на груди и боках. Он страшно боялся, что даже теперь, в самые последние мгновения, горбун может сорвать остатки энергии и выцарапать ему глаза. Оставшиеся шпоры легко прорвут такую нежную ткань...

И снова он отжал от себя руку противника, хотя теперь, двумя руками, сделать это было намного легче. Он отвел ее в сторону, вывернул и принялся колотить об пол. Снова и снова... Казалось, жесткий хрящ никогда не сломается, но вот наконец звонко треснуло — и шпора, разорвав кожу вокруг, начисто выломилась вместе с костью, на которой держалась.

Рози затрясся, пытаясь сбросить его.

Гил обрушил на него очередной град ударов, ему нравилось, как отскакивают от тела кулаки, оставляя после себя кровоподтеки. Какая-то часть сознания, выглядывая из зарешеченного окна в мозгу, кричала и вопила: «Что ты делаешь?!» Но она уже больше не командовала. На водительское сиденье забрался крохотный осколок души,

выбравшийся из самого темного закоулка, и выкрикивал команды: «Бей, бей!»

Мутант все еще не хотел сдаваться — и тогда Гил безжалостно обрушил кулаки ему на лицо; пот катился по коже, сердце бешено колотилось, как у кролика. Мозг клацал и грохотал, когда упрятанная за решетку часть души тряслася прутья...

И тут его пронзила жуткая мысль, что в нем самом, как в любом музыканте и популяре, есть варварская основа, хоть, может, и залегает глубже, и более сильный импульс нужен, чтобы спустить ее с цепи. Он лупил ликуя, без оглядки. Удар за ударом сыпались на тело другого юноши, такого же как он, в дикарском ритме, и Гил начал выкрикивать в такт:

— Ты, проклятый злобный гад!

Слова срывались бездумно с его губ в тупом монотонном напеве, а запертая за решеткой часть разума пыталась анализировать их, понять, откуда они взялись и что он хочет ими сказать. «Ты, проклятый злобный гад!» Кто? Кто здесь гад, варвар? Рози? Он сам? Или ни тот, ни другой? Кому в лицо летел этот крик? Одному человеку или всему миру, обычай, обществу, порядку вещей? И что, это отрицание общества отодвигает на задний план его отрицание Рози, а может быть — и отрицание самого себя?..

Когда лицо Рози превратилось в сплошное скопище синяков и ссадин, когда горбун начал плакать и жалобно цепляться за Гила, моля о милосердии ради прежней дружбы, тот упал на него, ослабевший физически и тоже плачущий, а терзавшие его вопросы так и остались без ответов.

Они вместе разбили кровь и блевотину на полу своими слезами...

— Прости, Рози, — сказал Гил, держа ладонь на автоматическом замке двери.

Теперь Медальон висел на шее у Гила — необходимая предосторожность, чтобы помешать композитору уйти и поднять тревогу, ведь именно это он и сделал бы первым делом. Но если он не сумеет выйти из комнаты, когда Гил запрет ее, то никакого способа вызвать подмогу у него не останется. Частная комната в Башне Конгресса — понастоящему частная, как одиночная камера.

— Конечно, Гил. Иди.

В голосе Рози не было обиды — только покорность. Своими разговорами об орудиях и мастерах-хозяевах он вынудил Гила играть по тем же правилам, опуститься до философии горбuna. Или, может быть в силу своей чувствительности, Рози сам понимал, что философия эта слишком отвратительна, чтобы жить, руководствуясь ею. Может быть, в его собственном разуме гнездились сомнения — достойно ли идти этим путем. Ведь в конце концов Гил, поддавшись этой философии, бился лучше, чем он сам.

А Гил стоял, глядя на окровавленного композитора, парализованный отвратительной мыслью, что он изувечил человека. Эта мысль подкосила его сильнее, чем отчаянная драка. Жутко и противно было понимать, что он сам — пусть недолго — впал в дикое состояние, которое обнаружил в музыкантах на арене и которое вызвало в его душе такое отвращение. Отлично известно, конечно, что окружение играет большую роль в развитии каждой личности. А ему так нравилось думать, что он другой... Правда была горька.

Но Рози был прав. Действительно, есть орудия и есть хозяева. Хорошая аналогия. Хозяева вонзают лезвия своих инструментов в щели на спинах других людей, поворачивают, используют — и отбрасывают. И единственная надежда для любого в этом мире — стать одним из них, овладеть искусством мастерового, хозяина орудий, и грубо использовать других до своего собственного конца, до исполнения своих желаний.

Нет, говорила другая часть его мозга, есть ведь иной способ избежать того, что они хотят с тобой сделать. Вырвись, беги, найди свой путь из этого общества.

Гил задумался. На протяжении всей истории, если судить по тому немногому, что он знал о прошлом Земли, находились частицы общества, которые хотели вырваться из социальной плавильни, которых не устраивала ни доля орудия, ни доля хозяина. Среди них — цыганские таборы. Он припомнил великое общественное движение, то, которое как будто сумело изменить земное общество на столетия, пока люди не смогли восстановить нормальные отношения орудие — хозяин. Началось оно под названием «Хиппи». Это имя распространялось от года к году все шире, в движение были вовлечены миллионы.

Но здесь, на послевоенной Земле, некуда бежать. Другие города-государства так же враждебны, да там еще придется нести дополнительный груз — ярлык чужака. Если уйти в развалины, то рано или поздно тебя угроют мутанты, естественные или искусственные. Если убраться подальше, в редкие дикие места, не захваченные до сих пор ни городами-государствами, ни их фермами,

ни развалинами, все равно не выживешь — ты ведь существо цивилизованное, а не лесное.

Значит, только одно место дает укрытие и спасение. Мрачно гудит, вращается, свистит под полом арены, питаемое своим собственным генератором, закопанным под ним еще ниже...

— Рози... — начал он, но понял, что сказать нечего.

Он разрушил мир. Протянул руку и поверг реальность, в которой жил Рози. Не найти слов, чтобы выразить извинение за проступок такого масштаба.

Гил быстро открыл дверь, вышел, закрыл ее за собой и запер своим значком с опознавательной песней. Усилием воли вытеснил стыд и смущение из сознания в подсознание, чтобы иметь возможность действовать разумно в ближайшие критические часы. Потом поспешил к лифту и опустился на первый этаж. Двигаясь с оглядкой, словно каждый встречный сразу увидит, что он революционер, и бросится ловить, направился к бетонному сердечнику Башни — той ее части, которая не была звуковой конфигурацией, активировал дверь и вошел внутрь.

— Привет, Гильом! Где угодно ожидал тебя увидеть, только не здесь! Что привело тебя сюда?

Музыкантом, который обслуживал генераторы в эту смену, оказался Франц! Гил просто забыл, что этот старик овладел многими навыками и разнообразил себе жизнь, переходя от одного занятия к другому, когда прежнее ему наскучивало. Стыд тупым штопором ввинтился в сердце Гила. Руки дрогнули, в них проснулось воспоминание о тонком звоне гитарных струн. Казалось, кто-то при-

колотил ему ноги к полу гвоздями — он не мог действовать.

Он подумал о Рози, о том, что сотворил с композитором, и сказал себе, что выбор уже сделан, нравится ему или нет. Теперь надо думать о Тише. И о популярах, которые питаются крысами. И о детях музыкантов, которые бессмысленно умирают на арене. И между прочим, о себе самом тоже надо думать. Он знал, что не настолько бескорыстен, чтобы полностью исключить личные мотивы. Переворот должен означать прогресс. И за все зло, присущее этому миру, придется расплатиться Францу.

Гил резко вскинул руку, нанес рубящий удар, второй и, превозмогая себя, третий. Он старался бить помягче, но не настолько, чтобы удары не оказали действия. Франц повалился на пол без сознания, на лице его застыло едва пробуждающееся недоверие и обида; бесчувствие не смогло стереть это выражение.

Гил наклонился к генераторам и осмотрел их. Здесь, в Башне Конгресса, находилась главная передающая станция. Существование всех зданий в городе поддерживалось этими монотонно гудящими машинами. Их было десять, и десять линий шло от них по полу — все, кроме одной, уходящей к другому оборудованию, а потом в бетонный сердечник Башни. Остальные девять, он знал, шли к другим Башням, к черным ящикам усилителей, испускавшим невероятно сложные, слитые из многих миллиардов компонентов рисунки колебаний, составляющие существо каждого сооружения. Каждым усилителем управляли основные и вспомогательные компьютеры, которые прочесывали излучение, подводимое по кабелю, разделяли на

компоненты и распределяли по проводам, расположенным в несущей части здания. Каждый генератор имел табличку, но Гилу не нужно было читать надписи — он и без того знал, что это молитвы разным богам и самому Владисловичу.

Перейдя к остальным девяти генераторам, он открыл на каждом контрольный лючок и разместил внутри девять маленьких бомбочек, каждая — не больше двух сложенных вместе больших пальцев.

Они даже не тикали.

А когда-то...

Силач обошел по кругу почти половину города, укрываясь то за кустами, то за черными кучами оплавленного шлака, но не нашел пока никаких указаний на местонахождение Детки. Наконец он остановился, присев за кабиной древнего грузовика, и через окна машины устремил взгляд на неоновые камни. Стекло, конечно, было выбито много лет назад, а потому ничто не мешало обзору — кроме скелета водителя.

По другую сторону грузовика тянулась неширокая полоса пустыря, потом неоновые камни и чистая прямая дорога вдоль них, ведущая к зданиям поменьше и к Башням, которые и составляли город. Коль скоро он надеется отыскать Детку — и если Детка в самом деле где-то там, — то, отсиживаясь здесь, ничего не сделать. Он дождался, пока никого не будет вблизи, обогнул грузовик и понесся вприпрыжку через траву и бетонный мусор к неоновым камням, а оттуда шмыгнул в темную аллею.

На бегу он гадал, сколько лет прошло с тех пор, как какой-либо популяр отважился ступить на эту территорию. Десятки и десятки лет, наверное. Пожалуй, не меньше трех столетий. Музыканты недвусмысленно продемонстрировали, что не испытывают к мутантам ни любви, ни дружбы...

Он нырнул в аллейку, где его прикрыл от солнца навес перехода от одного небольшого здания к другому. Подождал там, восстанавливая дыхание и раздумывая, что делать дальше.

Ему слышны были звуки шумного веселья, доносившиеся издали, квартала за три-четыре. Здесь разыгрывалась какая-то часть праздника, что-то, вызывающее изрядный смех. Непонятно, связано ли веселье с Деткой, но это был единственный след, который стоило проверить.

Силач вырвался из аллейки, пересек улицу и нырнул в другой крытый проход, вроде коридора, который вел к большой площади. Прищурился и разглядел там толпу людей, которые, похоже, сгрудились вокруг чего-то и смотрят. Именно оттуда доносился смех.

Когда он двинулся вперед по проходу, в дальнем конце его появились два музыканта — они быстро шли в его сторону, громко разговаривали и хрипло смеялись...

Глава 10

Четыре неоновых камня в двух головах — пара людей-нетопырей.

И конечно, Силач. Голос его звучал тяжело и неестественно, когда он тщился придать

ему волнующую (как ему представлялось) интонацию.

— И да ангел Господень гонит их, да будут они пред ним, как мякина пред ветром!

Они стояли в тени «Первого Аккорда» Башни. Силач с небольшим, в кисть руки величиной, арбалетом и дюжиной обойм со стрелками, приколотых поверх пестрой жилетки из чередующихся полос яркой ткани и меха. У нетопырей отсутствовало какое-либо оружие, кроме когтей и клыков.

Им этого было вполне достаточно.

У Гила никак не укладывалось в голове, что эта ночь была задумана более семнадцати лет назад. Семнадцать лет назад Прыгун карабкался по стene «Первого Аккорда», преодолевая невозможный риск и невероятные трудности, чтобы похитить младенца и убить его... Желудок Гила перевернулся, когда он в эту минуту в первый раз понял, что и сам частично в ответе за смерть настоящего Гила. Его существование породило Мечту, а Мечта сделала Прыгуна убийцей новорожденного. Но он постарался немедленно забыть об этом. И без того хватает причин чувствовать вину, нечего раскапывать новые.

— Бомбы заложил? — спросил Силач.

— Все готово.

— Тогда отойдем вон к тем деревьям.

Голос Силача звучал почти по-детски. Мечты семнадцатилетней давности начинали приносить плоды. Он ощущал блаженную уверенность: скоро, очень скоро все, что пообещал ему Бог, придет к нему. Звенящий от москитов воздух между седыми ивами был теплее, чем на открытом месце. Силач мысленно произносил молитвы, которые

так давно уже стали частью его существа. Он благодарил своего Господа за все, что тот ниспоспал ему, и просил успеха в их предприятии. Он имел пророческое видение: семь сияющих белых ангелов в блистающих золотых одеждах поднимали его на украшенный драгоценными каменьями трон.

Ему никогда не приходило в голову, что он, возможно, просто безумец.

Гил не сводил глаза с Башен и ждал Тишу. Через несколько секунд она появилась — стройная, в черном гимнастическом трико, с мощным звуковым ружьем в руке. Он тихонько окликнул ее, и она свернула к ним, под ивы, а вокруг сияли Башни из видимого звука. Гил взял ее за руку:

— Они должны разрушиться...

— Сейчас, — закончил за него Красный Нетопырь.

И это была правда. Из Башни Конгресса доносились приглушенные хлопки — взорвались заложенные Гилом крохотные заряды и уничтожили генераторы. И тотчас начала растворяться Башня Обучения. Это было величественное зрелище, внушающее благоговейный ужас.

Реакция началась у вершины здания, со сверкающего пика. Нет, он не исчез мгновенно, потому что питание нельзя отключить в одну секунду. Запасы энергии в аварийных аккумуляторах компьютеров постепенно расходовались, поддерживая здание-illusioн. Поскольку труднее всего было стабилизировать самые верхние точки, компьютеры позволили им исчезнуть первыми. Красные, кремовые, белые волны конструкции продолжали бежать сверху вниз, как всегда. У вершины, однако, красная рябь поблекла и стала розовой, кремо-

вая — белой, а белая полностью испарилась, уйдя из видимой части спектра. Затем процесс медленно пошел книзу.

Каждый раз, когда белая волна спадала до минимума, уходили в небытие еще несколько этажей. Цветные волны начали вспыхивать чаще, словно лихорадочно пытались противодействовать распаду и восстановить Башню во всем прежнем великолепии. Но чем быстрее бежали они, тем быстрее шло разрушение, и Башня исчезала с нарастающей скоростью, как будто ее стирали резинкой.

Немногие реальные вещи, которые не были звуковыми конфигурациями, особенно обстановка часовен и кое-что из частной мебели, градом сыпались на землю, с грохотом разлетаясь на бетоне или просто раскалываясь на траве, проливались между декоративными неоновыми камнями дождем охваченных разноцветным сиянием осколков.

Гил видел, как на какого-то бегущего музыканта обрушилась тяжелая молитвенная скамья и разрезала его надвое так ровно, как острый нож разрезает пудинг. Человек и скамья развалились на части вместе. И все это произошло в молчании, потому что погибший не успел даже вскрикнуть.

Гил думал, что должен ощутить отвращение и ужас при виде этой смерти, которая была делом его рук, но за последнее время он повидал столько смертей и насилия, что никак не мог пробудить в себе истинное раскаяние. И вообще к этому времени музыканты уже виделись ему злыми, жестокими созданиями, садистами, не достойными жалости.

Повернувшись к другим Башням, он увидел, что там происходит то же самое. Громадные сте-

ны, которые мерно гудели четыре сотни лет, теперь таяли, съеживались и исчезали полностью, оставляя своих строителей без крова, одних, затерянных и смятенных на бледном лице Земли. Со странным, каким-то отстраненным ужасом (словно события последней недели наделили его неспособностью воспринимать страх и ужас как нечто большее, чем нечеткую туманную сущность, цепляющуюся за опушку его эмоций) он видел, что происходило с людьми, которые находились в Башнях. Он, конечно, должен был представлять все еще до того, как заложил бомбы, но подавил в себе эти мысли, притворяясь перед самим собой, что ничего этого не случится. Когда растворялись стены вокруг и полы под ногами, люди проваливались в воздух, как скамьи и мебель в пустых зданиях. Они грохались оземь с жестокой силой и мгновенно умирали, оставляя лишь клочки плоти и осколки костей, словно метку на том месте, где человек расстался с жизнью.

Гил, слишком захваченный зрелищем, чтобы отвернуться от этих ужасов, хоть и понимал, что его интерес сравним с теми черными и животными порывами, которые помогли ему одолеть в драке Рози, все-таки продолжал смотреть. Он видел, как какой-то музыкант и его леди провалились через растаявший пол, держась за руки. Они ударились о пока еще твердое перекрытие несколькими этажами ниже, страшно покалечившись. А потом понеслись все ниже и ниже, пролетая через одни уровни и подскакивая от удара о полы других. В конце концов они разделились и падали по отдельности. Когда они свалились на тротуар, Гил услышал звук удара. Одна нога — он

не разглядел, мужская или женская, — застыла, стоя отдельно от тела, на долгое мгновение, потом наконец упала и облилась красным...

— Боже! — вздохнул Гил, прижимая к себе Тишу.

— Уведи меня отсюда! — сказала она. — Прошу!

Силач смеялся, перебивая свой рев строками из Семи Книг, в уголках рта набегала пена, глаза сверкали от возбуждения.

«Он знает, что после этого станет хозяином над послушными орудиями», — подумал Гил. Вот еще одно подтверждение изложенного Рози анализа людей и их социальных мотивов. Силач собирается стать хозяином-мастеровым, он уже сейчас предвкушает радость от того, как будет строгать, сверлить и свинчивать, стягивать болтами, окрашивать людей, точно это оборудование, инструменты или материалы, из которых надо что-то сделать.

Люди всегда вмешиваются в чужие жизни — обычно к худшему. Не могут оставить в покое своих близких. Им необходимо использовать других, коверкать их, непрерывно гнать куда-то, дабы реализовать собственный исковерканный взгляд на мир.

Он прав: ему никогда не стать здесь своим. Ему здесь не место...

Ночь была темна.

Над верхушками деревьев, посвистывая как флейта, пролетели воздушные нарты, откопанные на каком-то довоенном складе. На водительском месте сидел Цыганский Глаз, он закричал, увидев своих соратников под ивами, и остановил лётательный аппарат в трех футах над травой, по-

садив на гравитационную подушку. Затем заблокировал стояночный рычаг и перебрался назад, оставив управление Силачу, а тот запрыгнул в машину и положил руки на рычаги, лаская их, словно это были женщины.

Гил с Тишой залезли на трехместное заднее сиденье и устроились рядом с Цыганским Глазом.

— Каковы шансы? — спросил Силач.

Цыганский Глаз состроил мину, которая согнала все морщинки к носу.

— Они увидят эту группу и пойдут в контратаку через пять минут, если мы останемся здесь. Стопроцентная вероятность.

— Тогда мы уберемся отсюда, — сказал Силач.

— Да.

Силач повернулся к нетопырям:

— Красный, ты помнишь, что делать дальше?

— Прекрасно помню, — ответил Красный Нетопырь несколько пренебрежительно.

— Ну, так и делай! — рявкнул Силач, рванул вверх стояночный рычаг и ударил ногами по педалям акселератора. Воздушные нарты стремительно взвились вверх.

Ветер угрюмо проносился мимо, а поле битвы растянулось под ними панорамой чудес. К этому времени все Башни уже исчезли, за исключением Башни Конгресса, которую окружили популяры, не подпуская к ней спасшихся музыкантов. Из всех звуковых конфигураций, величиной превышавших оружие, осталась только еще одна: Столп Последнего Звука. Башня вокруг него умерла. Большой зал обратился в ничто. От арены остались только дурные воспоминания — но, может быть, даже от них удастся избавиться.

И лишь тяжеловесная черно-коричневая колонна продолжала жить, гудя неузнаваемыми, но странно знакомыми мелодиями, рассыпая вокруг цветные сполохи своего голоса — ее питал собственный генератор.

Десантные команды популяров врывались через сады неоновых камней, размахивая своими арбалетами; то здесь, то там мелькали трофеиные звуковые ружья. Музыканты были захвачены врасплох, они метались, глупо махали руками друг на друга, потрясенные, не верящие своим глазам, — а из неверия рождалось упорное нежелание поверить. Когда же они начинали приходить в себя и пытались действовать, популяры косили их, как загнанных животных, либо утыкывая стрелами, либо стирая с лица земли лучами звуковых ружей.

- Шансы!
- Подожди, — отозвался Глаз.
- Нет! Сейчас же!
- Пятьдесят на пятьдесят.

Цыганский Глаз цеплялся за поручень, идущий вокруг нарт, и подпрыгивал на сиденье, когда Силач швырял летательный аппарат то в одну, то в другую сторону, чтобы увидеть каждую подробность великой битвы.

- Пятьдесят на пятьдесят? Всего-навсего?
- Пятьдесят на пятьдесят, — подтвердил Цыганский Глаз с виноватым видом, словно эти проценты зависели от него.
- Но ведь у нас пока даже нет потерь! — настаивал Силач.
- Мы еще понесем потери.
- Как?

Цыганский Глаз прищурился, взгляд его затуманился.

— Есть две основные возможности. Собираются две большие группы для массовой контратаки, и каждая может добиться успеха.

— Ты видишь их в будущем?

— Да — в возможном будущем, конечно.

— Откуда последует атака? — спросил Силач, скривившись над рычагами управления, точно статистика нанесла ему удар под ложечку.

— Слишком трудно ответить, — сказал Глаз. — У каждой группы есть выбор — три направления, откуда можно обрушиться на силы популяров. Это значит, что необходимо оценивать вероятность для каждого из шести возможных направлений, а так много расчетов я не успеваю сделать, учитывая еще миллиарды второстепенных возможностей, которые тоже существуют. По мере развития событий я смогу увидеть яснее.

Силач фыркнул:

— Ну, тогда продолжай смотреть и сразу скажи, как только что-нибудь узнаешь!

Тиша теснее прижалась к Гилу.

Нарты скользнули вверх.

Гил предпочел бы сразу взять Тишу и направиться к Столпу, не дожидаясь, пока станет ясен исход. Они уже выбрали для себя страну за Столпом и не должны колебаться. Но пока не получалось.

Внизу группа загнанных в угол музыкантов, прижавшихся спинами к стене, которая осталась от домузикантских времен и была отполирована и покрыта рельефами, пустила в ход свистки и звуковые ружья и отважно, хотя и безнадежно,

обороняла свою последнюю позицию. С первого взгляда могло показаться, что они побеждают, но противник мог измотать их за счет численного превосходства, а потом уничтожить между делом, походя.

Силач тем не менее обеспокоился и остановил нарты в воздухе у этого места, держась футов на сто выше и в сторонке, в темноте. Он свесил голову за борт, чтобы лучше видеть. Остальным седокам ничего не оставалось, как тоже наблюдать за этим эпизодом. Собственно, выглядело все так, словно на самом деле не люди умирают, а куклы с волшебным электрическим управлением разыгрывают отчаянный кукольный спектакль в очень реалистических декорациях.

Семь популяров разлетелись сверкающимиискрами и исчезли еще до того, как успели открыть огонь по музыкантам. Музыканты радостно закричали и торжествующе замахали ружьями. Однако на них немедленно хлынула вторая волна мутантов, не считаясь со звуковым оружием. Ее составляли пятьдесят популяров с арбалетами. Они, должно быть, рассчитывали, что внезапный безоглядный бросок позволит им добраться до врага, прежде чем хоть один музыкант сообразит, что происходит. В их самоотверженности было безумие, от которого у Гила мурашки по спине побежали.

Популяры взрывались, как электрические лампочки, и исчезали навсегда.

И все же волна не рассеялась, мутанты не собирались поджав хвост броситься наутек. Они рвались вперед, не обращая внимания на вспышки света, в которые превращались их товарищи. Чет-

веро смогли добраться до музыкантов и выстрелить из своих арбалетов в упор. Они оказались счастливее своих товарищей, потому что успели выплеснуть часть неутоленной ненависти до того, как сами тоже погибли, исчезли, испарились, рассеялись прахом...

На секунду все как будто застыло. Всякое действие прекратилось.

Бойцы стояли, как восковые фигуры.

Только их одежда чуть шевелилась под ветром.

Но потом к музыкантам приблизилась третья волна популяров, которыми из заднего ряда командовал маленький карлик — он выкрикивал приказы и бурно жестикулировал. Его подчиненные несли перед собой доски для защиты от звуковых лучей. Некоторые пригибались за катящимися бочками, доставленными из руин сектора популяров специально для прикрытия. Карлик, возбужденно мотая не по росту огромной головой, вытирал мокрый нос рукавом грубой рубашки и умело направлял атаку, лишь время от времени прерывая командование, чтобы откашляться в кусок желтой бумаги. Музыканты подстрелили его первым, в момент, когда он кашлял. А потом начали палить, целясь в катящиеся бочки.

Бочки разлетелись искрами и исчезли.

Люди за бочками, ошеломленные, погибли, не успев даже подняться во весь рост.

Теперь музыканты взялись за щитоносцев и смели тонкие доски. Отдельные популяры, поняв, каким безнадежным стало вдруг их положение, отшвырнули свои щиты и бросились в атаку со странным отчаянием — оно пронизывало их тела, как электрический ток, и мышцы сокращались,

словно под повторяющимися импульсами. Пока прикрывались щитами, они не могли продвигаться так быстро, как гибнущая волна перед ними, да и вообще щиты эти были бесполезны. Но даже перейдя на бег, мутанты все равно не смогли добраться до врага. Последний из них был убит звуковым лучом в дюжине футов от музыкантов; в предсмертный миг руки его бешено взметнулись в воздух, арбалет загремел по тротуару, словно бы в знак капитуляции, которую враг все равно не принял. И которая, саркастически подумал Гил, не была бы принята популярами, окажись ситуация обратной.

Силач был встревожен. Мощь оружия музыкантов просто устрашала.

Теперь Гил видел, что при составлении планов недооценил сопротивление, которое сможет оказать город в подобных обстоятельствах. А уж если он сам недооценил, то Силач с его фанатичной самоуверенностью наверняка преуменьшился.

— Благословен будь Господь, сила моя, который научил мои руки воевать, а мои пальцы драться, Господь, добродетель моя и крепость моя, моя высокая башня и мой спаситель, моя защита... — декламировал нараспев Силач.

Да уж точно, понадобится им и спаситель, и защита, если и другие музыканты сумеют стряхнуть с себя вызванное страхом оцепенение и взяться за оружие, которое даст им превосходящую огневую мощь. Гил обратил внимание, что загнанные в угол музыканты, отбивающиеся у стены, уничтожают ружья своих павших товарищев. Они, похоже, твердо решили не допустить, чтобы это ору-

жие попало в руки популяров, даже если им самим доведется погибнуть.

А в этом сомневаться не приходилось.

С ливнем стрел обрушилась на них очередная волна мутантов...

На этот раз музыканты понесли тяжелые потери: пятеро из восьми были поражены насмерть. Они повалились вперед, истыканные бесчисленными стрелами, из тел где сочилась, где хлестала кровь, собираясь в лужи под ногами оставшихся троих.

Но эти трое, хоть и не были приучены к ужасам боя, сплотились и образовали оборонительную систему, которая, похоже, действовала неплохо. Они построились треугольником: один лицом влево, второй — вправо, а третий — прямо — и водили ружьями из стороны в сторону, время от времени гудящие лучи пересекались и, накладываясь, усиливали друг друга; одиночные лучи сжигали популяров, а скрещенные даже уничтожали стрелы в полете. Одной короткой командой их предводитель — тот, что смотрел прямо, — мог слегка повернуть треугольник и встретить огнем атаку с любого нового направления. Это была смертельная непроницаемая стена всесокрушающей вибрации, и популяры отступили — за вычетом двух третей от их первоначальной численности.

Силач молился. Очень громко.

Но тут пришло спасение... для популяров: люди-нетопыри.

Они спикировали сверху — три нетопыря против троих людей. Музыканты упали, сбитые с ног, их оружие разлетелось в стороны, покатилось по

камням через улицу, в нетерпеливо ожидающие руки охваченных экстазом мутантов. Люди-нетопыры сражались когтями и клыками, раздирали вражескую плоть с маниакальнымupoением. Даже сверху, с наrt, Гилу было видно, как горят их глаза; такого мощного пламени, дикого и примитивного, он не видел даже в глазах Зловредного — тогда, в подземелье. Это была беспримесная, чистая кровожадность, они раздирали плоть и сокрушали кости ради простой звериной радости — и эта кровожадность дотянулась своими липкими пальцами до живота юноши и защекотала его до тошноты.

Но Гил не ощутил позывов к рвоте, хотя он знал, что его должно было бы вывернуть наизнанку. Ведь организм нормального, небесчувственного человека просто обязан физически взбунтоваться при виде такого зрелища, разве не так? Но этот спектакль — человек против человека — уже не порождал в нем бунт. Когда же умер в нем тот нормальный, небесчувственный? Когда он впервые понял, что родные отец и мать добровольно бросили его, использовали, принесли в жертву ради какого-то Дела, чтобы потом еще раз, повторно, переломить его жизнь? Нет, тогда он не умер, но начал умирать. Может, он умер, когда пришло понимание, что музыканты уродуют людей, превращают их в гротескных чудищ, дабы завершить цепь своего общества, дабы дать своему низшему классу объект, по отношению к которому можно чувствовать превосходство? Нет, не умер, но тяжко заболел от этого знания. Так, может, он умер от зрелища кровавой бойни внизу? Может, она исчерпала его сочувствие к челове-

ческому роду? Возможно, хотя скорее это походило на медленное разрушение, а не на внезапную смерть, и каждое из этих событий подтасчивало силы того, нормального и небесчувственного...

Сочувствие умерло, когда возникло понимание, что человек, павший в этот миг насильственной смертью, в следующее мгновение сам уничтожил бы кого-нибудь. Прояви сочувствие к нищему, сделай его богатым человеком — и он рано или поздно обратится против тебя и станет соперничать с тобой, чтобы захватить твое богатство. В награду за доброту он сделает тебя нищим и не пожелает остановиться и вернуть долг, которым тебе обязан, поскольку твердо убежден, что, если из жалости сделает тебя богатым, ты сокрушишь его и снова превратишь в нищего.

Гил говорил себе, что не все люди такие. В самом деле, доказывал он, сам я не такой. Но тут же вспомнил день всего неделю назад, когда Рози завоевал свой Медальон, а сам Гил в тот момент думал лишь об одном: что Рози войдет в историю, а он знаком с таким великим человеком. Штрих эгоизма? Возможно. Система ломает даже хороших людей. Система — больше и сильнее всего. Это хозяин над хозяевами, использующий даже тех, кто воображает себя хозяином других.

Система не оставляет человеку права неприкосновенности души и удовольствия прожить жизнь так, как ему хочется. Система заставляет хозяина-мастерового использовать человека-орудие, а если хочешь избежать власти хозяев и прожить жизнь на свой лад, ты должен сам дергать ниточки и использовать других людей — коро-

че говоря, сам стать хозяином. И следовательно, жить не той жизнью, какой хотел. Это даже не порочный круг: это множество замкнутых концентрических колец, и все они бешено вертятся в других таких же множествах. И нет места тихого или спокойного, нет места мирного. Кроме одного...

— Вот так-то лучше!

Силач удовлетворенно засмеялся, когда люди-нетопыры с какой-то электрической, конвульсивной, визгливой радостью растерзали музыкантов, а потом взмыли вверх, и их кровавые улыбки были прорежены ошметками недавних врагов, а зеленые глаза горели зеленее, чем когда-либо прежде.

«Столп, — думал Гил. — Одно-единственное место».

— Есть! — закричал Цыганский Глаз.

— Что — есть?

Силача настолько захватила бойня, свирепствующая внизу, что он на миг позабыл все остальное — даже, кажется, молитвы из своих Семи Книг.

— Те две группы музыкантов, — объяснил Цыганский Глаз.

— И что?

— Одна группа уничтожена, видимо десантной командой. Я точно знаю, потому что они полностью исчезли из всех вариантов возможного будущего.

— И да ангел Господень гонит их, да будут они пред ним, как мякина перед ветром!

О, вот и молитвы вернулись!

— А вторая группа сейчас концентрируется за дубовой рощей в сотне ярдов к западу от Баш-

ни Конгресса. По крайней мере, именно там я их видел в большинстве вариантов возможного будущего.

— А шансы?

— По-прежнему пятьдесят на пятьдесят, — ответил Глаз.

Силачу это не понравилось. Лицо его исказилось, превратившись в суровую, угловатую маску гнева.

— В какую сторону они направят атаку?

Цыганский Глаз сосредоточился, на миг прижавшись лбом к поручню и вцепившись в него руками покрепче, точно хотел почерпнуть силы из твердой стали.

— Они пройдут по периметру западного сада неоновых камней и ударят сзади, со стороны главных развалин. Все рассчитано на внезапность... и мне кажется, они считают себя страшно хитрыми. Вероятность девяносто два процента, что атака пойдет с той стороны.

Гнев на лице Силача угасал по мере того, как он переваривал положительную часть информации.

— Неплохо! А мы проскользнем к ним за спину с отрядом людей-нетопырей и сами захватим их врасплох!

Тяжелой ногой он ударил по акселератору, вздыбил нарты и бросил вперед. Остановился на миг переговорить с кем-то из рукокрылых людей и послал его передать приказы Красному Нетопырю. А потом они оказались над дубовой рощей, бесшумно скользя, как большая ночной бабочка.

В группе, собравшейся под деревьями, было около восьмидесяти музыкантов, все в сверкаю-

щей ткани, которая никогда не исчезнет после того, как генераторы создали ее основную структуру — собственный внутренний заряд поддерживает звуковой рисунок бесчисленных петелек.

Насколько мог разглядеть Гил с этой бабочки, скользящей в ночи над отрядом, все восемьдесят были вооружены звуковыми ружьями, а некоторые и акустическими ножами. Первый разрушительный удар застал их неподготовленными, как и остальных музыкантов, которые уже погибли или еще не пришли в себя, но эти умели соображать лучше других и поразительно быстро разобрались в ситуации. И если уж кому суждено выйти живыми из бойни, то именно им. Это хозяева, властелины орудий, лидеры. И с учетом того, что повсюду сражающиеся музыканты уничтожают оружие своих погибших товарищ, эта группа, готовящая контратаку, вооружена лучше, чем любой отряд популяров.

Может, у них даже есть шанс.

— Какие шансы? — прошипел Силач.

— Все еще пятьдесят на пятьдесят, — виновато пробормотал Цыганский Глаз.

Тиша попыталась прижаться к Гилу еще теснее.

— Что-то должно нарушить равновесие, — сказал Силач. — Обязательно должно.

Затем появился Красный Нетопырь со своими легионами.

Они заполнили воздух — планировали, хлопали крыльями, пронзительно перекликались, занимая позицию. Мутанты пикировали с такой скоростью и под таким крутым углом, что должны были — как думал Гил — влупить в землю и разбиваться в кровавую кашу. Но в самый после-

дний возможный миг (да нет, миг этот не был возможным, ибо они уже пересекли грань катастрофы и то, что ухитрялись затормозить на такой короткой дистанции, казалось сродни чуду!) люди-нетопыры расправляли крылья, прерывая падение, и обрушивались на музыкантов.

Ночь разлетелась вдребезги, как разбитое зеркало.

Даже сюда, на эту высоту, где они сидели в нартах, словно зрители на трибуне, вознесся многоголосый пронзительный вопль.

Рукокрылые обрушились на музыкантов, разрывая их на куски с несдерживаемой яростью. Ландшафт превратился в бурлящую пузыряющуюся пену, которая взрывалась, испарялась, закручивалась вихрями. Возбуждение было чрезмерным для крылатых популяров, их мочевые пузыри не выдерживали этого яростного кипения.

Гил видел, как Красный Нетопырь упал на шею какому-то музыканту и ударил когтями снизу вверх. Затем бешено заработал крыльями, набирая высоту, и вырвал из тела окровавленный кусок. Удовлетворенный победой, Красный Нетопырь снова ринулся вниз, в схватку.

«И да ангел Господень гонит их...»

Злобные, жуткие ангелы, с перепончатыми крыльями и клыками...

Но вскоре к картине прибавился новый элемент. Музыканты пришли в себя. Из трех десятков, уцелевших после первой атаки, восемнадцать прикрылись желтыми звуковыми щитами. У кого-то защитные генераторы оказались при себе случайно, кто-то сообразил прихватить их с собой, сунуть эту штуковину размером с бумажник в кар-

ман просторной одежды, и теперь, когда разум вернулся к ним, эта сообразительность окупалась, сделав их несокрушимыми.

Словно желая испытать эту неуязвимость, один из нетопырей спикировал на прикрытого щитом музыканта, ударил в желтое сияние когтистыми ногами и отлетел с криком мучительной боли. Ноги его были непоправимо изувечены. Другой музыкант из милосердия прикончил его.

Действительно ли из милосердия?

Гил не мог решить. Может быть, во гневе. А может, и того хуже — просто из желания убить.

— Нападайте только на тех, кто без щитов! — кричал Красный Нетопырь. Его голос — громкое свистящее шипение — далеко разносился в прохладном ночном воздухе, перекрывая шум схватки.

Люди-нетопыры не пропустили мимо ушей слова своего командира и били теперь по незащищенным; их возмездие было слишком зверским, чтобы рассматривать его пристально. Они потрошили людей и сдирали кожу. Они целились в глаза и гениталии. Но это жуткое пиршество не могло обойтись без потерь. Звериная сторона возобладала в нетопырях над разумом — и это могло кончиться катастрофой.

Теперь, когда музыкантам (конечно же защищенным) не надо было опасаться за свою жизнь, они подняли звуковые ружья и акустические ножи и принялись хладнокровно и с ужасающей точностью кромсать и распылять нетопырей. Дюжины крылатых мутантов пали их жертвами — те, что слишком долго грызли лица мертвых людей или терзали промежности. Акустические ножи отсека-

ли им крылья. Под лучами звуковых ружей они лопались, разлетаясь сверкающим пеплом. Кое-кто из музыкантов просто поднял акустические ножи к небу и размахивал ими — они не видели врага, но знали, что он там.

Силач отвел наряды из зоны действия акустических ножей. Они продолжали наблюдать. Собственно, просто не могли оторвать глаз. Здесь решалась судьба всего этого крестового похода. Как ни мрачно разворачивались события, результаты могли либо придать смысл всем смертям, либо сделать всех павших дураками, которые отдали жизнь ради бессмысленного дела.

«Если вообще найдется на свете дело, которое нельзя назвать бессмысленным», — подумал Гил. Сам-то он, по сути, не сражался ни за какое дело. Он просто действовал как катализатор событий, которые должны были произойти рано или поздно — с его участием или без него. Может быть, он обманывал себя, но ему нравилось так думать. Такой подход как бы обособлял его, отделял от кровопролития.

— Господь Бог, в чьих руках отмщение, о Боже, в чьих руках отмщение, явись нам!

Гил не был уверен, о чем молит Силач, — то ли выискивает священный знак, который отметит его войну Божьей благодатью и обеспечит ему победу, то ли он ожидает, что Господь всемогущий (в одной из многих ипостасей, одобренных Всеобщей Церковью) в буквальном смысле слова явится среди звезд и поставит стопу свою на поле битвы, раздавив музыкантов и принеся людям-нетопырям и прочим популярам благодатную безопасность в пространстве между пальцами сей

стопы. Судя по тому, как Силач вновь и вновь взирает на небо с той же фразой на устах, подумал Гил, вероятнее второе.

Но разве музыканты не обращают те же призывы к своим богам? Так не понесутся ли Шопен, Григ, Римский-Корсаков и Владислович белыми молниями с небес в громовой симфонии, чтобы смести злобных нетопырей с лица земли и зашвырнуть их в безвоздушную пустоту далеко за солнцем? Ну уж нет.

Ни та, ни другая сторона не станут свидетелями явления своих божеств. Боги, понимал сейчас Гил, тоже часть системы хозяин — орудие. Использующие сотворили их в утешение используемым. Боги — это масло и эмульсия, позволяющие инструментам работать лучше, дольше и с меньшими потерями на трение.

Он вдруг понял, что никогда по-настоящему не верил в богов, просто не пытался анализировать религию и тем обнаружить в себе отсутствие веры. Или понять, почему другие люди нуждаются в богах. Это ведь куда глубже, чем просто суеверие. Боги, как понимает их человек, не что иное, как панацея, сладкая пилюля для умиротворения народа.

У него голова шла кругом от открытый этой ночи, от этого нового восприятия мира, которое он обрел так внезапно. Да, именно сегодня, а не в тот день на арене, он вступил в возраст.

Наконец все музыканты без щитов погибли — страшные, растерзанные, валялись они на земле. Бой сместился к большой площадке посреди сада неоновых камней, и казалось, что музыканты еще могут подавить мятеж.

— Шансы?

— Всего тридцать процентов шансов на успех, — гробовым голосом доложил Цыганский Глаз.

Пальцы Силача нервно плясали над панелью управления, но не трогали ни один рычаг, не нажимали ни одну кнопку. Его боги, похоже, бросили его на произвол судьбы. Ночь была непротивная темна. Но он уверял себя, что это, возможно, всего лишь проверка — сохранил ли он еще веру. В Семи Книгах полно было таких испытаний.

— Спускаемся. Гидеон, можно ли разбить эти щиты звуковыми ружьями?

Гил задумался на миг.

— Да. Нужно долго держать луч на мишени, но разбить можно. Однако есть опасность, что щит ударит обратно, по лучу от ружья, тогда взорвутся и щит, и ружье. Вы можете очень быстро лишиться всех трофеинных звуковых ружей.

Он договорил и подумал, увеличит ли этот скромный совет тяжесть его вины.

— Придется рискнуть, — сказал Силач.

Повернувшись обратно к пульту, громадный популяр повел наряды вниз, к полю боя...

А когда-то...

Силач стоял в темном крытом проходе, глядя на двух музыкантов, идущих навстречу. Эти люди выглядели силуэтами на фоне залитого солнечным светом двора за ними, он мог бы очень легко снять обоих, если бы догадался взять с собой арбалет.

Но тут сообразил, что и сам тоже виден четким силуэтом на фоне другого освещенного конца коридора, и, отскочив в сторону, прижался к холодной стене здания.

Музыканты его не заметили. Они шли дальше, все еще смеясь и хлопая друг друга по спине, в отличном настроении. Силач пытался отыскать место, чтобы спрятаться, — нишу в стене, дверь, что угодно, — но удача его покинула. И вот, когда он напружиился, готовясь к неизбежной драке, один из тех остановился и воскликнул, что забыл что-то там такое, а ведь хотел принести домой с праздника. Они немного поспорили, стоит ли возвращаться, все-таки плохая примета, потом повернули и двинулись обратно. Вышли во двор и исчезли из виду.

Силач перевел дух, заметил, что дрожит, и разозлился на себя за этот страх. Отлип от стены и кинулся к концу коридора, а перед самой границей солнечного света затаился у выхода и выглянул наружу.

Будочки, флагки, игры. Музыканты прохаживались туда и обратно и веселились вовсю — с поправкой на жуткую жару летнего дня.

В какой-то мере эта жара помогла Силачу. Будь двор переполнен, его шансы отыскать Детку свелись бы к нулю, а вероятность попасться кому-то на глаза оказалась бы астрономически высока.

В центре двора все еще стояла группа мальчишек-музыкантов, они собирались кружком и очень веселились. Силач пытался рассмотреть, что же там вызывает такой смех, но так и не смог. Он готов был уже махнуть рукой и поискать где-ни-

будь в другом месте, но тут мальчишки расступились, и он увидел Детку.

Они что-то сделали с молодым мутантом, правда, Силач не мог догадаться что именно. На голове у брата была сетчатая шапочка из мерцающего звукового материала, какое-то устройство издавало низкий журчащий звук. Лицо Детки выглядело обвисшим, пустым, как у идиота. Силач видел, что язык его свисает наружу, а по подбородку стекает слюна. Мальчишки превратили его в безмозглый обрубок, пустили к нему в круг собаку, суку, и подстрекали его развлечься с ней...

Глава 11

Популяры валялись повсюду, искромсаные и расчлененные акустическими ножами. Валялись немым напоминанием, ибо на каждого лежащего здесь мертвеца приходилось еще трое исчезнувших бесследно, обращенных звуковыми ружьями в ничто.

Пока они спускались к полю боя, Гил от страшенно размышлял, как отношения хозяин — орудие могли сохраниться от рассвета общества до заката Земли. Разве другие не понимали, что эта система уничтожает, но ничего не производит? Разве люди не видели того, что творится у них под носом? Нет, конечно, не он первый разглядел схему происходящего. Это ведь Рози помог ему понять, значит, Рози увидел все раньше. Скорее всего это видит каждый. Но система остается — по двум причинам.

Во-первых, многие из тех, кто видит схему и распознает ее смертельную, ослабляющую и без-

душную сущность, думает не о том, чтобы изменить систему, а о том, чтобы стать ее частью, попытаться достичь в жизни положения хозяина орудий, а вместе с этим положением — хоть какого-то покоя. Потому никогда не прекращается постоянная борьба между людьми за различные ступени власти. Этим объясняются войны прошлого и то, почему одна цивилизация рушилась, уступая место другой, которая становилась точно такой, как прежняя. Вовсе не потому, что орудия не могли вынести больше порядка вещей и поднимались в надежде изменить его. Просто какой-то хозяйствчик пытался завладеть властью и добавочным количеством орудий, а для этого требовалось воевать с другими хозяйствиками.

Во-вторых, всегда находились такие, которые не хотели становиться частью системы, не хотели ни использовать других людей, ни позволять использовать себя. Но всегда система оказывалась сильнее, а понимание этого приходило к ним слишком поздно — к тому моменту они уже были в ловушке. Зачастую эти люди становились самыми легкими в использовании орудиями, ибо обнаруживали, что абсолютное послушание хозяевам (президентам и королям, министрам и генералам, сенаторам и советникам, чиновникам и священникам) избавляет их от беспокойства и наказаний и позволяет хотя бы в отдельные минуты жить так, как им хочется.

Конечно, были и такие, кто находил выход — подобный тому, что избрали они с Тишай...

Силач посадил наорты в центре большой площади и направился в гущу популяров, раздавая команды и принимая подчинение как должное.

Он объяснял, что контратакующие продвигаются в эту сторону и дела обстоят неважно. Затем он поспешил уточнить, что это вовсе не значит, будто надо отступиться, — просто нужно упорнее сражаться. Он произнес краткую молитву, которую кое-кто выслушал, хотя многие игнорировали. Закончив с молитвой, он послал гонцов собрать рассыпанные по городу силы, приказав всем вернуться сюда, на площадь, в виде двух отдельных соединений. Людям-нетопырям велел полностью выйти из боя и объяснил, как следует бороться против щитов.

Первый ряд обороняющихся выстроили плечом к плечу поперек площади. Второй ряд мутантов стоял сразу за первым, третий — за вторым. В третьей шеренге были распределены несколько захваченных звуковых ружей. Гил понимал, что первые два ряда представляют собой всего лишь живой барьер, стену плоти, которая должна остановить звуковые лучи, задержать музыкантов на минуту-другую, пока звуковые ружья третьего ряда успеют захватить лучом и разрушить вражеские щиты.

Просто жертвы.

Даже менее того.

Пушечное мясо.

Конечно, они понимали это! И все равно спокойно стояли, пока стрелки из третьего ряда укладывали стволы ружей им на плечи, между головами. У Гила с Тишой были ружья, но они отдали их популярам, которые неудержимо стремились завладеть этим оружием.

«Бессмысленный жест, — подумал Гил. — Если мы до сих пор не обречены на проклятие, то не будем уже обречены никогда».

Появились музыканты и стали пробивать себе дорогу через площадь, сражаясь против не выстроенного в боевой порядок маскировочного фронта популяров, который скрывал за собой три ряда мутантов. Скоро эти неорганизованные отряды, понеся тяжелые потери, отступили за подготовленный оборонительный строй. Музыканты, видя перед собой открытый путь к трем шеренгам, вскинули ружья и принялись выбивать популяров из первого ряда, обращая их в ничто... поразить цель... повернуть ствол на другую цель, уничтожить, повернуть, уничтожить...

Но они еще не взялись за второй ряд, когда популяры открыли огонь по сияющим желтым щитам и раскололи ночь дьявольскими криками.

Янтарь щитов вспыхивал и полыхал.

Темнота отступала перед искусственным днем. Воздух трещал, рвался, шипел.

Гил стоял позади циклопа, стреляющего из ружья. Он почти физически ощущал, как возросло напряжение вдоль луча, когда шмелиное гудение ружья встретилось с гулом щита и вступило с ним в борьбу. Воздух, казалось, дрожал и шевелился, словно наделенное чувствами животное, только-только вступившее в жизнь. И внезапно щит, который циклоп избрал себе мишенью, мигнул дважды и исчез. Напряжение разрядилось вместе с ним. Наделенный чувствами воздух умер. Луч, упершийся теперь в ничем не защищенного музыканта, разметал его вишневой пылью.

Циклоп повел стволов чуть в сторону и прицелился в другой щит. Копьем рванулся луч, вонкнувшись в броню музыканта. Атмосфера начала сгущаться снова. Проходили секунды, а щит

оставался цел. Циклоп покрылся потом. Он помнил: есть вероятность, что и ружье, и щит исчезнут вместе, но никто не сказал ему, что при этом случится с ним самим.

Воздух запел.

Гил отступил на несколько футов.

И тут сноп чистого оранжевого света вырвался по дуге из щита и взорвался внутри ружья. Щит был разрушен, но звуковое ружье тоже. И популяр, который стрелял из него. Гил отвернулся от тела.

То здесь, то там повторялось бедствие, когда столкновение луча с полем уничтожало и ружье, и щит. Но где бы ни происходило такое, какой-нибудь другой фанатичный популяр становился в строй с новым ружьем и продолжал бой. Да, величайшая угроза для мятежников была преодолена. За этой ночью убийственного звука и ярости мог последовать только триумф.

— Шансы! — колоколом ударили голос Силача среди грома оружия.

— Девяносто четыре процента за успех! — выкрикнул в ответ Цыганский Глаз.

Гил отступил от шеренги стрелков, когда пал последний музыкант со щитом. На восточном конце площади началась отчаянная атака незащищенных музыкантов. Популяры радостно устремились туда, уверенные в неизбежной победе, воспламененные фанатизмом, доведенные до боевого безумия молитвами Силача — он выкрикивал им слова из Писания, мнимые священные слова, обещавшие божественное благословение их делу и их душам.

И не важно, что слова эти были написаны для древних солдат, павших давным-давно в отдален-

ных пропастью времени битвах прошлого. Павших за совсем другое дело.

Гил схватил Тишу за руку и потащил ее на край поля боя, к западному концу площади, примыкавшему к неоновым камням, которые все еще сияли — их питали собственные генераторы, упрятанные глубоко под землей.

- Пора к Столпу, — сказал он.
- А Рози? — спросила она.
- А что Рози?
- Мы не можем бросить его здесь!
- Он пытался убить меня, — напомнил Гил.
- Он был не в себе.
- Это я после драки с ним был не в себе!
- Он — мой брат.

Было в этом споре что-то ненастоящее, потому что на самом деле Гил не хотел оставлять мутанта здесь. Но и перспектива иметь его рядом удовольствия не доставляла. Рози мог все еще пылать боевым духом, все еще считать себя способным спасти город-государство, убив Гила. Тиша отстаивала противоположный взгляд так же неуверенно.

— Он мой брат, — повторила она слабым голосом.

- Ладно. Идем. Но нам придется поспешить.

Крепко держась за руки, чтобы толпа не разделила их, выбирая дорогу в тени и по свободным участкам, они двинулись к Башне Конгресса. Там у дверей несли вахту пятеро часовых с ружьями. Наверное, на их счету был не один десяток убитых — пораженные паникой музыканты, видя, что здание стоит по-прежнему, толпами бросались ко входу. Но звуковые ружья не оставляют после себя трупов.

К счастью, одним из часовых оказался циклоп, который отбивал наступление крыс в коридоре «Ф» неделю назад. Он вспомнил Гила и Тишу. Если бы не это, они и сами могли погибнуть.

— Что вы хотите? — спросил он, и голос его звучал отнюдь не так дружелюбно, как ожидал Гил.

— Силач сказал, что я могу доставить себе удовольствие, убив своего фальшивого отца, Грига, — ответил Гил.

Юноша подозревал, что его обман слишком прозрачен, но надеялся, что этому дикарю такой аргумент покажется логичным.

— Нам не положено...

— Силач приказал!

Циклоп окинул его внимательным взглядом:

— Ладно. Только поосторожнее. Они там внутри не знают, что тут делается. Мы не хотим раньше времени всплошить их.

— Да я тебе сам это говорил! — бросил Гил, проникая через матовые двери в гробовую тишину главного вестибюля.

Там внутри мирно спали музыканты, жившие в этой Башне, исходили похотью в своих сенсониках, безразличные к шуму снаружи. Гил остановился у центрального сердечника проверить, как чувствует себя Франц. Учитель был все еще без сознания. Гил не мог бы объяснить, почему его беспокоит безопасность старика; популяры захватят его в конце, как и всех остальных.

Они прошли к лифту и взлетели наверх на звуковых токах. На мгновение Гилу привиделось, что здание тает, как остальные Башни, что они с Тишой летят вниз в долгом-долгом безнадеж-

ном падении, подпрыгивают, ударяясь о перекрытия...

Но вот наконец и коридор, ведущий к комнате Гила, хотя сейчас он показался ему чужим и неизвестным. Теперь Гилу с трудом верилось, что он вообще когда-то жил здесь. Подойдя к дверям, он вдруг почувствовал себя мародером. Нет, скорее поклонником искусства, проходящим по заплесневевшим залам музея, ибо это и был своего рода музей — последнее творение колонии музыкантов на Земле.

Он отпер замок опознавательной песней и приложил ладонь к открывающему устройству.

Панель скользнула в стену, открыв темноту, подсвеченную искусственными звездами.

В углу раскинулся сенсоник, круглый и зловещий.

А в центре комнаты был Рози...

...повесившийся на решетке для упражнений...

Несколько секунд они стояли, не веря своим глазам, не в силах принять случившееся как реальность и смириться. А потом Тиша зарыдала. Гил быстро прикрыл дверь и подошел к телу. Шея была вытянута прямо вверх, голова поднималась над плечами, как никогда не поднималась при жизни горбатого юноши. Шея была сломана.

— Но почему? — спросила Тиша.

Гил уже вкратце рассказывал ей об их столкновении. Теперь же, чтобы она могла раз и навсегда понять, что толкнуло Рози на самоубийство, он рассказал все подробно, стараясь излагать мысли горбuna теми же словами, как тот сам их формулировал, и объяснил заодно, как повлияла на него самой философия композитора.

— Давай хотя бы снимем его, — сказала Тиша под конец.

Гил нашел среди своих вещей акустический нож и, перерезав шнур, отскочил в сторону — тяжелое тело ударилось об пол, подпрыгнуло и застыло.

— Не плачь, Тиша, — сказал он.

— Но...

— У нас есть дело. А Рози сделал то, что хотел.

Гил взял девушку за руку, с силой увлек прочь от трупа, в коридор, оставив Рози в комнате, как экспонат этого большого музея — последнего композитора мира музыкантов, избравшего единственный известный ему способ не стать орудием. Они шагнули в лифтовую шахту и опустились на нижний этаж. Пока шло падение, юноша и девушка обнялись, найдя утешение в кольце своих рук.

Оказавшись снаружи, они увидели, что битва еще бушует, но не оставалось сомнений, что музыканты проиграют ее.

— А теперь — Столп? — спросила Тиша.

Он увидел, что ее слезы высохли, и порадовался.

— Нам придется пробираться туда через поле боя.

— Что ж, идем.

Гил и Тиша вышли на площадь, стараясь держаться края — здесь сверкали неоновые камни, зато битва осталась в стороне. Впереди виднелась гудящая, вихрем вертящаяся колонна. Они уже одолели полпути, оказавшись за спиной у сражавшихся, и тут Гил увидел Силача — тот вышел из боя, и разгоряченное лицо было озарено безумием.

— Эта девушка, Гидеон... — сказал Силач. — Война выиграна, и девушка не может быть участницей нашей победы.

— О чём ты говоришь?!

— Ты — пророк. Тебе известно, что ты пророк. А она — из числа наших врагов, которых ты помог поразить. И она женщина. Книги гласят, что пророки целомудренны, Гидеон. Пророки целомудренны. Понимаешь, они воздерживаются.

Говоря это, он подходил все ближе, вытянув к Тише руки.

Прежде чем слова Силача успели проникнуть в мозг Гила, безумец уже схватил девушку, толстые пальцы сомкнулись у неё на шее...

— Стой! — закричал Гил.

— Ты — пророк, Гидеон. Ты был назван в честь пророка...

Гил прыгнул на популяра, вцепился ему в лицо, но Силач сбросил его с себя легко, как блоху.

И тогда Гил обнаружил у себя в руке акустический нож, тот самый, которым он перерезал шнур, снимая Рози с выбранной им самим виселицы. И полоснул ножом, стараясь не задеть Тишу.

«Это мой отец!» — подумал Гил. И мысль эта прогремела у него в голове безмолвным криком.

Но остановиться он не мог.

Силач закричал и скрчился. Он по-прежнему держал девушку, но на мгновение разжал пальцы.

Гил еще раз полоснул режущим лучом.

Силач упал.

Тиша закричала, но она уже была свободна.

Лица над Силачом плавали, то появляясь, то пропадая в странной смеси сновидений, которые содержали в себе то все эти лица, то ни одного... Кто? Где? Он пытался сфокусировать взгляд, но не мог избавиться от нетающего тумана. Потом лица подернулись рябью, а перед глазами встало прошлое.

Он увидел в прошлом Детку. Детка был в кругу музыкантов, лежал на земле с собакой, сукой...

Силач закричал и бросился к брату...

Все снова подернулось рябью, туман растаял, а он смотрел на кольцо людей, которые стояли вокруг, глядя, как он медленно умирает, умирает окончательно. Силач обводил глазами этот круг, переводя взгляд с одного лица на другое. Почти все они принадлежали мутантам. И почти все выглядели не особенно печальными, им было просто интересно — да и то не очень. Но разве они не знают, кто он такой? Разве не знают, что он — отец пророка?

Пророка? Он, поискав глазами, нашел юношу. И не смог понять выражение его лица. В нем тоже не было печали. И все же виделось нечто большее, чем простое любопытство. Силач попытался отодвинуть лицо в сторону и посмотреть, что у него в мозгу, но не смог. Разум юноши был слишком чужд.

А потом одно лицо осветилось яснее всех остальных в этом круге, забурлило, выступило из дюжины других лиц, стало резче и крупнее. Это было черное лицо под капюшоном из черной ткани. Оно разрасталось и разрасталось, пока не заполнило все небо, черты его стали громадными, как горы и долины. Силач знал, чье это лицо,

он бешено закричал, ища от него спасения, но не мог шелохнуться. Ну конечно, у него ведь отрезаны ноги. От Смерти нет спасения. Но он не мог утешиться неизбежностью. Он не мог думать ни о чем другом, лишь бормотал с ненавистью агонизирующими, увядающим голосом:

— Боже, Боже мой, почему ты покинул меня?
Ответа не было.

Гил отвернулся от трупа, когда крик иссяк. Нужели же смерч этой ночи никогда не успокоится? Он едва не засмеялся, потом сдержался, хотя в том, что он понял сейчас, было достаточно иронии, чтобы вызвать смех.

Почему существуют хозяева орудий? Почему так рвутся люди властвовать друг над другом? Ответ отыскался без труда и был обманчиво прост — точно таким же обманчиво простым было решение задачи на арене. Ответ: все они боялись смерти и отчаянно цеплялись за мечту о бессмертии. Владислович оказался неспособен принести бессмертие; если бы он сумел, то, наверное, не было бы больше необходимости становиться хозяином. Обладая бессмертием, каждый человек мог бы оставаться самим собой — и к черту влачесство и подчинение.

Но без настоящего бессмертия единственный способ, дающий надежду жить всегда, заключался в памяти, которую этот человек оставлял в других людях. Если человек при жизни был Великим Мейстро, он может рассчитывать на бессмертие такого рода. Его никогда не забудут полностью. Он может дотянуться из могильной гнили неося-

заемыми пальцами и расшевелить воспоминания о себе в головах других людей. Бессмертие заурядного человека длится лишь то время, пока живет семья, оставшаяся после него, однако если он мог править, если мог принести горе одним и радость другим, мог использовать людей, чтобы обеспечить себе место в истории, вот тогда он не умрет. Никогда...

И в конце концов Гил рассмеялся, не в силах больше сдерживать смех. Он понял, что родился слишком рано. Он бы пришелся к месту в мире какого-то отдаленного будущего, когда человек наконец овладеет физическим бессмертием, в мире, в котором не будет нужды в хозяевах над орудиями, где каждый человек наконец-то обретет свободу, где овладеют Девятым Правилом и научатся его использовать. Родился слишком рано.

— Что с тобой? — спросила Тиша.

— Понимаешь, — сказал он, промокая слезы из глаз, — то, чего он больше всего боялся, это как раз то, чего мы не боимся вообще. Он боялся Смерти. А Смерть — это единственное бессмертие, то самое, которого он так жаждал все время.

Она взяла его за руку и крепко сжала.

— Идем. Скорее. Они нехорошо смотрят на тебя. К Столпу!

Они повернулись, чтобы пробежать последние несколько сот футов до Столпа, и столкнулись с Красным Нетопырем. Глаза мутанта горели зеленым светом, словно странная пузырящаяся лава.

— Уж не решил ли ты перебежать от нас к врачу? — спросил Красный Нетопырь.

— Мы... — начала Тиша.

— Мы больше ни на чьей стороне, Красный Нетопырь, — сказал Гил, ощущая в себе горячее ликование. — Силач пытался убить Тишу. Он был фанатик. Мы не перебегаем ни к кому. Мы просто уходим.

— Нет, еще не уходите, — сказал мутант и отступил на шаг. Расправил крылья, хлопнул ими, снова плотно сложил.

Зеленые глаза пылали...

— Что значит — нет? — спросил Гил.

Красный Нетопырь резко выдохнул воздух через ноздри, моргнул огромными глазами.

— Из-за этих людей. Теперь, когда твой отец умер, они станут искать тебя, чтобы ты был новым вождем.

— Не станут, — возразил Гил. — У меня нет мутаций. Я не гожусь.

— Они непременно станут искать тебя. А я сам хочу быть вождем и думаю, ты не должен получить власть после того, что сделал.

— Прекрасно, — сказал Гил. — Власть твоя. Все твое. Прими наилучшие пожелания. Идем, Тиша.

— Стой! — Красный Нетопырь ткнул Гила когтем в грудь. — Мы будем драться.

— С ума сошел! Чего ради?

— Кто победит в драке, тот и будет вождем. Власть перейдет к нему.

— Я и так отдаю тебе власть. Ты что, не понял?

— Они не поверят, что ты уступил власть. И не подчинятся моему верховенству.

Гил нахмурился, оглянулся на других популяров, снова посмотрел на Красного Нетопыря:

— Ну почему же? У тебя ведь есть свидетели.

— Дерись! — Красный Нетопырь ощетинился, выставил когти.

— Помолчи, Красный Нетопырь. Ты прекрасно знаешь, что они тебе поверят и признают твое верховенство. Но есть еще кое-что, кроме власти. Ты мой должник, сам знаешь. Ты должен мне за то, что я за тебя убил Зловредного. Ты сам это сказал в тот день в пещере. — Красный Нетопырь молчал. — Так что давай разойдемся без драки. Это та расплата, которую я от тебя требую. Давай расстанемся мирно.

— Слава, мой мальчик, — проговорил Красный Нетопырь, и голос его прозвучал тоньше, чем обычно, — не такая штука, которую легко добыть. Когда-то о нынешнем дне будут рассказывать легенды. Будут рассказывать, как Силач задумал план и как получилось, что Красный Нетопырь возглавил новый народ. Легенда о том, как пал Силач, уже сложилась. Но как Красный Нетопырь пришел к власти — это должна быть драматическая повесть, а вовсе не сухой рассказ о дипломатическом сговоре, о котором не стоит и помнить. И потому я объявляю о своем желании отомстить за смерть Силача. А кроме того, мне не нравится твоя внешность. — Он ухмыльнулся, клыки размером с большой палец сверкнули над губами. — Дерись!

— Нам нужно уйти вместе, — торопливо заговорила Тиша. — Иначе мы можем не встретиться в одной точке, не найти друг друга на той стороне. А это значит, что мы оба должны уйти через Столп.

— Я уже убил одного такого, как он, — сказал Гил. — И думаю, прекрасно справлюсь со вторым.

— Зловредный был слабаком, — бросил Красный Нетопырь.

— Увидим, — сказал Гил.

— Да, думаю, увидим.

И они, кружка друг против друга, начали свою маленькую схватку, а позади гремела большая битва.

Красный Нетопырь знал силу юноши. Он не бросился ему на затылок, хлопая крыльями, как Зловредный, вместо этого осторожно описывал круги, выжиная — либо мальчишка раскроется, либо ему надоест игра и он прыгнет первым.

Так и вышло. Гил прыгнул — и руки его сомкнулись на крыльях противника, хотя были нацелены на горло.

Юноша почувствовал, как когти злобно вонзились в его тело, терзая и раздирая, умышленно отыскивая те места, куда впивались клыки и когти Зловредного неделю назад. Плоть лопалась, как зрелый плод, и расползалась под ними. Гил бешено замолотил кулаками и попал Красному Нетопырю в лицо. Тонкий хрящ носа хрустнул, смялся, ударила струя крови. Но Нетопырь раскрыл рот, глотнул воздуха и устоял, продолжая выворачивать когти и пытаясь разорвать противнику яремную вену.

Гил ломал хрупкие крылья, а вокруг несся галопом шум и свет. Но ему никак не удавалось нанести еще один хороший удар. Голова Нетопыря все время ускользала, то вперед, то назад, то в одну сторону, то в другую — как змея, раскачивающаяся под звуки флейты.

Нетопырь вдруг нашел незащищенное место и впился зубами в руку Гила. Но ему пришлось тут же выпустить ее, потому что дышать носом он не

мог и вынужден был держать рот открытым. Он не мог пустить в дело клыки. Зато когти умели рвать убийственно — и рвали.

Безжалостно...

Боль — как лед.

Боль — как огонь.

Потом Нетопырь прыгнул на юношу, и оба повалились на землю.

Гил оказался снизу, придавленный к земле когтями и крыльями. Красный Нетопырь вырвал когти из его боков, зашипел и обрызгал лицо Гила кровью и слюной. Глаза у него были как у безумца — точно он увидел перед собой бессмертие и знает, что должен схватить его немедленно, пока оно не ускользнуло и не затерялось в потоке вечности.

Гил, словно ему не грозила смертельная опасность, вдруг подумал обо всех маньяках, которые убивали без причины — или по крайней мере без видимой причины. История довоенной Земли пестрела такими. Как и история музыкантов. Наёмные убийцы. Массовые убийцы. Все они жаждали бессмертия. Так и вышло — они его получили. В памяти человечества знаменитые негодяи живут так же долго, как знаменитые герои. Убей сотню людей — и кто-то где-то будет говорить о тебе и через тысячу лет, пусть говорить как о примере психической нестабильности, но все-таки говорить. Убей лидера, вождя — будет то же самое.

«И почему люди позволяют убийцам жить после смерти? Почему дарят им бессмертие, которого те жаждали? Потому что, — думал Гил, — почти каждый хочет добыть и для себя нишу в истории, хотя бы такую, как убийца. Нас завораживает факт, что они не только стали повелителями орудий са-

ми, но использовали других повелителей (в отличие от простых людей — орудий), чтобы добыть себе бессмертие».

— А сейчас ты умрешь, — сказал Красный Нетопырь, поднимая когти, чтобы распороть Гилу лицо и вырвать глаза. — А я начну жить!

Но Красный Нетопырь поторопился. Когти так и не коснулись лица юноши. Внезапно монстр дернулся вперед с остекленевыми глазами и рухнул на свою несостоявшуюся жертву — мертвый...

Гил выкатился из-под покрытого мехом тела и подождал, пока прояснится в глазах. Он увидел над собой Тишу — приклад ее звукового ружья блестел от крови Красного Нетопыря.

— Мне пришлось... — сказала она.

Он чувствовал, как его собственная кровь стекает по телу. Он кивнул, взял ее за руку и повел к Столпу, который ярко мерцал впереди. Они приближались к коричневой колонне, и на них опускался хрупкий покой...

А когда-то...

Силач смотрел из полумрака коридора туда, где лежал с собакой Детка, туда, где смеялись другие, где солнце безжалостно освещало сцену, которую он хотел бы полностью стереть из памяти, выжечь раскаленной кочергой и оставить только холодный шрам. Но не было никакого способа избавиться от памяти сейчас. Они себе на потеху низвели Детку до животного состояния, и эта картина будет преследовать его всегда.

Не задумываясь, не планируя, не оценив расстояние, не наметив способ действий, он вылетел из коридора на площадь, к мальчишкам-музыкантам, которые это сотворили. Силач добежал до них прежде, чем они его заметили, ворвался в круг, раскинув тяжелые руки, он бил, колотил, швырял их наземь, свирепо пинал ногами, целясь в шеи и ребра.

Очень долго он действовал как автомат, бездумный механизм, запрограммированный только на разрушение. Он рвал их, заставил плакать, кричать, проливать на камень кровь и сопли. Силач сознавал, что кто-то наверняка успел удрать и вот-вот приведет помочь, но не позволял осторожности отвлечь себя. Когда он покончил с теми шестью мальчишками, которых бил, и ни один из них уже не шевелился, не дышал, когда не билось уже ни одно сердце, он подошел к Детке, снял с него сетчатую шапочку и отшвырнул в сторону.

Он взял Детку на руки, словно брат и вправду был еще младенцем, и побежал с ним обратно через крытый проход, через соседний сквер во второй проход и дальше, дальше, между неоновыми камнями, за разрушенный грузовик, в руины, которые они называли своим домом...

Позднее, когда стало ясно, что надругательство, которое совершила звуковая шапочка над мозгом Детки, — это не временно, а навсегда, Силач попрыгался вернуться в город. Но Ракушка, его отец, не пустил. Со временем он немного успокоился, но помнил, как текла кровь музыкантов. Как трещали их кости. Как они умирали...

И он начал ощущать, что в нем есть нечто особенное. Возможно, он избран, чтобы нанести ответный удар угнетателям.

Дни проходили, а Силач вновь и вновь видел утратившего разум Детку (слюнявого, бессмыс-ленно лепечущего, с пустым взглядом), и чувство избранности в нем укреплялось. Мечта начала обретать плоть. Он знал, что должен лишь дождаться подходящего времени и ему будет дана возможность омыть улицы Вивальди кровью музыкантов.

Глава 12

Гил вспоминал балладу, которую играл ро-бот-оркестр за ужином в тот вечер, накануне Дня Вступления в Возраст.

— Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой...

Они почти достигли Столпа, но тут нескользко помощников Красного Нетопыря нашли его растерзанный труп и узнали историю поединка и предательского удара Тиши от других популяров-нетопырей, которые все видели своими глазами. Возбужденно перекликаясь, мутанты кинулись вслед Гилу и Тише, а тем оставалось пройти не-сколько последних драгоценных футов.

— Они гонятся за нами! — крикнула Тиша. — Они нас остановят...

— Дай мне свое ружье.

Он пристроил ружье на статуе Шопена, кото-рая стояла на площади, и наклонил его так, что-бы ствол смотрел на колонну.

— Что ты делаешь? — недоумленно спросила де-вушка.

— Луч ружья сомнется с конфигурацией Столпа, — объяснил он, включая ружье. — Через несколько минут после того, как мы войдем внутрь, оно его уничтожит.

Он взял ее за руку и повел вперед.

Позади хлопали крылья...

Нетопырь, опередивший остальных, обрушился Гилу на плечи. Юноша вывернулся и отбросил его прочь, прямо в Столп. Мутант исчез — и визг его оборвался так внезапно, как будто ему перерезали горло.

Тщательно избегая тонкого гудящего луча от звукового ружья, который воздействовал на структуру Столпа, они шагнули в пульсирующую колонну и были поглощены ее бесчисленными жужжащими, воющими, трепещущими мелодиями...

...в руках его мертвый младенец лежал...

Перед ними от горизонта до горизонта раскинулось черное небо, проколотое кое-где блеклыми коричневыми звездами. Справа поднимались шоколадные горы. Слева тянулась охряная равнина...

Земля словно излучала тишину.

Они пошли вперед, но казалось, не шли, а летели вместе с землей. Черная трава прорастала через ноги, оплетала и, ослабев, пропадала, когда не могла удержать их. Впереди стоял человек-нетопырь, которого Гил бросил в Столп.

— Что-то не так, — сказала Тиша. — Ты чувствуешь?

— Да, — ответил он. — Если это Смерть, то где все остальные? Тут должны быть другие. Много других. Мы не первые умираем сегодня.

— Гил! — воскликнула она.
— Да?
— Звезды! Посмотри на звезды! Они сложились в лицо Рози!

Он поднял глаза. Да, ей не показалось. Но когда они попытались заговорить с галлюцинацией, та как будто не заметила их вообще. Они не могли докричаться до Рози.

Потом Гил увидел, что луна — это Красный Нетопырь со сложенными кольцом крыльями. Теперь у него не было ни клыков, ни когтей на руках.

Молодые люди закричали ему, но он не отозвался, словно не знал об их присутствии.

Они вышли к обсидиановому дереву, ониксовые листья его отбескивали странным лунным светом. Но когда Гил коснулся ствола, рука прошла насквозь и ничего не ощутила.

— Я боюсь, — проговорила Тиша. — Тут все неправильно. Как будто ненастоящее, как во сне.

— Галлюцинации, — сказал Гил. Он имел в виду лицо Рози в звездах и силуэт Красного Нетопыря на луне.

А потом, прежде чем прозвучало еще хоть слово, звуковое ружье, которое Гил оставил на статуе Шопена, наконец-то смогло сокрушить молекулярную структуру колонны. Стены этого мира как будто обрушились на них. Их тела взорвались миллионами светлячков, рассыпались ярким дождем белой пыли, сверкающей и мерцающей. Оба они почувствовали, как покидает тело энергия и странные новые вибрирующие силы вливаются внутрь.

Яркие пыльные частицы осели, слились и снова стали их телами.

— Что случилось? — спросила Тиша.

— Все очень просто, — ответил голос позади.

Гил и Тиша обернулись и увидели улыбающуюся Рози.

Они подняли глаза к звездам, но там его лица больше не было. И луна больше не была Красным Нетопырем.

— Вы находились в стране Смерти, — объяснял Рози, — но не были мертвые, ибо вошли сюда сами, вам не пришлось для этого умереть. Тем самым вы оказались анахронизмом. Вы не могли по-настоящему стать частью Смерти, пока не сбросили оболочку жизненной энергии, приспособленную к миру вне Столпа. А когда Столп разрушился, вы были убиты. Тогда растаяли все галлюцинации, а вы обрели реальность. Смерть — это другая плоскость существования, и теперь вы приспособлены к ней.

Гил взял Тишу за руку.

Теперь он видел других людей, и каждый из них был чем-то занят.

— Ближайший город — в той стороне, — сказал Рози.

Они шли вслед за ним, поднимаясь в гору, а ночь этого мира быстро неслась к утру. Звезды падали вниз, расчерчивая небо коричневыми, цвета умбры, штрихами, их падение вписывалось в равномерный ритм грохочущего прибоя, обозначающего собой край огромного, не нанесенного на карты моря — там, за...

Кунц Дин

K91 Симфония тьмы: Роман / Пер. с англ.
П.В. Рубцова. — М.: ЗАО Изд-во Центр-
полиграф, 2003. — 252 с.

ISBN 5-227-01330-9

На разоренную страшной войной Землю высадился десант из чужого мира. Звездные странники построили город-государство и вскоре захватили власть на планете, вытеснив в резервацию расу популяров — бывших людей, а ныне радиационных мутантов. Популяры мечтают возродить свое былое величие и похищают ребенка главы инопланетной колонии, чтобы подменить его сыном своего предводителя. С ним связаны все их надежды на возвращение утраченных позиций, осталось только дождаться, когда он вырастет...

**УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)**

Литературно-художественное издание
Дин Кунц
СИМФОНИЯ ТЬМЫ
Роман

Ответственный редактор *Р.Ш. Ахунов*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 02.04.2003
Формат 70x90 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 10,82
Доп. тираж 9 000 экз. Заказ № 1412

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ДОН Симфония тьмы

На разоренную жестокой войной Землю высадился десант из чужого мира. Звездные странники построили город-государство и вскоре захватили власть на планете, вытеснив в резервации расу популярных — бывших людей, а ныне радиационных мутантов. Популяры мечтают возродить свое былое величие и похищают ребенка главы инопланетной колонии, чтобы подменить его сыном своего предводителя. С ним связаны все их надежды на возвращение утраченных позиций, осталось только дождаться, когда он вырастет...

ISBN 5-227-01330-9



9 785227 013309

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®